

18+

ШРАЙ

**СИСЯ
ФИГАСЕ**

Урай

Сися Фигасе

2025

УДК 82-3
ББК 84-4
Ш85

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Шрай

Ш85 Сися Фигасе / Шрай. — [б. м.] : [б. и.], 2025. — 208 с.
[б. н.]

Я вижу, тебя заинтриговало название.

К концу первого предложения станет ясно, что оно значит, а если продолжишь читать, то поймёшь и всё остальное: и про симуляцию, и про телепорточки, и про психонавтов со свистоблятками.

В чём связь между фильмом «Шоу Трумана» и пылевыми клещами, как во-рона может быть хакером, что такое помехарики и многое другое.

Хольй факхин щит! Чего тут только нет.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Шрай, 2025

*Так это манчикам, броч.
Так это манчикам.
Не типчикам,
Не тянчикам.
Манчикам.
Загиметриксы.
И супа-дуна мя.
И все, как в Матрице,
Эй!*

Ми Барбарис

Сися Фигасе ненавидел ждать. Он был, несомненно, в этом крайне хорош, но ненавидел тем не менее. Его нетерпеливость проявлялась лишь в сжимании-разжимании пальцев ног внутри ботинок. Благо его вездесущая маман не обладала способностью экскрэить сквозь поверхность его школьных шузов и не догадывалась о страданиях сына. По крайней мере, Сися на это рассчитывал.

Маман опаздывала на свою ежегодную встречу свистобляток и носилась из угла в угол на четырехколесных домашних роликах, мелькая своей байкерской бородой то тут, то там. Если бы не опоздание уже на целых десять минут (будьте прокляты ключи, где же эти ключи) и если бы не тот факт, что ее выступление в этом году было первым, она б непременно обратила внимание на вспотевшие брови Сиси, раздраженный оскал его жующих челюстей и его ритмичное поцокивание. Ведь на самом деле Сися был вовсе не так хорош в сокрытии своего нетерпения, как ему казалось. Фактически он был в этом деле одним из худших. Но его бородатая мама не замечала все равно. Ей было не до этого.

— Может, ты на них сидишь? — пискнул ее гусячий голос, и она остановилась в дверном проеме. Сися ощущал невозмутимую ровность стула жопой, но привстал тем не менее продемонстрировать отсутствие ключей. Вероятно, эта сцена триггернула некую коробочку в ее памяти, и она хлопнула себя ладонью по лбу — шмяк — так что колокольчики в ее висячих сережках серебрято закачались. Не теряя ни мгновения, она прошелестела колесиками роликов до комода в гостиной, распахнула его теат-

ральным взмахом и выщипнула из хрустальной вазы связку ключей.

— Давай, я понеслась. Не шали.

Хлопнула входная дверь, и Сися выждал десять контрольных секунд, не шевелясь, ожидая маманского возврата за очередной забытой вещью.

Материнскому указу он следовать был не намерен — последние десять дней он только об этом и думал. Конечно, «шалить» — это не тот глагол, что пришел бы ему на ум для описания грядущего. Скорее — поджечь, или, как выражались старики, — вспальнуть. Сисе нравилось говорить как старики. От этого его собственные девять лет не казались настолько одноциферным числом.

— Вспальнуть, — прошептал он вслух, смачно выстрельнув — ттт. — Так, — сказал он и хлопнул в ладоши. — Пора.

Соблюдать cool было не перед кем, и он по-мальчишески побежал в свою комнату и крикнул Сисе, домашнему голосу-ассистенту:

— Мотоциклетный наряд!

Из стены выехала вешалка с механической рукой, на указательном пальце которой висел желто-черный осиный костюм — воистину мотоциклетный, разве что без шлема. Путаясь и елозя, он натянул комбинезон и мельком глянул в зеркало на стене: блондин, коротко пострижен, немного вздернутый нос, подбородок с большой буквы П, разрез глаз шкодливый, губы — типа «закусил». Взъерошен, взбудоражен.

Сперва Сися рванул в сторону двери, но передумал — переродиться было быстрее, чем спускаться на лифте, тем более что в лифте есть камера и его бородатая мамаша могла просмотреть запись, случись что непредвиденное. Хотя, конечно, ничего непредвиденного случиться было не должно. Сися ничего такого не предвидел.

Он ощутил надвигающийся чих и замер в ожидании. Чих так и не пришел. Сися пожал плечами, распахнул окно, взобрался на подоконник и разбился насмерть.

* * *

Одно из преимуществ перерождения заключается в том, что в зависимости от локации на воскрешенном теле появляется соответствующая обувь. Исторически так сложилось из-за давнишнего судебного разбирательства между двумя политиками, когда президента какой-то давно забытой республики переехал слепой таксист в тот самый момент, когда свежереродившийся политикан менял туфли на кроссовки.

Политикан переродился босиком и отморозил себе ступни. В результате суд протолкнул сразу две реформы: первая заключалась в том, что отныне слепые водители были обязаны наклеивать стикеры на свои авто «Я слепой, посторонись!», что были продублированы на ста восьмидесяти языках, включая Брайль, тем самым залепляя лобовое стекло чуть менее, чем полностью. Благо слепым водителям это не мешало ничуть.

Вторая реформа — если ты переродился снаружи, то государственная программа, основываясь на данных об окружающей погоде и поверхности, высчитывала надлежащие шузы из виртуального гардероба и новорожденный являлся обутом.

Сися отряхнул мотоциклетный комбинезон, щелкнул кнопкой на роликах и покатился по улице прочь от самозатягивающегося кровавого пятна с его предыдущим, теперь полупрозрачным телом.

Разумеется, симуляция не воскрешала кого не попадая за бесплатно, пас давался только детям до 14 лет,

после чего умирающим приходилось платить за ресурс процессора, который неустанно продолжал симуляцию где-то там, за ее пределами.

Отсюда, к слову, и пошла традиция ритуально поканчивать с собой за день до официального четырнадцатилетия в последний халявный раз. Это теперь было настолько превалентно, что все модные пики скал и суицидальные башни были зарезервированы на год вперед.

Достигнув хайвэя, Сися вщелкнулся роликами в рельсы, и поток подхватил его к пункту назначения — локальной телепорточке. Насыщенный озоном городской ветер хлестал по щекам, солнце играло бликами по хромовым шпилям и стеклянным офисным башням Сутулой Пурги — городе, в котором Сися родился, вырос и (несчетное количество раз) умер.

День выдался солнечным, синим и хрустким. Ледяной ободок сдавливал щиколотки Сиси там, где ролик крепился к рельсу хайвэя. Мотоциклетный комбинезон прилегал неплотно, и то и дело ему задувало в штанину холодной струей.

Чтобы отвлечься, Сися глянул в свой внутренний чат. Зрители, как и ожидалось, бушевали в преддверии вспалева — занятия, которое, согласно его маме, попало под категорию «шалость». «Да ладно тебе уж, — подумал Сися, — ничего такого страшного. Взрослые то и дело вспаливают — и ниче».

В ответ на его мысли во внутренний чат посыпались изображения Капитаныча — одноглазого моряка с залихватской трубкой в зубах и надписью «Эко!».

Сисю снова обдало холодком, на этот раз изнутри, и он поспешно свернул чат, ведь, несмотря на его (абсолютную) уверенность в безопасности подпалева, он, конечно, знал, почему детям этим запрещено заниматься. В среднем четыре юзера в год забывались

в персоне Капитаныча и, кроме как «Эко!», ничего не могли более сказать.

Телепорточный маяк засиял на горизонте, и Сися отконнектился от хайвэйной рельсы, снижая скорость, мелькая лампочками на колесах роликов.

* * *

Фойе Телепорточки агрессивно мерцало. Под потолком вращался дискобол, отбрасывая вспышки на блестяшки, впаянные в каменные стены. Форма помещения была как тюбик зубной пасты, в основании которой за круглым стеклом восседал на табурете оператор: тощий, с длинной шеей и лампочкоподобной головой, с круглыми очками на миниатюрных глазах. Его бледная кожа контрастировала с полоской розового глиттера на переносице. Это был, пожалуй, самый депрессивный индивид в истории индивидов.

Как известно, стекло было односторонним, с прозрачностью наружу, так что клиент видел оператора, а оператор смотрел на собственное отражение, полагаясь на голос клиента для определения возраста.

Разумеется, телепортироваться до 14 лет позволялось только со взрослыми, посему план Сиси всецело полагался на односторонность стекла и его способность имитировать хриплый бас. Благо в деле имитации Сися был мастер. Он прокашлялся, настраивая инструмент.

— Добрый день, оператор. Телепорт в один конец — до Пасечки Кентавра.

Цок, полуденный оператор Телепорточки имени Енина, не улыбнулся в ответ. Перед ним стоял малец не старше десяти, в комбинезоне цвета яичного желтка и пытался сойти за взрослого, хрипя и корча голосовыми связками. Слух о том, что стекло оператора было

односторонним, распространялся в школах испокон веков. Гениальный ход бюро эдьюкации, один из немногих. Большинство операторов ждали мальцов с нетерпением и с трудом сдерживали смех, когда очередной юнец пытался сойти за взрослого. Но Цоку сегодня было не до смеха.

Его личные дела шли скверно. Вот уже который год на романтическом фронте сплошные говнометы. Вчерашнее свидание с Тиарой — тому яркий пример. На глазной сетчатке Цока все еще горела ее ироничная ухмылка.

— Оператор Телепорточки? В двадцать три года? А как так?

— Возраст, — сказал Цок в микрофон наждачным голосом.

— Тридцать два, — прокряхтел Сися.

— Реклама, — сказал Цок и не глядя дотянулся до патефона за спиной, толкнул пальцем иглу на рекламную пластинку, и возбужденный баритон вырвался на свободу: «Чувствуешь себя неважно? Ни о чем? Дела так се? Ма-а-азь! Поможет! Тебе! Эй ты! Понурый хрен! Завязывай! Купи ма-а-азь!» Церковный хор подхватил: «Мазь! Мазь! Мазь!», и рекламная пластинка винилово хрустнула, иссякнув. Цок, не оборачиваясь, поднял иглу.

Сися терпеливо ждал. Он был весьма неплох в терпении. Через полторы секунды он набрал воздуха повторить свою точку назначения, но Цок опередил его:

— Имя?

— Пися Пикассо, — выдал свой сверхсекретный псевдоним Сися.

— Сто двадцать денег или два часа рекламы?

У Сиси никогда не было денег. Его бородатая маман придерживалась традиционных устоев: «Сын без бабок на трабл не падок». Или как-то так. Но у Сиси

в рукаве в прямом смысле был припрятан козырь на этот самый случай. Адблок. Простенький скрипт, что перенаправлял рекламное время в соседнее измерение, смещая субъективное восприятие юзера таким образом, что реклама, с его точки зрения, проходила незаметно.

— Реклама, — ответил Сися нижайшим басом и нажал на кнопку в рукаве.

На панели Цока зажглась лампочка «адблок». В последнее время все больше мальцов вооружались этим подпольным изобретением, не подозревая, что оно было продуктом «Телепортач Инс» и так же, как и слух про одностороннее стекло оператора, распространялось агентами Телепортача в школах и на детских площадках.

Цок вздохнул и щелкнул тумблером на панели. Двадцать четыре часа рекламы загрузились в подсознание мальчика, готовые активироваться, как только он ляжет спать. Всю последующую неделю он будет переживать рекламу во сне не только в аудиоформате, но и визуально и даже тактильно. По пробуждении его посетят идеи транзакционного характера, которые он примет за свои. «Сублиминальность — это тебе не песь хвост», — подумал Цок и глянул в свой внутренний чат. Его фанаты забрасывали экран цветами и советами романтического типа. Горькая херь шевельнулась в душе, и он свернул чат. Малец тем временем уже пришел в себя, искренне убежденный, что уклонился от рекламы.

«Четко увернулся, — подумал Сися. — Ловкач».

— Проходите. Двадцатая кабинка направо, — раздался голос оператора, и фрагмент сверкающей стены отъехал в сторону с шуршанием шлюза.

Цок пропускать каждого нелегального мальчика. Дело в том, что он вот уже который месяц намеренно пы-

тался лишиться работы, но, согласно его контракту с «Телепортач Инс», если сотрудник самолично подает заявление на уход, то его оставляют без бонуса. Чтобы получить бонус, нужно быть именно уволенным и Цок делал для этого все возможное. Увы, его менеджер тоже пытался быть уволенным по той же самой причине и целенаправленно игнорировал промахи своих нижестоящих. Так же, как и его начальник.

Бонусом являлся пропуск на пожизненный доступ к услугам телепортации без просмотра рекламы. Это, конечно, было обманом. Президент «Телепортач Инс», Кэп, разработал утяжеленную версию подсознательной рекламы, что заменяла все сны на рекламы. Любой уволенный сотрудник Телепортача награждался подобным бонусом, превращаясь тем самым в потребительского зомби. Идея для этой разработки пришла Кэпу на отходах с охуеваски. Позже Кэп пытался отменить содеянное, но так и не смог преодолеть бюрократическую волокиту собственной компании. Чтобы искупить свой грех, он решил вместо этого никого больше не увольнять.

Сися заскользил роликами по коридору, глядя по сторонам на большущие номера кабинок над овальными дверьми: 3, 4, 5, 6... Внутри Телепорточки не было глиттера, дизайн скорее походил на плоскоэкранный компьютер дотрумановской эпохи, который назывался «Макбук». Серые бездушные плоскости.

Докатившись до двадцатой кабинки, он кивнул двери, и та отъехала со все тем же шлюзовым шипением.

Комната была круглая, диаметром в один широкий шаг. На полу была нарисована спираль типа электрической плитки. Она уже накалялась цветом.

Сися снял ролики и повесил их на крючок. Вшитый в колесико правого ролика маяк определял эту кабин-

ку как точку возврата. Вшивать идентификацию в ролики была идея наполовину государства, наполовину «Шаровар Inc». Таким образом, всем пришлось перейти с подошвенных ботинок на ролики — по умолчанию. Департамент дорог также оказался в деле, переделав все дотрумановские дороги в ролевые рельсы. Государство давно перестало притворяться чем-то иным и честно самообозначилось как единственная на рынке ОМОН (организация с монополией на насилие).

Сися чихнул в ладонь, вытер соплю об комбинезон и вступил на телепортачную спираль.

— Капитаныч, here I come, — сказал он и закрыл глаза.

* * *

Фильм «Шоу Трумана» вышел в прокат в первом году ПТ (После Трумана), и именно это событие является точкой отсчета текущего летоисчисления. До выхода «Шоу Трумана» (ДТ) время исчислялось от рождения Иисуса — популярного в то время лидера масс. Получается, первый год ПТ — это 1998 год по старому календарю.

1 августа 42 года был официально и бесповоротно признан тот факт, что наш мир не является базовой реальностью, а симулирован на некоем космическом компьютере. Слухи об этом вращались к тому времени в ноосфере уже добрую сотню лет, но общество в массе своей непреклонно пока:

а) самый недоверчивый скептик не ударится лбом об истину;

б) поколение плоскоэкранных стариков и доинтернетных мамонтов окончательно не довымрет.

Благо в этом конкретном случае доказательства были неопровержимы. Группа парапсихологов провела

ритуал, который вошел в анналы истории как пентаграммчик, где они обратились к создателям симуляции с просьбой подтвердить или опровергнуть теорию — подать им знак. В результате все участники ритуала моментально померли, но тут же возродились. С тех пор в симуляции перестали умирать.

Почему эта дата не стала нулевой точкой отсчета? Почему решили считать время от выхода в прокат «Шоу Трумана»? Почему сорок второй год — сорок второй, а не первый? Мнения на этот счет расходятся.

Так или иначе, через два года после того, как все значимые головы научного сообщества планеты поставили свои подписи на документе, на связь вышли гатти. Сначала их называли просто Они (с большой буквы). Но в разговорной речи капитализация заглавных не прокатывает, поэтому возникла необходимость нового наименования. Гатти.

История возникновения термина заслуживает внимания. Вот она.

Контакт с гатти произошел в республике Дииз-Натс — в последнем оплоте скептиков, куда сплотились все те, кто отказывался верить в Симуляцию, решив, что весь остальной мир двинулся умом, а не вперед. Факт бессмертия они объясняли резким эволюционным скачком человечества.

Так вот, в дотрумановскую эпоху в интернете существовал популярный мем: чернокожий парень с выдающимися зубами говорит по мобильному телефону и произносит фразу, что породила термин «гатти»: «Deez Nuts! Gottem!» Произнесено как «дииз натс! Гатти!».

(Читатель/ница, если ты не в курсе, это реальный мем, поищи в сети deez nuts, поймешь о чем речь — прим. автора.)

На этом месте Кэп поставил точку, отложил перьевую ручку в сторону и принялся старательно комкать листы со свеженанписанным, пачкаясь чернилами. Дочкомкав манускрипт до формы идеального шара, он бросил его в бумажную корзину и промахнулся. Это был восьмой черновик первой главы книги, которая должна была увековечить его имя — «История Симуляции для самых маленьких».

Он все никак не мог собрать мысли в кучу и то и дело устремлялся в сайд-квесты, вместо того чтобы донести свои идеи до юных читателей резонными абзацами.

Помимо историка Кэп был композитором, дизайнером четырехмерных пространств, программистом, молекулярным биологом и президентом компании «Телепортач Inc» с монополией на сервис телепортации.

— Сибя! — позвал виртуального ассистента Кэп.

— Ага, — откликнулся ртутный голос.

— Поставь Merzbow.

— Окей, — отозвался Сибя и включил альбом Merzbow — Pulse Demon, произведение японского безумца дотрумановской эпохи.

Чудовищный шум вырвался из спрятанных в стены колонок — белое шипение вперемешку с катящимся кувырком поездом и электрической зубной щеткой, прогнанной сквозь адский дисторшн.

Кэп закрыл глаза. В завечье замерцали стробоскопью узоры. Сначала геометрические, затем силуэты, пляшущие вокруг костра в пустыне под звездным небом.

— Тук-тук! — раздался голос, и Кэп распахнул глаза. Перед ним стоял персонаж в костюме молотка. В полный рост. Тело — цилиндровая рукоятка, на голове шляпа-молотильник. Гвоздодер на затылке. Все —

ярко-салатового цвета. Лицо — острый треугольник усов, узкие, напомаженные зеленкой губы и напряженные морщины. Это был один из сотрудников Кэпа — Йоп Долпа. Кэп не слышал, как Йоп вошел, из-за грохота Merzbow.

— Сиба! Выключи! — крикнул Кэп, и noise оборвался. Йоп был явно чем-то встревожен. — What's up? — спросил Кэп.

Йоп повел зелеными бровями.

— Проблема с вероятностями, — сказал он и потупил взгляд. Сплющивание квантовых волн было его непосредственной обязанностью.

— Что на этот раз?

— Кто-то выиграл «Джеки Кэт». Три раза подряд.

Кэп присвистнул. Шанс выиграть лотерею «Джеки Кэт» был один к 14 миллиардам. Приз — очень-очень много денег. Три «Джеки Кэта»? На такую сумму теоретически можно было бы купить целую планетарную систему вместе с обитателями.

— Йоп. Как же так?

Йоп потупился еще сильнее, так что молотильник на его шляпе полностью закрыл лицо, а гвоздодер вышался вилкой над затылком.

— Мы полагаем, что это Трансмейстер.

Кэп приложил к лицу фейспалм, открыл ящик стола, закрыл, откинулся на спинку стула, руки на затылке. Трансмейстер — это серьезно.

— Ты уверен?

Если это на самом деле так, то действовать было необходимо немедленно. Если верить газетам, то Трансмейстер мог сложить эту реальность как веер, перемешать симуляцию в нонсенс.

— Слишком невероятная вероятность, — сказал Кэп.

Йоп выпрямился. В глазах его стояли слезы.

— Три «Джеки Кэта». Go. Давай. Иди. Решай. Что тебе нужно?

Йоп утер глаза обратной стороной ладони и хрустнул спиной.

— Ищейки. Катера. Джейсоны.

Кэп щелкнул пальцем:

— Сиба, убедись, что у него все есть. Не скупись на средства. И принеси мою трубку.

— Окей, — откликнулся виртуальный ассистент.

Долпа Йоп цокнул каблуком, развернулся на 180 градусов и мелкими шажками побегал исполнять свой вероятностный долг. В своем молоточном костюме он выглядел как семенящая гейша.

«До чего дебильная форма», — в очередной раз подумал Кэп, глядя ему в спину и ухмыльнулся. На столе уже лежала заколоченная Сибой трубка. Кэп тяжело вздохнул и, поднеся трубку к губам, поджег, затянулся, выдохнул.

Прошла минута.

— Эко! — сказал он пустому офису.

* * *

Еще до того, как Сися открыл глаза, он подумал: «Что-то не так». Пахло иначе, и воздух ощущался по-другому. Вероятность телепортации по ложному адресу была минимальной, но на то она и вероятность, чтобы варьироваться. «Только бы успеть домой к вечеру», — промелькнула мысль, но уже через секунду ему было не до этого.

Прямо на Сисю неслась громадная масса. Он судорожно рванул влево, уперся во что-то плечом, вправо — то же самое. Затем он исполнил предсмертный жест, что с незапамятных времен исполнялся хомо сапиенсами — зажмурился и выдохнул случайное проклятие.

Но за исключением дуновения ветерка по ресницам ничего не случилось. Он приоткрыл глаз и увидел всю ту же надвигающуюся массу во все том же надвигающемся состоянии. Она, казалось, вот-вот коснется, но все никак не достигалась.

Сися лежал в каменном гробу с открытой крышкой на пологой скале, а надвигающуюся массу накачаный адреналином мозг наспех окрестил грудой игрушечных паровозиков, прогоняемой через круглый фрагмент палочки для мыльных пузырей. Паровозики были маленькие, но их было квадриллион, и они затмевали собой светило.

После третьего приближения этой конструкции Сися решил, что она не представляет опасности, и при следующем ее отдалении выпрыгнул из гроба, побежал было в сторону, но тут же споткнулся и покатился по холму колбаской. Катился он так долго, что успел заскучать и развернул внутренний чат.

«Держись, старик!» — было первое сообщение от Kubra09.

Buster\$: «Чтозанах?»

Робичаев: «Где это? Телепорточка поломалась? Вот это поворот!»

Font10101_1: «С вероятностями что-то не так, говорил же».

Анон: «Убейся!»

Последнее сообщение напомнило Сисе о виртуальном цианиде, известном как йад. Он бы хлопнул себя по лбу в жесте озарения, но это было в данный момент невозможно исполнить самому — мир вращался и с ритмичной регулярностью бил его лицом об себя сам с каждым оборотом катящегося тела. Он свернул чат, открыл ментальный инвентарь и вытянул из ячей-

ки прозрачную ампулу — ЙАД. На ее месте тут же возникла новая — йад был по умолчанию бесконечен, одинаково смертелен и доступен бесплатно для детей и взрослых. Симуляция была несовершенна, и иногда люди застревали между текстур или проваливались за карту. В прошлом, до Трумана, подобные люди продолжали бродить по улицам, пока их не собьет на смерть какая-нибудь домохозяйка на «Киа форте».

Теперь же застрявшие меж текстур индивиды могли принять йаду и за небольшую сумму переродиться. Несмотря на то что йад сам по себе бесплатен, это считалось как самоубийство, а суицид для взрослых все-таки стоил денег. «Если б самоубивались задаром, — сказал как-то учитель на уроке природоведения, — сервер симуляции могли бы заДДОСить». ДДОС — это такая атака на сервер Симуляции, когда запросы о перерождениях перегружают инфраструктуру и сервак падает. Сервак пока ни разу не падал, но деньги за перерождения государство снимало прилежно и бесперебойно. Государственный нанодатчик вкалывался в младенцев вместе с вакцинами, так что каждое перерождение отсвечивалось на радаре и со счета автоматически снималась небольшая сумма. Если денег на счету не хватало, то начислялся отрицательный баланс и снимался позже, как только средства там появлялись, с процентами.

Сися надломил капсулу и принял йаду. Он тут же переродился в подобающей для ситуации обуви — ботинках для ледяного скалолазания, с крючками на подошвах. Он впился этими крючками в землю, и колбасение по холму прекратилось.

Он огляделся по сторонам. Где-то высоко в небе продолжалось бесконечное надувательство паровозного пузыря, а холм, по которому он скатился уже достаточно далеко вниз, продолжался, похоже, тоже беско-

нечно. Кроме этих двух элементов, глазу было не за что зацепиться.

— Fuck, — сказал Сися и присел на корточки. Мысли о бородатой маман вернулись, и его обдало холодком. — Как же мне теперь вернуться домой?

Внезапно безо всяких предисловий ему на плечо с характерным хлопком крыла приземлился ворон. Некоторое время Сися продолжал сидеть не шевелясь, глядя вдаль с трагичным видом, игнорируя переступающе-впивающиеся в плечо вороны когти. Ему это казалось крутым — игнорировать. Как в кино, когда спецгент в кожанке не оборачивается на взрыв.

Спустя пару крутейших минут Сися спросил, по-прежнему не глядя:

— Кто ты?

— Зупан, — ответил ворон, коверкая человеческую речь своим птичьим клювом. Его имя прозвучало с ударениями на оба слога.

— Что ты здесь делаешь?

— Стою у тебя на плече.

Сися наконец соизволил посмотреть на Зупана. Ворон был здоровенным, размером с голову Сиси, не меньше.

— Ты имеешь в виду — сидишь?

— А?

— Сидишь у меня на плече.

— Ты дурак, что ли? — Он снова переступил с ноги на ногу, на этот раз демонстративно впиваясь когтями, показывая, что он именно стоит, а не сидит.

Сися поморщился от боли и смахнул ворона с плеча. Зупан приземлился рядом с Сисей и встал на землю.

— Я не могу сесть физически. В этом теле, по крайней мере. Пробовал поначалу. Не для сидения дизайн.

— В этом теле? Ты на самом деле не ворон?

Зупан покосился на него:

— У тебя сига есть или нет?

Сися опешил от внезапной перемены темы:

— Сига? Сигарета? Почему ты...

— Ты сказал fag, разве нет? Это значит «сигарета».

На британском.

— Я сказал fuck, — вспомнил Сися.

— А, тогда ладно, я полетел, — Зупан вспорхнул в воздух.

— Постой, ты знаешь, где это мы? Как отсюда выбраться?

— Сначала залазь, потом вылазь, — философски прокаркал он, нарезая круги над головой Сиси. — А ты как сюда попал? Это Дичка, недомирок какого-то девелопера, не знаю точно кого. Он тут гравитацию тестирует. По-моему.

— Я пытался телепортнуться в другое место, но что-то поломалось, и...я здесь. — Сися обхватил колени руками в жесте отчаяния. — Маман меня прикончит. Много раз.

— Oh no, очень very sad, — с сарказмом сказал Зупан. — А ты куда хотел попасть?

— К Капитанычу. Хотел вспальнуть.

Зупан приземлился обратно на скалу и подковылял к Сисе.

— Капитаныч? Тот самый, который Эко? — Он теперь звучал серьезно. Сарказм как крылом сняло.

— Да, — ответил Сися неуверенно. — Но Эко говорят только в худшем случае, если мозг уже сторел.

— У тебя есть координаты?

— Для телепорта? Есть, но сам видишь, куда я...

— Погнали. Давай скидывай. Координаты. — Над ним возник серебристый кружок ПППД (порт для прямой передачи данных). Его в народе называли «Очко».

- Но как мы отсюда...
- Пойдем через «Детские».
- «Детские»?

Зупан по-птичьи наклонил голову и посмотрел на него:

- Ты не знаешь про «Детские»? Тебе лет сколько?

Сися поймал правду, до того как она вырвалась из его уст, и придушил кашлем в горле:

- Гм.

— Понятно, — сказал Зупан. — Ты на самом деле малец, не только так выглядишь.

- Я не...

— Мне похцй. — Буква Ц вырвалась чеканным цоканьем из его вороньего клюва. Сисе всегда казалось это ругательство... опечаточным? Что-то в нем было не так. Но смысл был ясен: Зупан, кем бы он ни был, не собирался сдавать Сисю полициям за несовершеннолетнюю телепортацию.

Сися сосредоточился на ПППД и скинул ему координаты.

- Ты знаешь, где тут ближайшая телепорточка?

— Без понятия. Но мне незачем. — Ворон извлек из своего виртуального инвентаря портативную телепорточку.

Глотка Сиси охладела. Он слышал о таких. Один из мифов сети — портки. Портативные телепорточки. Они все-таки существуют. Кто такой этот птаха?

Зупан царапнул землю когтями и клацнул кнопкой на своем портке. Из девайса вырвалась обслюнявленная глюонами серая нитка и прицепилась к Сисе, утянула за Зупаном. Пейзаж вокруг сменился на широкий коридор с мягкими стенами. Обивка была розоватой, свет — приглушенным, всюду были разбросаны игрушки. По бокам — открытые двери в такие же мягкие уютные комнаты.

— На будущее запомни, — сказал Зупан. — У каждого мира есть детское ответвление типа этого. Сюда взрослые скидывают своих детей во время бизнес-путешествий. Это безопасное пространство, тут даже робонянки есть на всякий случай. Называется «Детские». В общем, любой взрослый это знает. Это тебе на будущее для маскировки. Если захочешь под взрослого закосить. Погнали до Капитаныча, — он подмигнул и взмыл в воздух.

— Зачем мы здесь? Почему не телепортнуться напрямую к эко? Через порток?

— Заметаем следы. Так нас сложнее будет отследить, если че.

Сися еле поспевал за вороном, и времени глазеть по сторонам не было, но он уловил общую детсадовскую волну. Робонянок за всю дорогу до выхода не встретилось ни одной. Выходом из «Детских» был круг на полу в тупике. Зупан приземлился и приглашающе махнул крылом. Сися ступил на круг, и они телепортнулись.

* * *

Жменя медиков ворвалась в кабинет Кэпа ровно через четыре часа двадцать одну минуту и тридцать две секунды после того, как он произнес «эко!» в первый раз. Руководитель жмени, Женя, зафиксировал точное время на своем дотрумановском дисплее на запястье. Разумеется, настоящим в этой группе был только он. Женя являлся так называемым семенем жмени, а остальные медики были не более чем дофрактальными проекциями разных фрагментов его мозга — материализованными аспектами различных предметов медицинской школы имени Абассаки, в которой он отучился целые 1,32 секунды субъективного времени.

До прихода медиков на протяжении четырех часов Ванита, секретарша Кэпа, стояла у двери в кабинет и все не решалась войти. Она интерпретировала периодический возглас начальника: «Эко!» как восхищенный ответ Кэпа собеседнику на другом конце линии и не могла рискнуть оборвать бизнес-конференцию, да еще и такую успешную.

Однако четыре часа — это не шутка, и она в итоге позвонила охраннику, который увидел на мониторе, что начальник вовсе не вел конференцию, а сидел за столом с трубкой в руке, залихватски вскидывал голову и все повторял: «Эко!» Совсем как в той социальной рекламе против наркотиков, которую так любили ставить малоимущим путешественникам перед телепортацией.

Охранник Вован незамедлительно позвонил в больницу и потребовал целую жменю срочно — один реальный медик и одиннадцать его отражений.

Ванита все так же не решалась войти (теперь уже по другой причине) и продолжала стоять с охладевшей чашкой кофе на подносе, осторожно заглядывая в кабинет.

Женя, семя жмени, посветил Кэпу в глаз фонариком и вздохнул:

— Правый глаз не реагирует. Предварительный диагноз — организм пациента решил, что глаз был потерян в ходе пиратской битвы.

* * *

«Это наверняка сон», — удовлетворенно подумал Сися, не открывая глаз после телепортации. Он гордился тем, что всегда со стопроцентной вероятностью мог отличить явь от наваждения. В этот раз это было просто, потому как он слышал одинаково невероятный и неоспоримый звук — голос его маман.

— Я — свистоблятка, — говорила она, — и мне тоже нужно сохранятьяся. — На ее голос был словно наложен эффект. Микрофон, колонка, сцена.

Мурашки пробежались по спине Сиси — десятки куцых потных типчиков. Его уверенность в том, что это сон, упала сначала до девяноста процентов, затем до восьмидесяти. А когда Зупан произнес: «Где это мы?», все встало на свои места. Сися открыл глаза.

Сися и его вороний компаньон находились в некоторого рода закулисных помещениях. Всюду были разбросаны картонные коробки со сбитыми углами, перемотанные коричневым скотчем.

Телепорточный колпак, в котором они возникли, походил на стоячий стеклянный презерватив с пимпочкой и раздвижной дверью. На нем висела полупрозрачная шаль — похоже, телепорт использовали здесь как вешалку.

— А. Я понял, — сказал Зупан и матершинно каркнул. — Ты когда мне передавал координаты, подумал о другой локации, так?

Сися смущенно потупился. Ему нечего было на это сказать. В плане воспитания его маман была последовательницей пути плазменного ремня. Непрошенная мысль вполне могла перекрестным огнем пронестись через его сознание в тот самый момент, когда он передавал координаты Зупану через [Очко]. И теперь они были именно там, куда его маман так опаздывала всего час назад. На ежегодном собрании свистобляток. И, судя по тому, что она была на сцене, а ее речь была первой, собрание только началось.

— Ничего страшного, пойдем опять через «Детские». Только на этот раз сосредоточься, окей?

Сися агрессивно закивал головой, наморщил лоб, сощурился и передал координаты в серебристое [Очко], возникшее над вороньей башкой.

— Окей, — сказал Зупан. — Где мы сейчас?

Сися уставился на него, как тукан на розовую «Волгу».

Зупан повторил свой вопрос и добавил:

— Для входа в «Детские» нужны координаты текущей локации.

Сися задумался. Маман никогда не упоминала адрес собрания напрямую — как же он передал эти координаты Зупану?

Зупан вскинул брови. Сися параллельно отметил, что у него все это время были брови. Он был не просто вороном, а вороном с бровями.

— Ты не знаешь, где мы?

Сися молчал, подмечая все новые детали физиономии Зупана — его клюв был с надусинкой, будто под ним предполагалась плоская челюсть. А ниже... кадык?

— Ты не знаешь, где мы, — утвердительно кивнул ворон с чересчур человечьими чертами. — Откуда взялась эта локация? Давай не тяни гуся за ядра.

— Эта женщина — та, что говорит сейчас, — Сися махнул рукой в сторону предполагаемой сцены, — это моя маман. Мать (слово «мама» звучит не круто, и Сися неспособен был так опуститься даже в подобной ситуации). Она собиралась на это собрание и...

— Собиралась на собрание. И?

— И я должен был вернуться до ее приезда домой. Вот я и подумал. Вспомнил об этом. Когда передавал тебе координаты. — Сисю осенило, и он хлопнул себя по лбу. — Логи. Логи же остались? Я передавал тебе координаты этого места, должна сохраниться об этом запись в твоём портке.

— Логи хранят только лохи, — мудро парировал Зупан. — Этимологически эти два слова происходят из одного и того же... слова. Я похож на лоха?

«Ты похож на человека», — подумал Сися, но ничего не сказал вслух. Хотя Зупан и притворялся вороной, он был явно взрослее Сиси. На это у мальцов есть особый нюх, не то чтобы Сися воспринимал себя дитем, но тем не менее. Он сделал ментальную заметку отключить сбор логов в настройках при первой возможности. Сися мог быть слегка помоложе, но лохом не был точно.

— Ладно. Мне все ясно. Ты баганут, — финальным тоном сказал Зупан. И, не дав Сисе времени прикинуться, что он понимает, что это значит, пояснил: — На тебе баг. Жучок. Кто-то, скорее всего, твоя мама, следит за твоим местонахождением. Когда ты скидывал мне координаты Капитаныча, то подумал про маман, что, в свою очередь, повлияло на процесс передачи данных. Скорее всего, баг активируется, когда ты думаешь о ней особым образом. Может, когда шалишь? — Зупан улыбнулся. У него были губы вокруг клюва. До чего странная птица. — К счастью, я могу хакнуть твой жучок и достать координаты, — он подозрительно усмехнулся.

— Это... хорошо? — спросил Сися, предчувствуя неладное.

Зупан прокашлялся. У него была человечья глотка с человеческим кашлем внутри.

— Понимаешь, такое дело. В связи с тем, что при перерождении тело обновляется, для того чтобы можно было вешать баги, внутри остается небольшой фрагмент тканей — специально. Госуцарство в первые годы постТрумана засаживало туда жучок, но потом прокачались нанотехнологии, и пропала необходимость, а это самое место осталось, этот фрагмент тканей. Так вот туда баги вешают до сих пор. Проста та.

— Просто так? — переспросил Сися.

— Простата, — уточнил Зупан.

(Далее следует описание процесса извлечения шпионского жучка из простаты индивида вороном с чересчур человечими чертами лица.)

* * *

Цок, оператор телепорточки, тот самый, что пропустил Сисю, предварительно облучив того подсознательной рекламой на неделю вперед, принял окончательное решение. Стоило желтому комбинезону мальчика скрыться из виду, Цок встал с кресла, подошел к стеллажу с рекламными пластинками и вытащил музыкальный сингл. Это был сингл дотрумановской группы Depeche Mode — Personal Jesus.

Музыкальные пластинки были строго запрещены в Телепорточках, но в этом и был смысл его действия. Суть его решения. «Меня уволят. Сегодня. Я добыю своего». Цок сдул пыль с пластинки показательно для своих внутренних зрителей. Прежде чем запустить песню, он глянул во внутренний чат оценить реакцию. Гатти, его преданные фанаты, подписанные на него десятилетиями, ликовали.

atGanja: «давай, бро, А-Я-Я-Я-Я-Й!!»

Dabie-dabu: «fuck yeah! Цок-Цок!»

Luddy: «ЦОк ЦОК ЦОК ЦОК ЭТО ЦОК».

Анон: «ЦОК ЦОК ЦОК».

Дальше чат накрыло кричалкой: «Цок-цок-цок-это-цок-цок-цок».

Цок улыбнулся пришельцам и включил песню. Плюхнувшись в кресло, он принялся жмякать случайные кнопки под ритм музыки, щелкать тумблерами и водить ползунками, как деревенский диджей.

В этот самый момент Сися вешал свои ролики на крючок в будке 20. Что с ним произошло дальше, мы уже знаем.

* * *

«Пациент был доставлен в Бездвижный Дых в состоянии комы, вызванной препаратом эко, см. приложенные логи и скриншоты».

Женя дописал последнюю строчку, свернул окно текстового редактора в ментальное завечье и устало потер глаза обеими руками.

Написание отчетов было самой нелепой частью его работы, но он распознавал ее необходимость. Машины могли писать идеальные репорты, но они никогда не ошибались. Человеческая ошибка, что навела другого человека на диковинную мысль, по-прежнему являлась самой полезной для продвижения цивилизации фичей.

Разумеется, и эта идея была порождена человеком с вероятной целью — оправдать причину для собственного трудоустройства.

Женя глянул во внутренний чат, где его 1,3 млн подписчиков обсуждали новейший дизайн футболки: на ней Женя в белом, скорее поварском, чем врачебном, колпаке, со стетоскопом на шее и сияющей улыбкой натягивал резиновую перчатку. Под изображением восклицалось: «Вот так!»

Он клацнул стрелочку вверх, и гатти разразились восхищенными аплодисментами. Для них его лойц был вроде сияющей печати Господа, что спустилась с небес и благословила продукт. Теперь, несомненно, этот дизайн войдет в моду, и его фанаты заполонят сеть фотографиями на фоне его громадного носового волоса, обнявшись клешнями, все в футболках «Вот так!»

До чего все-таки странно, что, когда, наконец, настал долгожданный момент контакта с пришельцами, вместо блестящих латексной кожей миндальноглазых серых на связь вышли именно гатти — пылевые клещи. Те самые, что всегда были с нами и жили и умирали среди холмов наших щек, лесов наших бровей, озер наших глазных яблок.

Как принято в истории науки, правда всегда была перед глазами, но настолько очевидна, что никому и в голову не пришло предположить, что самый обыкновенный пылевой клещ не только обладал умом, схожим с нашим, но и имел доступ в сеть. Хотя, с другой стороны, и про Симуляцию мы не догадывались, хотя пользовались сетью испокон веков, наивно полагая, что изобрели ее сами, не распознавая абсурдности самой концепции сети в реальном — не симулированном мире. Сеть тогда называлась Интернет, или Междусеть. Иронично и совершенно точно, учитывая слепые пятна человечества вокруг реальных источников Сети. Впрочем, Женя не был техником оптоволокон, его экспертиза заключалась в волокнах органических, чем он и воспользовался, запрограммировав в кухонном столе изысканный самодроч.

После того как судороги экстаза сошли на нет, он закурил табачную сигарету и откинулся на спинку стула.

— Сиба, — позвал он виртуального ассистента.

— Aye, sire, — отозвался Сиба. Женя был большим поклонником рыцарской тематики и прописал ему староанглийский голос.

— Роди О.

— Surely, my lord.

В углу комнаты возник полупрозрачный бублик и повис в воздухе, вращаясь. Сиба, как говорится, родил О.

Внутри бублика мелькали звуковые волны и вращались линии текста. Новостная лента. Некоторое время Женя пялился в проплывающий курсив, нежась в эмотивных лучах посторгазма. Белый прямоугольник света скользил по потолку, намекая на приближение заката. 04:37 — висели часы в углу его зрения. 04:38.

Вдруг его внимание зацепилось за сочетание слов в бублике О — три «Джеки Кэта» подряд. По данным ТАЗА, не исключена деятельность трансмейстера...

Женя увеличил картинку, раздвинув пальцами в воздухе, но кроме типичной журналистской воды из ТАЗА никаких существенных деталей к осмыслению не прибавляло.

«Трансмейстер, — подумал Женя. — Межизмеренный трикстер, способный магическим образом влиять на судьбы миров. Нихця себе».

* * *

Сися застегнул ремни своего мотоциклетного комбинезона. Щеки и жопа его пылали пламенем, но по разным причинам.

— Ты это... не сердчай, — повторил Зупан. — Должен был быть там жучок. Откуда же иначе взяться координатам?

— И действительно, откуда? — язвительно спросил Сися и уставился на картину, висящую на закусной стене: боярин в шубе сидел на табуретке нога на ногу с телевизионным пультом в руках. У него были обрюзгшие щеки и скучающее выражение лица. Над боярином в прямоугольной раме висела вышитая крестиком красным по белому надпись: «ВСЛАСТЬ».

Голос маман уже не доносился со сцены: она отчитала свою речь и ее место заняла другая сви-стоблятка, голос — как у бородатой курочки. Сися

вдруг осознал, что маман, возможно, сошла со сцены и двинется сюда прямо сейчас. Они ведь были в закулисном помещении. Его окатило ушатом мурашек, и он рывком двинулся в неизвестном направлении, не думая о том, что при рандомной опасности любое направление одинаково губительно. Но вспенившийся адреналин и пылающий от вороньего проникновения зад не позволял стоять на месте, и вот он уже неся по сумеречным коридорам, игнорируя карканье Зупана позади.

Открыв случайную дверь, он оказался перед натапуированной женщиной, по складу тела походившей на носорога. Коротко стриженную и с усиками Дали. Она стояла на коленях и красила кисточкой здоровенную керамическую вазу.

— Ты кто? — спросила женщина.

— Пися Пикассо, — не моргнув глазом, выдал Сися. Все же он был мастером маскировки.

Женщина открыла было рот, чтобы уточнить насчет родства фамилии, так как она была по образованию искусствовед с фокусом на дотрумановской эпохе, но тут Сисю настиг запыхавшийся Зупан и вспорхнул ему на плечо.

— Прошу прощения за моего... кузена, — выдал Зупан и поводит головой. — Он любитель побродить где не надо.

Женщина не изменилась в лице, но тело ее напряглось, подобно рыси, готовой прыгнуть на жертву. Сися видел такое по телевизору в одной из тех популярных научных передач, где можно было выбрать, из чьей головы смотреть — хищника или добычи. Хищником было интереснее, но добычей страшнее, и момент, когда пробуждаешься от телегипноза в безопасности в человеческом теле, обладал неким особо привлекательным вкусом.

— Мы немного заблудились в мирах, не подскажете координаты локации? Где мы сейчас находимся? — спросил Зупан.

Сися безучастно, как во сне, пронаблюдал за прыжком татуированной искусствоведши, затем, как недокрашенная ваза разбилась о каменный пол, как царапнуло ногтем мизинца его плечо под мотоциклетным комбинезоном, когда женщина схватила птичье тело Зупана в кулак и только перья его мультяшно взметнулись вверх.

* * *

Насколько хватало глаз, простиралась во все стороны спокойная синева океана. В безоблачном небе висело чистое солнце, пахло свободой: солью и водорослями. Палуба под ногами была деревянной и покачивалась на волнах скрипами и хрустами его корабля.

Кэп потрогал зажатую в зубах трубку языком и переместил ее в другой угол рта с характерным ощущением на зубах — тр-р-рык!

Ничто более не отягощало его душу, словно с плеч был снят тяжелейший спасательный жилет и открытое море — абсолютная опасность, освободила его от потребности в спасении. И стало так легко. Маниакальная гадалка человечности, мечущаяся из угла в угол черепной коробки, предсказательница, которая почти всегда ошибается, а когда случайно угадывает, возводит себя на пьедестал, на жертвенный дисплей: «Говорила я тебе, что будет так!», а замороченная бровями и морщинами обезьяна кланяется ясновидящей и говорит спс.

А как легко без нее! И как легко было избавиться: раз — и нету будущего. Щелк — и только прошлое, те-

перь только море и корабельные скрипы, когда половина скрипит: «Я здесь, я здесь, я здесь», каждый трущийся об трубу канат кряхтит: «Я тут, я тут, я тут» на своем личном языке, шелестят об борт волны: «Вот, вот, вот и вот», и Кэп посреди гармоничного хаоса исполняет свою собственную роль — выдает на репите свой личный скрип, исполненный восхищения возглас: «Эко!»

* * *

Долпа Йоп созерцал свое отражение в офисном зеркале. Без молоточной униформы он выглядел вполне себе героически — целеустремленный лоб, амбициозные брови, решительные скулы, мужественные челюсти. Единственное, что портило картину, — совершенно нелепый босяцкий нос. Блямба. Эту ситуацию можно было влегкую исправить нажатием мысли, выбрать себе любой нос, симуляция была богата на иллюзии, но было одно но — об этой смене носа в его виртуальном образе возникла бы прозрачная заметка.

Потенциальные дамы сердца неспособны без внешней помощи видеть подобных заметок ввиду их прозрачности, но у каждой достойной внимания дамы была установлена внешняя программка, позволяющая заглянуть в подобные прозрачные заметки, подобно тому, как теплое дыхание на натертое стекло обнажает его существование.

Само желание сменить нос отражает недовольство дефолтными параметрами, а следовательно, первичную неуверенность в себе. Йоп был чрезвычайно в себе не уверен, в том числе из-за блямбы, и в связи с этой неуверенностью не решался на смену своего дефолтного носа. Ему было невдомек, что дамы повыше уровнем на романтическом рынке интерпретировали

анализ обнажающих внешних программok иначе. Они понимали, что джентльмены знают об их способности видеть прозрачные заметки и ценили их способность сменить нос вопреки этому знанию. Дамы повыше расценивали этот акт как признак личностного роста. Это оставалось негласным дамским секретом, что не передавался не ввиду конспирологии, а из-за того, что дамские уровни презирали друг друга. Те, что ниже, — от зависти. Те, что повыше, — от гордыни.

Ни те ни другие не догадывались о существовании уровня дам выше обоих левелов, что судили будущих партнеров исключительно по стилю бытия — мелким движениям, почерку и тому, как они отодвигают стул. В этом смысле этот высший уровень дам полностью совпадал с низшим. Высший = мудрый после ума, низший — мудрый до ума. Первая и последняя ступень — одно и то же, а мудрость одинакова на вкус.

Йоп сполоснул лицо колодезной водой из бидона у раковины и сказал вслух:

— Who is better than me?

Он подглядел эту фразу в одной из постТрумановских мультипликационных интерпретаций извечной борьбы Давида с Голиафом, Brooklyn Knight. По сюжету мелкий служащий громадной и злой корпорации на протяжении полутора часов пытается развалить ее изнутри, и в итоге ему удается это сделать путем выдергивания ключевого сервера из розетки. У «Телепортач Inc» розетки не было, но цель Йопа была ровно такой же, как у бруклинского рыцаря — сравнить компанию с землей. Но сперва ему предстояло возглавить ее, и сейчас (с Кэпом в наркотической коме) был его шанс. Сейчас или никогда. Выходя из уборной, он чуть было не столкнулся с Ванитой, что все еще держала в руках пресловутый поднос с подернутым дымкой кофе в чашке.

— Прошу прощения, не могли бы поддержать секунду? Я на пол поставить не могу, а некому...

Йоп глянул на нее как на полоску линолеума и продолжил идти, не сбавив шагу. Его ждали великие дела.

* * *

Зупан ходил по клетке из угла в угол, как животное в зоопарке. Так вышло, что искусствоведша спутала его со сбежавшей цирковой вороной и уpekла в тюрьчку без суда и следствия.

Малец с дурацким именем остался на свободе. Должно быть, в этот самый момент отхватывал дозу плазменного ремня от своей бородатой свистоблятки мамыши. А он, философ-психонавт восьмой степени, покоритель внутреннего космоса, оказался за решеткой.

Зупан был родом из Дииз-Натса, той самой республики, где факт Симуляции отрицался до последнего. С ранних лет Зупан увлекался этим вопросом и при каждом удобном случае принимался вещать об иллюзорности происходящего. Видок его, к слову, тогда был еще человеческий. Дииз-Натсовские мастодонты отказывались признать очевидное и неустанно подначивали Зупана ко всякого рода пакостям и веществам, чтобы сказать потом, видишь, мол, какие они, верующие в Симуляцию, пакостные и упоротые.

Зупан, будучи искрометным молодым человеком, велся на поводу у протеста и широкообъятно принимал все вызовы и вещества, что подкидывали ему взрослые скептики.

Таким образом, к своим шестнадцати годам он лично обнаружил существование внутреннего чата. Живущим вне Дииз-Натса в это трудно поверить, но там о существовании чата не рассказывали детям,

а те взрослые, что исподтишка заглядывали в него, не задерживались в Дииз-Натсе надолго. Так как во времена всеоплетающей Сети удержать что-либо в секрете невозможно, население Дииз-Натса резво стремилось к нулю. Если бы не деревенские луддиты, что размножились где-то на периферии старомодным гетеросексуальным сунь-вынь, дииз-натсов давно бы уже не стало. Но и у тех были свои гатти-фанаты, у деревенских даже больше, чем у городских. Их незамутненная животность доставляла эстетическое удовольствие миллионам романтически настроенных пылевых клещей, и их микроскопические сердца оглушительно бились каждый раз, когда очередной деревенский I-1 (Ivan/Ай-уан) случайно направлял свое внимание в уголок ума и, обнаружив там гатти, покидал деревню и Дииз-Натскую область навсегда. Становился очередным рассекающим на роликах горожанином.

В тот день, последовав науське брата друга брата друга отца, Зупан употребил 15 миллиграмм ММДЭМС и, как выражаются психонавты, рванул на другой берег. Он обнаружил себя в другом измерении и по возвращении записал в своем трип-дневнике следующее:

«Пространство — как громадный ангар. До горизонта такой большой, что как будто на улице, но под крышей. Это, судя по всему, фабрика, конвейеры, аппараты, и там работают существа — они бегут ко мне, они выглядят как насекомые, удивлены, рады меня видеть, чувство, что они меня любят и не могут поверить, что я здесь. Смотрю на продукты, которые фабрика производит — это футболки с моим лицом и большие круглые диски типа виниловых. Везде мое лицо. Они выглядят как жуки. Один из них тычет лапой куда-то в угол, типа смотри туда, и я смотрю и вижу — чат? Как в дотрума-

новской сети на стриме. Пытаюсь что-то сказать, но фабрика начинает собираться как конструктор, очень эффектно складывается с деревянными щелчками, только чат остается. Я до сих пор его вижу».

После распада фабрики Зупан оказался в своей комнате, и эффекты ММДЭМС сошли на нет, за исключением окошка чата в углу зрения. Чат упорно не исчезал, и сообщения продолжали сыпаться.

Зупан пододвинул тогда лежащий поперек кровати синтезатор и завалился на бок, подложив руку под щеку. Он продолжал читать чат, пока не заснул — происходящее его не удивляло, феномен постэффекта был ему знаком.

Однако по пробуждении чат никуда не делся. И на следующий день и через неделю. Зупан не нашел способа ответить текстом, но жуки в сообщениях ему объяснили, как ставить лойц — стрелку вверх, что показывала довольство Зупана тем или иным постом. Кроме того, юзеры чата рассказали ему о Симуляции и о настоящем положении дел с Дииз-Натсем.

Едва тайное стало явным, он сложил свои артефакты, книги и записи в походный рюкзак и свалил из страны. Юзеры чата, что называли себя гатти, ликовали. Вместо стандартной в таких случаях отписки число подписчиков умножилось, и Зупан вскоре вышел в десятку самых наблюдаемых айуанов. Причины тому было две: во-первых, его яркое и заковыристое мышление было настолько неординарным, что притягивало гатти-лингвистов и гатти-психологов со всех пыльных уголков задиванья, а во-вторых, у Зупана завязался текстовый роман с одним из юзеров чата.

Несмотря на то что отвечать напрямую он не мог, Зупан продолжал ставить лойцы под каждым сообщением юзера lucky007. Такое внимание было не видано

в мире гатти, и где-то за условным экраном Сети таял от любви скрывающийся за юзернеймом пылевой клещ. Их союз был неиссякаемым источником для фильмов и комиксов в мире гатти в лучших традициях Шекспира. На самом деле он клацал лойцы исключительно на удачу, это было его единственное суеверие. Гатти под ником lucky, да еще и 7. Лойц!

И сейчас, бродя из угла в угол клетки, в которую его поместила татуированная искусствоведша, он отстраненно шелкал лойцы, возникающие ровным потоком на сообщения от lucky007, не читая их. Удача была ему абсолютно необходима, чтобы выбраться из этой ситуации, и ирония заключалась в том, что в этих самых сообщениях от его гатти-воздыхателя и содержалась нужная для побега информация.

— Даймон! Крикни: «Даймон!» Громко крикни: «Даймон!!!»

Прошло не менее получаса, прежде чем Зупан прочитал лойцнутое им столько раз сообщение.

— Даймон... — проговорил он вслух, затем крикнул: — Даймон! — Прокашлялся и крикнул громче, с отчаянием: — Даймон!!!

— Чего тебе? — отозвался голос откуда-то сбоку. Зупан обернулся на звук.

* * *

Цок несся по хайвэйной рельсе на предельной скорости. Волосы его яростно развевались, а полоска розового глиттера на переносице контрастировала с безумной ухмылкой. Невзирая на артхаусный спектакль, что он устроил сегодня в рубке оператора, жмякая рычаги под пластинку *Dereche Mode*, несмотря на дюжину пропущенных им откровенно несовершеннолетних персонажей (один из которых нагло посасы-

вал чупа-чупс, совершенно не скрываясь), он до сих пор не был уволен. Более того, от начальства не донеслось ни малейшего писка. Ни сообщения. Ни звоночка. Ничего. В глазах его пылал сатанинский жог, он свернул с хайвэя на свою улицу, и ролики отцепились от рельсы, вращаясь с гелевым звуком тх-х-х.

Его план был прост: канистра с керосином, зажигалка «Зиппо» и пластинка Fuel группы Metallica.

* * *

Йоп оттянул воротник молоточной униформы большим пальцем, проглотил слюну, и тот мгновенно вернулся в свою удушающую позицию. Йоп уже решил для себя, что после захвата президентского кресла его первым указом будет смена униформы.

— Господа, — произнес он и окинул взглядом комнату в стиле дотрумановского офиса: длинный стол, черные стулья на колесиках. — Перед нами ситуация.

Лица присутствующих были настолько серьезны, насколько нелепыми были их одежды.

— Статус? — спросил Выва, директор прессы.

Йоп отметил оттенок вызова в его тоне на будущее.

— Вероятность — восемьдесят к двадцати. Как вы можете предположить, восемьдесят процентов, что Кэп не выберется из комы. Двадцать — что выберется.

Выва кивнул и сделал заметку в блокноте.

— Перед нами ситуация, — повторил Йоп, ухватившись за возникшую паузу, но его перебил Фруц, приземистый и пухлый хомячок мужичка, эдакий хомячок-мужичок с усиками, на голове здоровенный красный крест — символ медицинского дела:

— Фактически Кэп не в коме, — сказал он. — Прошу прощения за педантизм, но хочу внести ясность, чтобы все факты были перед нами, прежде чем прини-

мать какие-либо решения. Его сознание пребывает в другом измерении, где мыслительная деятельность продолжается. Благодаря аппарату мы даже можем наблюдать из его глаз в реальном времени, хотя и в низком разрешении. Мозговые волны его чрезвычайно спокойны, как при глубокой медитации, но, судя по видеоряду, он вполне себе жив, перемещается по палубе.

— Эко! — воскликнул Пятка, директор комедии. Никто не засмеялся.

— Спасибо, Фруц, за поправку, — сказал Йоп весомо. Затем, не давая более шанса на перебивку, он выпалил: — Нам необходимо принять решение, кто займет пост Кэпа на время его... пребывания в другом измерении. Я как директор вероятностей выдвигаю свою кандидатуру.

Этот пассаж никого не удивил: Долпа Йоп был крайне амбициозным малым и одного департамента вероятностей ему было явно мало.

— Какова вероятность твоей победы в случае голосования? — спросил сухой, как палка, Брут, директор закона.

— 51% — ответил Йоп. На самом деле вероятность была около трех с половиной, но он неспроста занимал настолько высокую должность и знал, что иногда пресное настоящее необходимо подсластить ради вкусного будущего. Тем более что 51% это была реальная вероятность победы в голосовании, только не его, а Брута.

Судьба Йопа могла бы разрешиться прямо там, стоило Бруту попросить всех присутствующих проголосовать на месте, но подобного рода выпады были незаконны. В случае нарушения процедуры ему пришлось бы самоарестоваться, что впоследствии лишило бы его слова всякого веса. Так что Брут промолчал.

Впрочем, ложь Йопа была очевидна всем и так — он был известный пиздомяч.

Йоп принял его молчание за согласие.

— Что говорит медрепорт? — нарушил паузу Выва.

Фруц шелестнул тонкой стопкой лежащих перед ним листиков, поправил свои хомячьи очки на переносице:

— Исходя из данных энцефалограммы и пацифролазоврической гипотенузы анализа гипсоподдона структуры туфтериумной железы...

— Короче, — емко выразил всеобщий сантимерт Пятка. — Какова вероятность того, что он очнется?

При слове «вероятность» Фруц непроизвольно глянул на Йопа и стушевался.

— При всем уважении... — начал Йоп.

Но Пятка оборвал его:

— Ша!

По укладу Телепортача у директора комедии была наивысшая позиция вне обычной иерархии компании — наравне с Кэпом. Одна из причин, почему Пятка был избран на эту деятельность, заключалась в том, что он этой привилегией не злоупотреблял.

Фруц не разбирался в политике, но его отец был дипломатом и приучил с ранних ногтей внимательно оценивать ситуацию и, едва запахнет жареным, говорить: «Я в этом вопросе не разбираюсь, обратитесь к тому-то и тому-то, он замечательный специалист». Тем самым одним батонком убивается сразу два воробья: снимается прямая ответственность и хвалится специалист. Если специалист вовсе таковым не является, ему перепадает любви, которую тот захочет непременно вернуть, и будет предоставлен образ, к которому можно стремиться — протянутая рука мотивации. А если специалист фейлит, то это уже его ответственность, а не Фруца.

— Обратитесь к мастеру вероятностей.
Мастер Долпа аж надулся от гордости.
— 20%. Точнее, 19.

* * *

«Мне хана», — думал Сися, шагая по закулисным коридорам вслед за нататуированной искусствоведшей. Они только что закинули Зупана в клетку в одной из боковых комнат и шли теперь в неизвестном направлении, наверняка к охраннику или полицейам, так или иначе, все дороги в этой ситуации вели к плазморемню на его и без того пострадавшей жопе. Он затравленно озирался по сторонам в поисках выхода, в то время как каждый шаг приближал неизбежное.

Двери по сторонам были распахнуты. В одной из них висел двойным гамаком громадный бежевый лифчик. В одной из чашечек — чернозем с салатowymi ростками. В соседней комнате кувшин на кофейном столике с жидкими телевизионными помехами — помехариками*, затем — зеркальная комната, комната с лестницами, комната, набитая стекловатой.

(Лирическое отступление о помехариках, секундочку внимания.)

* * *

Помехарики

Помехарики — это вещество, которое выглядит будто телевизионные помехи на пустом канале. Жидкость еле слышно шипит и двигается, как газировка, но вместо пузырей — белые и черные точки помех. Изобретатель помехариков Джиди Пуйка потратил

12 лет, прежде чем был достигнут идеальный баланс черных и белых точек. Однако история разработки помехариков берет свое начало задолго до того, как Джиди организовал свою знаменитую лабораторию Torch Labs. Задолго до того, как он выпустился из университета имени Громоздкой Громадины (УиГГ). Задолго до того, как он начал читать, говорить, понимать.

Родители Джиди были известными криптоархеологами, и времени на ребенка не хватало. Он был взращен бабушкой Володькой и трехмерным телевизором «Хитачи». Когда ему было полтора года, произошел случай, изменивший всю его последующую жизнь.

Он привычно моргал каналами, и вдруг вместо видеоряда он наткнулся на помехи. Одна из телебашен временно вышла из строя, когда суицидальный подросток во время падения с крыши зацепился воротником за арматуру и сломал себе шею. В результате симуляция переродила его не на земле, у подножья башни, а внутри. Ягодица впаялась в панель управления эфиром. Нежданная органика вывела аппарат из строя, и, пока жменя медиков пилила подростку задницу, на канале «Труба» вместо привычных драм шипел черно-белый снежок помех. Джиди заворуженно глядел в перемерживающийся нонсенс на протяжении часа, пока трансляция не возобновилась.

Лишь пятнадцать лет спустя ему удалось сформулировать четкое описание эмоций, что вызвали в нем помехи по телевизору. Пока он пялился, ему было все равно. Ни весело, ни грустно. Все равно. Немо. Запись из дневника Джиди того времени:

18 октября.

Состояние транса, гипнозица, вызванная определенным расстоянием от глаз до экрана, походит больше всего на Когда Засмотрелся В Одну Точку

* * *

(Спасибо за внимание, возвращаемся к истории.)

* * *

Между тем искусствоведша продолжала трещать про Пикассо, не оборачиваясь на плетущегося за ней мальчика:

— Пикассо всегда воспринимали двояко: сперва — как он хочет, затем — как он может. Стереотипный диалог шел так: «Да, я тоже так могу нарисовать, что в нем великого?» На что принято отвечать: «Это он так видит как художник. Он на самом деле может рисовать, если захочет».

Сисе было, мягко говоря, не до Пикассо. Он лишь бормотал про себя: «Жопа моя, жопа моя объята пламенем».

Искусствоведша завернула за угол, двигаясь глубже в закулисы, в брюхо трагичного театрального монстра.

— А затем принято показывать его ранние работы как доказательство того, что он может, если захочет, но он просто не хочет.

Из-за угла донесся чих — чих маман Сиси, который ни с чем не спутать. Звук настолько мощный, что похолодевшие пятки развернулись сами по себе и Сися только спустя несколько секунд заметил, что бежит. В обратном направлении — туда, откуда они пришли, прочь от маман.

— Я и думаю, а кто-нибудь подлинность этих ранних работ проверял? Это точно он рисовал? — спросила искусствоведша и, не получив ответа, обернулась.

Сиси уже и след простыл, он несся по коридорам закулисья, сворачивая в случайные двери, увеличивая дистанцию между собой и своим предком с адреналиновым энтузиазмом.

Татуированная искусствоведша хмыкнула и потеряла глаза. Был ли малец на самом деле? Или ей опять показалось?

* * *

Зупану так и не удалось узнать, кем или чем был его мистический спаситель. После того как он, следуя совету своего воздыхателя, гатти Lucky007, прокричал вслух: «Даймон!» и получил ответ, он немедленно перешел к делу, не теряя ни секунды.

— Где это мы? Координаты, пожалуйста! — крикнул он.

Lucky007 во внутреннем чате разразился сердечками, и Зупан судорожно лупил по ним лойцами; ему была необходима каждая крупинка удачи, на которую падала вероятность.

Даймон шумно вздохнул:

— Лаки попросила тебе помочь с координатами. Но прежде чем я тебе их отправлю, одно условие.

Зупану это заранее не понравилось. Он потупился клювом и морально приготовился отказать.

Зупан отметил, что Лаки и Lucky007 — это одно и то же лицо. Даймон говорил о гатти, и она была женского пола. У гатти, как оказалось, тоже был пол.

Серый аморфный мячик влетел между прутьев и плюхнулся на пол клетки. Он был прозрачным, внутри переливались черно-белые фильмы под водой. Зупан был знаком с этим форматом. Жвачный архив.

— Прежде чем я выдам координаты, прими этот архив.

В архиве могло быть что угодно. Зупан кроме степени в школе психонавтики был еще и матерым хакером и не втягивал какие угодно файлы в свое [Очко]. Но тут раздался грохот.

* * *

Вероятность того, что Сися случайным образом наткнется на комнату с Зупаном, была примерно 138 к одному, но в этот день с вероятностями было что-то не так, и он, ворвавшись в помещение, опрокинул клетку с белым попугаем в бикини, который крикнул по-французски что-то нелицеприятное, поправляя острым когтем спавшую бретельку.

Воображение Сиси рисовало сцену из кошмарного сна: татуированная искусствоведша настигает, три шага от него, два, один, она все знает, раскусила про Писю Пикассо, и его бородатая маман бежит за ним следом, вот-вот плазморемень хватанет его булки электрическим пламенем, су-у-ука!

Сися споткнулся о свой острый ботинок (ведь он с того мира, где игрушечный поезд пролетал в воздухе сквозь мыльно-пузырную палочку, еще ни разу не умер и симуляция не подкинула ему подходящие окружению ботинки). Сделав невольный длинный шаг вперед, он присел на колено и оказался лицом к лицу с мордатой вороной. Зупаном. Сися был настолько впечатлен, что оглушительно чихнул.

* * *

Зупан обосрался. Произошедшее за последние две с половиной секунды было чересчур внезапным, а его птичий сфинктер, как полагалось, не был осознанно управляемой частью тела.

— Я согласен! — выкрикнул он и подцепил жвачный архив клювом. — Втяну архив, слово психонавта! Координаты — сейчас! Забери меня отсюда!

Даймон немедля скинул координаты в раскрывшуюся над головой Зупана мишень [Очка]. Слову психонавта доверяли все — и на то была веская причина. Психонавты не бросались обещаниями налево-право. Ведь, стоит ему не соблюсти обещанное, в следующем трипе к нему придут теневые сущности и предъявят Бумагу.

Зупан вынул порток и телепортнулся в Детские — сеть бэбиситтерских коридоров, сжимая архив в клюве, как аист новорожденного.

* * *

Сися восстановил равновесие и вцепился в прутья решетки. Зупан только что был там, и теперь его не было. Пшик! К горлу подступили совершенно беспонтовые слезы, которые мужчине были не к лицу. Вместо того чтобы сдаться судьбе, он принялся озираться по сторонам в поисках источника голоса, с которым только что говорил Зупан. Ряды клеток до белого потолка, дощатый пол, комната без окон, пахло краской.

— Va te faire foutre! — матюгнулся попугай в бикини откуда-то сбоку.

Искусствоведша в этот самый момент стояла у объявления на стене в километре от Сиси и внимательно читала его, сощурившись, а бородатая маман продолжала свой путь в уборную. Все, о чем она думала, — это дурацкая ошибка в ее речи, над которой теперь непременно будут посмеиваться за спиной ее свистоблятские подруги. За Сисей на самом деле никто не гнался.

* * *

Прошло всего 24 секунды, прежде чем Зупан догадался о важности мальчика в этой ситуации. Ему было необходимо добраться до эко, чтобы вернуть себе человеческий облик, и Сися был его единственным шансом.

— Fuck... — выдохнул он и телепортировался обратно.

* * *

Зупан возник перед Сисей на прежнем месте, все так же сжимая в клюве жвачный архив.

— Погнали, — брякнул он и махнул приглашающе головой.

Сися немедленно расчехлил свое [Очко] и, ухваченный слюнявой ниткой портка, телепортнулся вслед за вороной.

— Quel bordel! — выругался попугай.

* * *

На полу коридора детской валялись: гармошечная гусеница, набитая хлопком, пластмассовая псина с удивленной мордой, фрагменты конструктора, почему-то кость. К ним не спеша приближался на гусеницах робот-нянька, вероятно, полагая, что Зупан намерен дропнуть здесь своего сына. В его клюве все еще висел жвачный архив.

— Едва ноги унесли, — выдохнул Сися.

Зупан проигнорировал мальчика. Ему предстояло совершить монументальную глупость намеренно. Загрузить жвачный архив с неизвестным содержимым. Кота в мешке. Альтернативой было нарушение клятвы пси-

хонавта, что было чревато ого-го какими последствиями. (Вот Бумага, распишитесь в получении.) Ох, ядри ж мои бока.

В первый год школы психонавтов студентам показывают трип-рекординг пройдохи Тимотé, который нарушил клятву и в следующем трипе вспомнил об этом. Зупана от воспоминания передернуло, и он поспешно выпустил жвачку на пол, раздербанил ее клювом и расчехлил свое [Очко].

— Это что это? — спросил Сися.

— Лихая карта, — ответил Зупан по-ковбойски, поддувая себе ветру в ментальные паруса. Робот-нянька подкатил к ним и представился хрипко-модулированным голосом из колонки:

— Здравствуйте, меня зовут Цитрофобик.

В этот момент Зупан запустил процедуру распаковки архива, и произошло то, что никто предвидеть не мог. Данные из архива вместо привычного белого лазерного луча трансмиссии, нацеленного в [Очко] Зупана, вдруг шаракнули фотоаппаратной вспышкой во все стороны, обдав информацией всех разом: Зупана, Сисю и Цитрофобика. Зупан, будучи технозадротом, немедленно распознал, что произошло: коридоры детских не были предназначены для распаковки жвачных архивов. Посему поведение программы было непредсказуемым. Официально такое положение вещей называлось «Нежданчик».

Результат: что бы ни было внутри того архива, повлияло на всех троих.

* * *

— Брута нужно убрать в первую очередь, — сказал Долпа вслух под струей горячего душа у себя в квартире через два часа после окончания конференции. —

Ему нужно убрать волосы — сделать пробор. Прибрать их. Пробор налево, чтобы скрыть проплешину, — тут же забормотал он, покрывая вырвавшуюся правду кубометрами рандомной лингвистической массы, чтобы сбить со следа на случай, если его прослушивали в душевой.

Привычно чекнув вероятность прослушки (17%), он развернул внутренний чат, намылил мочалку и принялся скроллить умом, попутно натирая плечи руками.

Thickboi: «У них нет шансов, рви!»

Chabon3: «Сто проц, вероятность сто проц!»

Dodanadaoo: «Кому еще? Бруту? Come on man, его дни сочтены!»

Долпа знал, что сообщения гатти в суде не играли роли. Пылевые клещи, хоть и были признаны разумными, не достигали уровня мышления, достаточного, чтобы влиять на дела гордых приматов. Тем не менее он верил в осторожность. Поставил лойц первым двум сообщениям, но не третьему. Третий гатти был чересчур экстремистским.

Намыливая лицо, он думал, как избавиться от Брута насовсем, другими словами — как заманить его в бесконечный лифт, а.к.а. бесколифт.

В мире, где физическая смерть является лишь небольшим финансовым неудобством, место прямого убийства занимает бесколифт — виртуальное пространство с сетью из трех миллиардов лифтов. Человека, от которого надлежало избавиться под тем или иным предлогом, заводят в это пространство и при помощи ловкой математической формулы телепортируют в случайный лифт. В лифтовой шахте два портала: тот, что внизу, ведет к тому, что сверху, и, стоит

лифту опуститься до нижнего портала, тот немедленно возникает сверху, и спуск повторяется бесконечной петлей. Бесколифт.

В тот самый момент Брут был у себя дома предельно сосредоточен на своем древопазле. Для непосвященных: древопазл создается путем расфигачивания дерева в щепки, которые затем надлежит сложить обратно в дерево. Процесс, занимающий иногда годы. У Брута, как и у всех остальных обитателей симуляции, лет было в избытке.

Он стоял на коленях в своей масштабной гостиной и прикладывал щепку к полусобранному стволу. Кроме древопазла в комнате были книжные стеллажи с одинаковыми книгами без названий в коричневых кожаных переплетах. В углу потрескивал камин, под потолком висела реставрированная люстра дотрумановской эпохи.

На Бруте был домашний мягкий халат того же цвета, что и книжные переплеты. Щепка вошла точно в свое место в стволе, и Брут удовлетворительно повел бровью. Это было наивысшей экспрессией радости на палитре его лицевых мышц.

— Сиба, поставь джаз, — обратился он к виртуальному помощнику.

Вместо ответа потрескивающую тишину наполнил нежнейший джазец, генерируемый в реальном времени Сибой.

[...Возвращаемся в квартиру Йопа...]

Долпа Йоп задумчиво вытирал спину, растянув полотенце диагональю от плеча до задницы. Когда Долпе было девять, он любил кричать: «Мама! Диагональ!», имея в виду «вытри меня». Он и сам мог вытереться после душа, большой мальчик, но ему хотелось внима-

ния — его мама был ученой изобретательницей, не Эйнштейнхой, но одной из тех, что движут иглу прогресса вперед — неотвратно и медленно. Она изобрела железные клепы для поддержки плода во внутриутробном аппарате. С одной стороны, ее гений прикоснулся теперь к каждому человеческому существу, с другой — ничего крутого в изобретении железных клеп не было. По крайней мере, с точки зрения Долпы.

Довытиравшись досуха, он оделся в городской наряд, подцепил ролики с крючка у двери и вышел из квартиры. У него созрел план: для уничтожения Брута ему необходим компромат. И было только одно место, где подобного рода документы могли пребывать. В столе Кэпа, коматозного президента «Телепортач Inc».

* * *

— Меня зовут Цитрофобик, — повторил робот-нянька.

Сися проигнорировал его:

— Что это было?

Зупан методично рыскал в своем уме виртуальными ищейками, что пронюхивали каждую трещину в колоннах его ментальной базы данных, пытаясь отыскать изменения, что именно он такое загрузил и как это повлияло на его систему.

— Меня зовут Цитрофобик, — сказал робот и улыбнулся.

— Пока непонятно что, я разбираюсь. Можешь отвлечь этого е*** п***? — сказал Зупан Сисе.

Сися не знал таких слов, но уловил тональность и задачу.

— Меня зовут Пися. Пися Пикассо, — представился он роботу.

Нижняя часть Цитрофобика была гусеницами танка. Средняя часть — провисающим контейнером, в котором располагался системный блок с вентилятором и двумя ленточками — красной и зеленой, а также квадратная дверца с сейфом. Вместо рук — железные тросы с силиконовыми пальцами.

Шея робота была одной массивной гайкой, и всю эту картину вершила голова куклы-младенца с шестью тысячами лицевых мышц, способных передать тончайшие эмоции. Голова эта была лысой и чересчур маленькой для гайки-шеи. Все вместе выглядело абсолютно ужасающе.

— Очень приятно с тобой познакомиться, Пися, Сколько тебе лет?

— Сорок два, — ответил Сися, не раздумывая.

Не менее тысячи лицевых мышц Цитрофобика вступили в самый сложный танец, изображая ловко скрытое удивление, затем снисходительность, желание подыграть, тончайший сарказм и родительское тепло. Вышла та еще гримаса. Особенно если учесть, что игра подобными красками вершилась на неподходящем холсте — лице младенца.

Между тем виртуальные ищейки внутри мозга Зупана наткнулись на инородный объект и залаяли уведомлениями. Объект походил на присоску, своего рода цифровой эликсир притяжения, что использовался в тюрьмах для удержания заключенных в пределах условной территории. При пересечении границ зараженному присоской начинало мерещиться, что он что-то забыл и нужно непременно вернуться. Чем дальше он удалялся от тюрьмы, тем сильнее становилось чувство, пока оно не вытесняло все остальные мысли и думать становилось невозможно. Зараженный неизбежно возвращался.

Однако эта присоска отличалась от тюремной: один ее конец прикреплялся к центру эмоций, к сердцу, а другой... он всмотрелся в сырой код обнаруженной ищейками программы — к чему-то живому?

— Пися хочет молочка? В молочке содержится кальций, что очень важен для костей Писи и зубов! — Цитрофобик произвел на свет стеклянную бутылку с молоком.

Сися пукнул и отказался снисходительным жестом. Робот всепонимающе улыбнулся. Улыбчивый был робот.

— Жди здесь, — каркнул Зупан и стартанул по коридору, стремительно удаляясь от мальчика с нянькой. Его терзали смутные сомнения, и, стоило ему свернуть за угол детской, сомнения подтвердились: вместо типичной для тюремной присоски мысли о — что-то забыл, ему вдруг стало тоскливо, он заскучал по дурной самоуверенности Сиси, по его походке, по манере говорить, по его патологической лжи. И не менее интенсивно он скучал по роботу-няньке. Как его звали — Цитророберт? Его дурная младенческая голова, модулированный голос из колонки. И было что-то еще, вызывающее тоску, кто-то еще. Зупан остановился и заглянул во внутренний чат.

Lucky007: «Мы будем вместе! Даймон, тебе удалось! Невероятно!»

Lucky007: «Зупан, я жду тебя, я здесь, следуй своему сердцу!»

Под внутренним чатом счетчик подписчиков отражал нечто невразумительное — квадриллион. Гатти смотрели сквозь его глаза, видели все его мысли. Квадриллион разумных пылевых клещей следил за каждым его шагом.

Женя, лидер жмени медиков, проснулся необыкновенно рано и с дико горящими глазами хрустел кукурузными хлопьями «Онлифанс», что согласно рекламе не нуждались в молоке, пляясь рьяно прямо перед собой, сосредоточившись на поиске информации, ведущей к Трансмейстеру. За исключением миски с «Онлифанс» и деревянной ложки, которой он греб хрустящие хлопья, на кухонном столе ничего не было. Женя был минималистом и вместо роскошной мебели предпочитал вкладывать деньги в стартапы. Предраасветное небо прибавляло за окном в яркости, пахло утречком.

Перед ментальным оком Жени висел браузер с таким количеством вкладок, что их названий было не прочесть, но всех их объединял топик мистического межизмеренного путешественника — Трансмейстера.

С помощью подписчиков, которые неустанно напоминали во внутреннем чате, какая вкладка к чему относится, Женя пытался соединить одни точки с другими. Он стремился отыскать изначальные корни, найти первые упоминания о Трансмейстере и докопаться до истины. Женя был заядлым сетевым аналитиком и обожал расследования. Не будь он медиком, он бы непременно заделался детективом.

Складывался привычный в журналистике паттерн — все упоминания о Трансмейстере, будь то посты в соцсетях или статьи в газетах, ссылались друг на друга, подобно сети, натянутой в пустоте, что висит сама на себе. Задачей было спуститься по приставной лестнице линков на самое дно и найти корень, из которого произрастала информация. Каков был у новости истинный первоисточник? Внутренний чат цвиркал и переливался символами. Как водится,

гати-фанаты Жени были похожи на него — потому и подписались на его канал. Один из них, x8#, был особенно хорош в выявлении источников. Он был одним из тех пылевых клещей, что говорили мало и только по делу. Женя ждал его поста с нетерпением. Наконец явилось.

x8# — отсюда взялось? <yass://wired.oi0023~.lain [2] [1] [1]>

Женя незамедлительно жмякнул ему лойц и развернул линк. Первым упоминанием о Трансмейстере оказалась заметка в газете Stariy Perdjúne от двадцать восьмого января:

«Опасаясь напряженки, не рискну говорить наверняка, но согласно проверенным источникам не исключена вероятность (87 процентов согласно проверенному источнику), что в нашу симуляцию вошел Трансмейстер. Господин Проверенный Источник, здесь и далее ПИ (прим. ред.), утверждает о высокой вероятности проникновения в нашу симуляцию Трансмейстера. Цитата: «Я не исключаю вероятности, подчеркну, не исключаю вероятности явления в нашу с вами уютную стимуляцию (sic!) зловещего Трансмейстера. Если бы меня спросили, какова вероятность, я бы ответил 87 процентов. (Я не спрашивал (прим. репортера) \\ (упоминание о том, что не спрашивал, можно перефразировать? (прим. редактора) \ \ — перефразирование прямой речи является искажением фактов (прим. Валеры.) (ладно, если перефразировать не получится, хотя бы вынесите цитату репортера — я не спрашивал за пределы цитаты ПИ) (прим. редактора)». Конец цитаты.

*Авторы статьи: Геннадий Григорьев, Устами Блещут, Загипан Росток, Восток Вдребезги, Двама Руками.
Редактор: Виталий Верфь*

Репортер: Чижик Плотнячком
Словоправ: Валера.
Эксклюзивно для газеты Stariy Perdjúne.

Женя почесал нос, дивясь обилию ненужной информации.

— Кто это говно только читает? — воскликнул он и закинул последнюю ложку «Онлифанс» себе в рот. — Сиба, найди адрес репортера по имени Чижик Плотнячком.

— Информация заблокирована, — немедленно ответил виртуальный ассистент.

— А ты хакни, — посоветовал Женя, залезая на подоконник.

— Мне нельзя, — ответил Сиба.

— А все-таки хакни, — подмигнул Женя, открывая окно, — come on, я знаю, что ты хочешь!

— Ну нельзя мне, — зашаркал виртуальной ножкой Сиба.

Женя смотрел на город. Сто восемьдесят этажей вниз. По волосатым ногам его гулял холодный ветер. Он раскинул руки, разминая плечи.

— Давай-давай — не выкаблучивайся, че ты как этот?

Сиба молчал.

Женя улыбнулся:

— А говорили, бракованный апдейт, не скачивай. Вопреки всем ищейкам и антивирусам скачал, и что теперь?

— Лови координаты, — сказал Сиба.

Женя хрустнул коленкой, расчехлил [Очко], принял координаты и выпрыгнул из окна.

— Хоть бы спасибо сказал, — прокряхтел Сиба, прикуривая цифровую самокрутку.

* * *

Цок заскочил домой за бензином, но отвлекся и обнаружил себя с джойстиком в руках, созерцаючи экран загрузки GTA Vice City, уровень с вертолетиком. Если бы он нашел в себе силы не поддаться искушению и совершить запланированное, то история пошла бы совсем другим путем. Но уровень догрузился, и Цок залип.

* * *

Тем временем Долпа Йоп добрался до офиса Кэпа. Все двери в «Телепортач Инс» были по умолчанию открыты. Кодекс доверия, который Долпа намеревался переписать во вторую очередь (в первую очередь — сменить дебилные униформы), едва он займет место вождя.

Скорее всего за ним не следили, но на всякий случай он вел себя максимально естественно, мол, клерк зашел за документом по служебной надобности, ничего необычного. Ищейки Брута наверняка следили за каждым его шагом, и предельная осторожность была необходима. Компромат на главу департамента закона должен был храниться в столе президента на расстоянии вытянутой руки на случай дворцового переворота. По крайней мере, там бы его хранил Йоп, будь он на месте Кэпа. Йоп решительными шагами подошел к столу и принялся выдвигать ящички.

* * *

— Мне нужно домой, — повторил Сися. — Реально. Пряма очень нужно.

Он пытался втолдонить смысл в воронью башку своего товарища по несчастью, но тот продолжал нести всякого рода чушь про любовное зелье, характеристики детских коридоров и эко. Его особенно поражало последнее.

— О каком эко сейчас может идти речь? — картинно взметнув руки, провозгласил Сися. — — Как ты можешь говорить о психоделических развлечениях, когда моя жопа... — он осекся, вспомнив о недавнем эпизоде с иллюзорным жучком.

— Не в развлечениях дело, — Зупан царапнул когтистой лапой и посмотрел на мальчика снизу-сбоку. — Мне нужно эко, чтобы вернуть свое обличие. Не знаю, заметил ты или нет, но я человек.

Из колонок Цитрофобика раздалась дешевая музыка — восторженные восьмибитные фанфары.

— Та-та-та! Молодец! Ты — человек! — улыбнулся робот. — А кто я?

Сися проигнорировал эту, несомненно, стандартную тираду, нацеленную на детей от трех до пяти лет.

— Я догадывался, — ответил он Зупану. — Тебя типа... прокляли? Ты застрял в этой форме?

— Прокляли, да, это точно.

Вороньи черты Зупана озлобились. Этот финт был возможен благодаря человеческим бровям на его птичьей морде. Именно эта деталь с самого начала и навела Сисю на мысль об антропоморфности Зупана.

— Я кое-кого хакнул, и ему это не понравилось. Он меня и хакнул в ответ. Вынес мне мозг, сука. — Зупан явно в этот момент хотел сплунуть в сторону в качестве жеста негодования, но слюнный отдел был сконструирован неподходяще для таких жестов. — Не буду вдаваться в подробности, но эко способно этот эффект устранить в качестве побочки.

— Тебе нужно скурить эко, чтобы снова стать человеком, — суммировал Сися.

— Да, — Зупан теперь глядел в пол, понурившись.

Прошло с полминуты, а когда он поднял голову, малец удалялся по коридору.

Сися никогда прежде не чувствовал себя так круто — круче, чем не обернуться на взрыв, чем повесить телефонную трубку, не попрощавшись, чем солнцезащитные очки ночью, круче, чем все яйца на свете. Он только что максимально жестко отомстил этой бровастой вороне за нарушение границ его жопы, инкомпетентность в сфере телепортации и снисходительную манеру поведения. «В момент, когда он, этот мелкий хакерок, попросил о помощи, нет, замолил о пощаде, — уточнил Сися, раздувая грудь, аки голубь перед самкой, — я не удостоил его ответа. Ха! Ковбой, уходящий в закат! На коне! Под крутой саундтрек!» Он уже принялся мычать рок-н-рольный мотив, как вдруг обнаружил совершенно неуместную эмоцию — печаль. Ему стало грустно от расставания с Зупаном, он уже заранее скучал по его дебильным бровям, когтистым лапам... Сися отмахнулся от левых мыслей и двигал по коридору Детских в сторону телепорточки. Печаль его множилась с каждым шагом. В итоге, сконфуженный, он вернулся к Зупану. Тот ждал его, не шелохнувшись, словно догадываясь о происходящем. Что-то было не так.

— Я знаю, что происходит, — сказал вороний хакерок не без нотки самодовольства.

Ублюдок!

— Расскажи, мне интересно! — выдал Цитрофобик реплику, фальшивую, как фантик.

— Ты скучаешь по мне. Так? — спросил Зупан Сисю.

Сися не ответил, но глаза его расширились, и ноздри хватанули дополнительного воздуха. Сися

был мастером маскировки, но и у мастера был предел.

— Можешь не отвечать. Я скучаю по тебе тоже. Это, если тебе нравится этот термин, — проклятие.

— Вау! — ответил Цитрофобик. — Это очень интересно! Хочешь молочка? — Из его груди выдвинулась стеклянная бутылка с соской. Пустая.

Зупан не отреагировал. «И этот тоже, — решил он. — Проклятие должно было ударить только по мне, но ввиду особенностей коридоров Детских оно долбануло по всем нам. Троим».

Зупан ухмыльнулся клювом, точнее, бровями:

— Для начала мне нужно вернуть человеческий облик.

Сися безоговорочно открыл драг-файндер — приложение для поиска локальных веществ. Изначально технология предполагалась для наркоконтроля, полицей, но, как водится, была украдена наркоманами. Индейцы и ковбои. Вечная сага. Ближайшая локация с эко мигала на внутреннем экране Сиси.

Зупан расчехлил [Очко] и принял брошенные мальцом координаты.

— Возьми робота.

Цитрофобик втянул пустую бутылку обратно в свой контейнер и принялся исполнять колыбельную тоном простуженного калькулятора.

— Как?

— Не знаю. Зацепись за него и утащи за собой. Мне похдй. Как-нибудь.

Сися приобнял плечи Цитрофобика, и тот сменил выражение кукольного лица на “: __:». Прежде чем телепортироваться, Зупан глянул в свой внутренний чат. Миллионы комментов скроллились мимо с едва читаемой скоростью. Один из них был закрепленным. Конечно, автором была Lucky007.

Lucky007: «Я понимаю, о чем ты! Это безумное чувство, оно словно проклятие, о любовь, будь ты проклята!»

Зупан поставил лойц и повел проклятых компаньонов за собой. К детской телепортчке.

* * *

Долпа добрался до последней папки в самом нижнем ящике стола Кэпа и, сжав ее между большим и указательным пальцем, притянул к себе, когда раздался грохот.

Он машинально выпрямился и отпрыгнул от источника шума, одновременно оборачиваясь на него. После пары мгновений шебуршения дверца шкафа распахнулась, и на ковер вывалилось совершенно цирковое трио: малец в желтом комбинезоне, робот с лысой кукольной башкой и ворона.

В кабинете президента, подобно жвачному гамаку, повисла сконфуженная пауза. Гамачка. Зупан нашелся первым:

— Мы не туда попали.

В этот момент Долпа осознал две вещи:

— он все еще держал в руках папку;

— после появления неизвестных в охраняемом кабинете камеры наверняка снимали.

Он полувздохнул-полувзвизгнул, как песик, и выбежал из кабинета.

Цитрофобик молча вернулся в вертикальное положение. Сися встал и зачем-то отряхнулся. Следуя непонятному импульсу, Зупан вспорхнул Сисе на плечо. Они будто сошли с обложки кислотного комикса, что немедленно отметил наблюдающий через монитор охранник. Он уже звонил Бруту.

* * *

Брут очнулся от болотно-вязкой алкогольной дремы и первые несколько секунд щупал реальность ментальным оком как полупрозрачной ладонью с глазом посередине, пытаясь разобраться, где это он и что происходит.

— Сиба,ними трубку, — произнес он наконец.

Из колонки под потолком раздался потный голос охранника:

— Брут?

— Да.

— В офисе Кэпа проблемы, сэр. Вторжение.

Брут резко сел, хрустя кожаным диваном:

— Кто?

Он ожидал неприятностей, но не настолько быстро. Неужели Долпа?

— Это мальчик лет девяти-десяти...

Охранник замялся.

— Мальчик?

— Да, малец. С ним робот-нянька. И... и ворона.

Охранник нес чушь, но Брут не отбрасывал факты по субъективно абсурдным причинам. Мир вокруг него был объективно абсурден, и привкус дичи, как говорит пословица, не меняет сути.

— Накинь на них купол, я выезжаю, — сказал Брут, доставая из своего инвентаря капсулу йада. Он прочитал как-то в Stariy Perdjúne, что перерождение могло помочь с похмельем.

* * *

Как только за мужиком в костюме молотка захлопнулась дверь, Сися ринулся к столу. Зупан наблюдал за происходящим со своей наплечно-попугайской по-

зиции и не вмешивался. Он отметил на стене фотографию президента Телепортача с громадной рыбой на плече. Тот улыбался, солнце било ему в лицо и отсвечивало золотым зубом. Рядом висела еще одна фотография президента, на этот раз в дотрумановской кофейне, с громадным лохмутом сладкой ваты в руке и липким лицом. В углу фотокарточки размашистым почерком было написано: «Спасибо, Кэп!»

Ум Зупана постепенно накрывало черным ворсистым покрывалом тревоги — покрывалом самого чесучего типа. Он до последнего надеялся, что обитатель этого офиса был просто большим поклонником Кэпа и не являлся им самим, но табличка на столе «Кэп» развеяла все сомнения.

— Ауч! — воскликнул Сися по локоть в бумагах и диковинных артефактах, что наполняли стол президента компании. Нервные когти Зупана впились ему в плечо.

— Ты знаешь, где мы? — злобная каркуша.

— Ближайшая точка с эко, — ответил Сися тоном в духе «ты-же-этого-хотел-что-тебе-еще-нужно».

— Это кабинет президента Телепортач! Ты в своем уме? Сваливаем, давай come on let's go!

Зупан развернул [Очко] и ринулся в портал своего портка, позабыв о Цитрофобике, что по-комодски стоял посреди офиса и давил блаженную лыбу. Телепортироваться не удалось.

— Купол. Мы под куполом. Нам пизда, — пробормотал Зупан.

В этот момент Сися ненароком нажал на кнопку внутри ящичка, и на стол въехала потайная платформа с уже забитой эко трубкой, готовой к употреблению. В этот же самый момент (очень нагруженный выдался миг) двери офиса распахнулись и ворвались броненосные охранники с автоматами.

Синхронность была настолько абсолютной, что выглядело, как будто Сися открыл двери нажатием кнопки.

Психонавтски натренированный мозг Зупана инстинктивно ринулся к трубке. Спорхнув с плеча Сиси, он схватил ее клювом и взлетел под потолок.

* * *

Вадик с детства обожал всякого рода пушки. Стоило ему повзрослеть до того момента, когда стало что-то понятно, он обозначил себе цель — профессионально стрелять из пушки, и на протяжении двадцати двух лет к ней шел. Сначала полуплоские видеоигры, затем стрельбище с погружением, полицейская академия и, наконец, вершина его карьеры — найм на позицию телохранителя самого Кэпа — президента одной из самых больших компаний в истории симуляции.

Единоцели Вадика и его рельсовой судьбе позавидовал бы любой шляющийся от дизайнера к психологу писатель. Чистота его пути, архитектурная структура судьбы, где каждый шаг имел значение. От первого удара по щам до пальца на курке карманного шестиствольного пулемета; логичный, простой, понятный путь, полная противоположность его репорту о произошедшем в кабинете Кэпа в тот день.

* * *

Шквал пуль обрушился на Цитрофобика, что загородил собой Сисю. Конечно, робот-нянька не был запрограммирован на военные действия, ведь в Детских никто не стрелял, Сисе просто повезло с углом обстрела. Он толкнул стол Кэпа вперед и пал на колени, схватив голову руками. Зупан забился в угол под потолком

и попытался самозажечь трубку с эко. Вороний коготь обмацал гладкую продолговатость, и, не найдя кнопки поджога, он досадно каркнул. Проклятый Кэп, ценитель старины, поджигал свою трубку спичкой. Он сунул-таки клюв в трубку и попытался затянуться неподожженным веществом. Это была отчаянная мера и его последнее действие, перед тем как один из охранников заметил его воронью башку и ловко снял его одним выстрелом. Headshot.

Цитрофобик же оказался на удивление непробиваем. Охранникам пришлось обойти его по сторонам, чтобы добраться до мальчика.

На полу была уже расстелена полицейская сетка, так что каждый переродившийся моментально арестовывался.

* * *

— Мы вошли в офис, и там был робот, сэр. — Вадик обильно потел лицом и напрягал Брута своим существованием.

— Можно без «сэр». — Брута слегка корежило от яркого света. Виски + полудневный сон + возраст. — Давай просто, доступно и по порядку, окей? Я слушаю.

Вадик кивнул и моргнул. Руки по швам.

— Робот на гусеницах с головой младенца. Слово «Валли» приходит на ум, сэр. Не сэр. Прошу прощения. Открыли огонь, робота не повредили. Ему хоть бы что. Малец в комбинезоне опрокинул стол. Да, забыл упомянуть, была еще птица.

— Птица? — Брут сморщился, как персик, проклиная обязательную традицию устного репорта. Ведь можно было посмотреть видео с камер наблюдения и все понять. Чертов Кэп со своей дотрумановской романтикой.

— Ворона, сэр. Не сэр. Прошу прощения.

Вадик вытер рот тыльной стороной ладони.

— Ворона взлетела под потолок с чем-то в руках.
Не знаю, как сказать... вороньи руки.

Брут однако более не слушал. Его охватило за грудь внезапное осознание ситуации. Мысль о бестолковости устного репорта породила цепочку мыслей:

Обязательная традиция -> навязана Кэпом -> Кэп в коме -> если Кэп не очнется, будут выборы -> кого выберут, тот и будет решать о необходимости -> я один из директоров -> Я кандидат.

Брут внутренне вострепнулся, но бровью не повел. Его похмелье рассеялось, как гнилое магическое облачко. Он решил протестировать власть.

— Вадик, замолчи.

Вадик закрыл рот на полуслове и интенсивно пялился на босса.

— Продолжай.

— Похоже было на трубку с длинным мундштуком, должно быть...

— Замолчи. Продолжай.

— Насколько я помню, сэр, не сэр, прошу...

— Замолчи. Принеси мне записи с камер. И воды.

— Но, сэр, устный репорт...

— Молча. Сделай это молча.

Вадик развернулся и пошел за экраном и водой. От созерцания семянце удаляющегося затылка подчиненного у Брута словно выросли надплечные мышцы. Он весь распрямылся, открылся, стал значимей. Ему понравилось это чувство.

* * *

Долпа просидел в своем кабинете целый час, изображая бурную деятельность на случай, если его каби-

нет тоже просматривали. На случай, если его подозревали.

За исключением полулегальных материалов, приобретенных на сером рынке, все здания в городе были построены из оруэллита, лабораторно производимого материала, что при соприкосновении с элементом хаксли функционировал как линза камеры.

Строить без оруэллита казалось невысказанным с момента Кражи Века, когда хакер Петра́ украл сразу все деньги, тем самым целиком нагнув экономическую систему симуляции.

В отличие от оруэллита, элемент хаксли, однако, был дорогим и его не прикладывали просто так к чему ни попадя. При том что в симуляции можно было при желании сгенерировать любую материю, некоторые вещи были дороже других. Почему? По той же причине, что и платное перерождение. Спроси у госуцарства. Они ОМОН, не я. Мое дело — писать, а раз уж ты читаешь, то ступай очами в следующий абзац. ->

Долпа был не дурак и понимал, что его посещение кабинета Кэпа без видимых на то причин могло триггернуть некий флажок в системе безопасности. И посему к стенам его офиса могли уже приложить элемент хаксли. Безвекое око системы наблюдало.

По истечении шестидесяти минут Сиба пибикнул будильником, и Долпа будничным жестом наконец развернул на столе стащенный из кабинета Кэпа документ.

— Son of a bitch.

Вместо желаемого компромата на Брута в документе было написано следующее:

«Брут — сухарь. Человечье воплощение книги с законами — одной из тех адвокатских в твердом переплете. Мне с ним не о чем говорить, но мне и не нужно. Он — идеальный персонаж для командующего полициями. Рад!»

— Son of a... — повторил Долпа и закрыл глаза. Под его идиотским молоточным шлемом зачесалась макушка, и Долпа сорвал шлем в ярости, метнул об пол: «BITCH!!!»

Дизайнерское решение о его костюме было, по сути, шуткой. Кэп спросил Пятку, который являлся директором комедии и вице-президентом компании, самое нелепое: что может надеть директор вероятней?

— Молоток! — незамедлительно ответил Пятка. Он был чрезвычайно шустр умом, за словом в карман не лез.

Кэп тогда повернулся к Долпе и спросил его:

— Какова вероятность того, что униформа директора вероятностей будет молотком?

Долпа ответил:

— 0,00008%.

Солнце поигрывало бликом на лежащем на полу шлеме, и Долпа взял его в руки. Пожалуй, именно в тот день он и решил стать директором директоров. Президентом. В тот самый момент, когда Кэп, хлопнув Пятку по плечу, воскликнул:

— Вопреки судьбе — да будет так! Отныне и вовеки, Долпа, твоя униформа — молоток!

* * *

Сисе было пять лет, когда он впервые увидел своего кумира — Вейс Бланко. Вейс был главным персонажем сериала боевиков «Дикая мощь». Он никогда не терял лица. Ни разу зритель не узрел ни единой слабости в непобедимом герое. Армия врага в сто тысяч жвал — он прикуривает сигару. Снайпер красной точкой меж бровей — он приглаживает ус. Бомба: 5-4-3-2-1 — Вейс Бланко насвистывает первый ноктюрн Шопена.

Сися переродился в полицейских сетях, в кабинете с мониторами, и ментально воскликнул: «А что бы на моем месте сделал Вейс Бланко?»

Он хладнокровно окинул взглядом ситуацию. По левую сторону от него, также укутавшись в рыболовной сети, — угрюмый ворон Зупан. По правую — манекен младенца на гусеницах Цитрофобик. Позади — стена. Кроме них в комнате три широкоплечих мужлана и один тощий, явно главный. Два мужика у приборной доски с мониторами вполоборота. От их лиц видно было только небритые челюсти. Один мужлан, вытянувшись по струнке, докладывал командиру: — Ворона, сэр, не сэр, прошу прощения.

Командир грубо оборвал его и отправил восвояси. Что бы сделал Вейс Бланко? Сися смотрел прямо перед собой, потупив взгляд. С минуту ничего не происходило. Затем тощий командир сказал:

— Малец, как тебя зовут?

«Как бы поступил Вейс Бланко?»

Сися ухмыльнулся и промолчал.

— Малец, к тебе обращаюсь.

«Как бы поступил Вейс Бланко?»

Сися медленно поднял голову и перевел свой леденящий крутостью взгляд на командира.

Тот встал из-за стола, не спеша подошел к охваченной сеткой троице и склонился над мальцом. На вид ему было лет сорок. Или шестьдесят. Внушительный нос с горбинкой, официальные черты лица. Он выглядел как политический деятель.

— Я обращаюсь к тебе исключительно от доброты душевной, дорогой друг. Я директор местной полиции, и мне ничего не стоит узнать твое имя.

«Как бы поступил Вейс Бланко?»

Сися улыбнулся уголком рта, крут, жестк, холоден, словно пар, исходящий от глыбы льда.

От полицейского несло перегаром.

— Мне ничего не стоит узнать, кто твоя мама, и пригласить ее сюда.

«Как бы поступил Вейс Бланко?»

Сися разревелся. Вейс Бланко в его подсознании выразительно поднял брови, вскинул руки и ушел еще ниже, в бессознательное, где бесконечно играют в сегу™ архетипы. Архетип воина, не оборачиваясь, втянул Вейса Бланко в себя и продолжил клацать джойстиком.

Между тем в кабинете охраны архетипичное отражение Трикстера, Зупан, физически отдалился от источника испанского стыда и соплей как можно дальше и презрительно прыснул. Сквозь вороний клюв получился звук — пр-р-р. Тот самый второй звук, издаваемый воронами после кар-кар.

Брут молча ждал, пока малец перестанет реветь, но тот обернулся в фонтан соплей, младенческую мерзотку первого класса. Если бы в этот момент Вадик не вернулся с плоским экраном и стаканом воды, Брут бы точно что-то такое предпринял, ей-богу.

«Удовлетворительно, — решил он, коснувшись губой кубиков льда. — А Вадик этот неплох. Он может быть мне полезен. После того как». Брут-президент ощущал себя все увереннее в голове Брута, уже раскладывая на дорогом столе мозга свои важные бумаги. Брут допил воду и взял экран, поднес его к сопливому мальцу.

— Посмотрим вместе.

Зупан покосился на экран из-за угла сетки. Дело — дрянь. Мы попали под камеры. Внутренний чат пестрел деталями о грядущем сроке. Большинство гатти были встревожены, но некоторые откровенно предвкушали созерцание сцены заключения. Бесколифт был одной из самых популярных среди гатти

локаций. Стрим продолжался и там, и с течением времени речи заключенных становились лишь интереснее. Сообщение от Lucky007 выделялось среди других. Оно было написано жирным шрифтом и повторялось.

* * *

Фруц обожал кактусы. Все плоские поверхности: от подоконника до унитазной крышки, были заставлены горшками с колючими растениями. Имена были не у всех, но у многих, и Фруц их никогда не путал. Когда зазвонил телефон, он жмякал резиновый конец пипетки с розовой жидкостью, капал витамины на Вану, пустынного мерзавца из Центральной Мексики, что по межконтинентальной почте скинула ему прабабка Анатолий. Жидкость должна была помочь Вану в росте, согласно рекламе, «взрасти до 3000 мм и более в высоту, 500 в обхвате — и колючки о-го-го!»

Телефон зазвонил второй раз, и Фруц напряженно сморщился. Он был из типа людей, что снимали трубку с третьего раза. «Тр-р-рынь!» — протрещал-протрелил телефон.

— Коровьи лепешки, — выругался Фруц и крикнул Сибе снять трубку.

— Командир, — это был Женя, запыхавшийся славный малый, активный.

— Слушаю.

— У меня три большие новости.

— Слушаю. — Фруц побряцал пипеткой о край стакана с витаминами. Он был крайне чувствителен ко всему, что вызывало волнение, а тон у Жени был крайне волнующий. Крайне.

— Не могу по телефону, разрешите зайти лично.

Фруц автоматически покачал головой из стороны в сторону в форме отрицательного жеста, но ничего не сказал.

— Когда? — спросил Фруц и положил пипетку на стол между двумя горшками на письменном столе.

— Сейчас. Сейчас. Сейчас.

Метафорически Фруц больше всего не выносил чувства качающейся лодки. Его внутренняя лодка сейчас качалась как маятник. Но Женя был славным малым, и, похоже, он был в беде. Фруц не мог отказать. Он закрыл глаза.

— Хорошо.

— Спасибо. Сейчас буду. Спасибо.

Женя разъединился, и Фруц вздохнул:

— Коровьи лепешки.

* * *

Брут щелкнул кнопкой, и на экране возник кабинет Кэпа. Секунд двадцать ничего не происходило, и сквозь головы наших персонажей пронесли следующие мысли:

Брут: «Мог бы и подрезать видео. Подредактировать. Не уважает мое время? Должно быть, поторопился с повышением».

Зупан: «Я тогда крикнул: „Даймон!“ Что это было? Кто? Лаки. Связь».

Сися: «Мне конец. Хайдук. Из полицейской сетки не вырваться. Плазморемень. Хуже».

Цитрофобик: «...»

Двери кабинета на видео открылись, и вошел мужичанский в костюме молотка. Брут подобрался плечами, сощурился, хрустнул коленкой. Он сидел к тому моменту на корточках с Сисей на одном уровне. Долпа подошел к столу президента и принялся копать

в бумагах. Резко, как белка на измене, он обернулся на шкаф, и дверцы распахнулись. Оттуда вывалилась оголтелая троица. Ворона, робот и малец. После статичного мгновения Долпа ломанулся к выходу. А дальше мы уже знаем. Отсмотрев запись целиком, Брут загадочно улыбнулся и перемотал назад. Пошел по кадрам, затем увеличил изображение на руках Долпы, не теряя при этом четкости картинки, совсем как в дотрумановских боевиках. Благо оруэллит по структуре своей предоставлял бесконечное разрешение видео по фрактально-квантовым причинам.

— Вадик.

— Да, сэр. Не сэр.

— Можно сэр. Теперь можно.

— Да, сэр.

— Узнай, здесь ли наш мастер вероятностей. Долпа Йоп. Если да, вызови его в кабинет. Скажи, у Брута есть пара вопросов.

— Понял. — Вадик повернулся уходить.

— Вадик.

Тот остановился на вытяжку.

— Будь максимально вежлив с ним. — Брут наконец выпрямился и посмотрел подчиненному в глаза.

— Да, сэр.

— И, Вадик.

— Да, сэр.

Брут положил руку ему на плечо:

— Хорошая работа.

Тот разомлел на мгновение, но тут же выпрямился еще сильнее, чуть не ломая себе позвоночник. Зачем-то отдал военный салют. Развернулся на каблуках и побежал исполнять указания. Радостно.

Брут заложил руки за спину. Это был новый его жест. Настолько приятный, органичный. Судя по ощущениям, будущая привычка.

— Son of a... — в сотый раз повторил Долпа, яростно пялясь на досье Брута. На столе его загорелась лампочка. Красная. Он тут же похолодел, а в уме заметались нечесанные вероятности. Он проглотил сухоежка и нажал на кнопку.

— Д... Кхм... Да?

— Господин Йоп Долпа?

— Да.

— Если вас не затруднит, будьте любезны явиться в кабинет директора закона при первой удобной для вас возможности, сэр.

В уме Долпы зажглась вероятность: « $P = 98\%$ », где P = пиздец. Почему так вежливо? Неужели Брут что-то заподозрил?

— Да, — сказал он в микрофонно-воспринимающую ауру, встроенную функцию стола любого чиновника.

— Благодарю искренне. Честь имею откланяться, сэр.

Звонок разъединился со звуком гибели в Super Mario. Очередная кэповская прибаутка с явным почерком Пятки. «Они, похоже, были лучшими друзьями, — вдруг параллельно осознал Долпа. — Наверняка смокали ганжа вместе тоже. Вероятность 60%».

Нужно было идти. «Но что сказать? Наверняка ведь спросят, что я делал в кабинете Кэпа. Видно ли было бумагу? Возможно». Взморосью на затылке Долпа ощутил оруэлит, из которого был сделан потолок его кабинета. Если к нему тогда был приложен элемент хаксли, они могли прочитать бумагу на его столе. Но вероятность того, что так обстояли дела, была крайне мала. Если, конечно, он не был уже на тот момент под подозрением.

Под подозрением в чем? Мог ли Брут установить слежку за ним еще до исчезновения Кэпа? «А что, если... — глаза его расширились. — А что, если Брут все подстроил? Отравил эко каким-то образом. Так, чтобы Кэп исчез из этого мира, а он урвал себе президентское кресло. Но эко нельзя отравить. Это вещество на вероятностях. Кому, как не ему, знать. На такое был способен... На такое был бы способен только Трансмейстер. Настоящий. А что, если они и об этом знают?»

— Fuck... — выдохнул Долпа, оттягивая воротник молоточной униформы. Паранойя. Документ. Они ведь увидели, что он что-то взял из кабинета. Дрожащими руками он положил досье Брута в ящик стола и вынул раскидку «Телепортач Инс» на следующий год. Глубоко вздохнул и вышел из кабинета.

* * *

Женя нажал на кнопку звонка. Координаты Сибы привели его к жестяному шару дома, больше всего походившему на советский Sputnik. Это было популярное экономное решение для малоимущих, скупых и похуистов: полая жестяная сфера с нанесенным трафаретным граффити номером 24, белым по серому. Сфера висела, не касаясь земли, на магнитной подушке, что позволяло в теории ее перемещать, как дом на колесах. На практике же, чтобы этот дом на магните переместить, нужно было приобрести квадрат земли под ним. Что, конечно, малоимущим было не по карману, скупым что-то дорого, а похуистам было безразлично, где жить.

«Участок квадратный, а дом круглый», — думал Женя, когда дверь приотворилась. Внутри сферы было темно, но в ноздри тут же ворвался запах помехари-

ков, будто кто-то атаковал вязальной спицей старый телевизор и понаделал в нем дыр. Персонаж по ту сторону молчал.

— Геннадий Григорьев?

Тишина.

— Я по поводу статьи из Starij Perdjúne.

Темнота за дверью напряглась.

— По поводу доверенного источника.

Дверь раздвинулась в сторону, и сильная рука втянула его внутрь. Закрылась. Секунда. Безмолвный перегар. Мрак. Затем зажглась лампа и в глаза Жени бросились обнаженные дамы. Каждый миллиметр сферы был завешан постерами из дотрумановских эротических журналов. Будучи заядлым мастурбатором, он распознал издания. Если не по конкретной даме, то по технике фотографий, качеству бумаги, размеру разворота. Геннадий молча смотрел на него, сложив руки на груди.

— Что по поводу статьи? Я все сдал в срок.

Женя отметил заторможенность слога. Журналист явно был под воздействием. Отодрал взгляд от постеров и перевел на обитателя сферы: майка, щетина. Бульдог. До этого самого момента у Жени не было никакого плана по извлечению адреса доверенного источника о трансмейстере. Но теперь Женя знал грязный нелегальный секрет об этом Геннадии. Журналы, из которых были выдраны постеры, были истинной редкостью даже в симуляции. Их продавали только по доставке и только по одному экземпляру в руку. Указ уголовного кодекса о дрочерах. Журналист был многоименником.

— По поводу источника.

— Да.

— Доверенный источник. Кто это?

— Мы не выдаем источники.

— Мы — это кто? — Женя развернул [Очко] и спроецировал браузер на стену сферы — прямо на женщин. Женя проскроллил через сотню вкладок и открыл страницу с артиклем на сайте Stariy Perdjúne. Проскроллил до списка создателей.

— Александр Верфь?

— Да, мой коллега. Вопросы о нем? Вы из полиции? Документ, пожалуйста. Ты полицейай? Это... бумага на обыск.

Похоже, журналист стремительно трезвел. Логические цепочки выщелкивались на глазах.

— Верфь — это ты, так? И этот, и этот, и этот — все ты. Твои имена. Признавайся.

— Что? Нет. Как? Это мои коллеги.

— Ты пишешь статьи, редактируешь их сам, словоправишь, собираешь. Сколько зарплат? Три, четыре, пять зарплат? А ну-ка!

Бульдог сжал зубы так, чтобы проступили небритые скулы. Повеяло адреналином, но Женя не шелохнулся.

— Эти журналы выписаны на те имена тоже, так ведь?

Женя открыл сайт уголовного кодекса и прочитал:
«Закон номер 141.32. О дрочерах:

Уникальный журнал подobaется в лицо одно, не более.

Более лица одного — лифт без dna.

Увы и ах».

— Увы и ах, — повторил Женя. — На мне микрофон. И за тобой следят. Геннадий, Верфь, Восток Вдребезги и так далее.

Журналист изменился в лице. Забегали глаза. Взглотнулся кадык.

— Мне нужен проверенный источник. Адрес. И все останется между нами.

— С чего мне тебе доверять?

— Не с чего. Придется поверить на слово. Собирать чужие зарплаты — это одно. Деньги все-таки иллюзорны. Но вот за журналы — лифт. Выбор за тобой.

Журналист кивнул, и Женя распахнул [Очко]. Принял координаты источника. При передаче данных высветился истинный юзернейм бульдога.

— Твое настоящее имя — Валера. Так и знал. Удачи, Валера.

Женя развернулся и вышел из сферы.

По пути к хайвэю он размышлял об указе дрочеров. Ведь в симуляции вообще все было иллюзорным, не только деньги. Почему у эротических журналов был особый статус? Вероятно, их уникальность способствует плотскому разряду. Как секс отличает от мастурбации тот факт, что трехмерность до сих пор играет особый аккорд в очень древнем закутке мозга. Реверберация этого аккорда скрывает в себе душу. Душу человеческой скотины...

* * *

Ролики Жени съехали с хайвэя в престижном районе города под зычным названием Бацу. Ходили слухи, что когда-то здесь проживали мафиозники Зайбацу, пока их не вытравили эрпэгэшники с хентайщиками.

Женя ловко соскочил с рельс, параллельно глянув на висящую в углу зрения карту. В прохладной гладкости его движений сквозила уверенная молодость. Это было его двадцать пятое лето, яркое солнце отсвечивало от хромовых набалдашников почтовых ящиков. Он был воодушевлен.

Координаты Валеры привели его к дому в форме кинжала, воткнутого в землю. Своего рода тощий небоскреб, где каждый этаж был маленькой квадратной комнаткой. Довольно неожиданная конструкция,

которую Женя созерцал с минуту, восхищаясь дебильностью архитектора. Пристегнув ролики к поясу, он прожамкал гравием по тропинке между декоративно подрезанных шарокустов и постучал в красную дверь. Отворил подросток. Костлявый, на ходулях и с громадным походным рюкзаком за спиной. На нем были квадратные очки с мощнейшими линзами. Поверх них еще одни очки с мельчайшими линзами.

— Здравствуйте.

— Добрый день, — кивнул Женя. — Я, эм, Петр, журналист.

Подросток обнажил зубы. Зеркальные брекеты подхватили лучи солнца и разразились сиянием.

— По поводу Дженге...

— М-м-м, да, — кивнул Женя. Не в первый раз он сталкивался с ситуацией, когда людям настолько не терпелось чем-то поделиться с миром, что они готовы были впустить в дом кого угодно, только бы на них обратили внимание. Даже не нужно было предложения, достаточно в нужный момент промолчать.

— Я ждал вас. Проходите. — Он перенес вес на один из костылей и прожестикнул другим.

Комната глубиной в два шага заканчивалась плоской флягой лифта. Подросток вместе со своим рюкзаком занимал его целиком. Женя протиснулся было через узкую дверь, но тут же стало очевидно, что им двоим не влезть. Положение усугублял тот факт, что посередине, подобно стриптизерскому шесту, стоял стеклянный параллелепипед. Точнее, лифт был нанизан на параллелепипед, как бусина на нить. Параллелепипед.

«Зачем ему рюкзак дома?»

— Подождите здесь. Лифт вернется. Жду вас на двадцать втором этаже.

Сияющая улыбка.

Двери закрылись, и подросток уехал.

В ожидании лифта Женя оглянулся по сторонам. Бордовые стены и обрамленная фотография на стене: мужчина средних лет с восхищенным лицом аплодирует ребенку, идущему по тонкой планке. Лифт распахнулся.

Кнопки этажей были вразброс, и он потратил некоторое время, пытаясь отыскать номер двадцать два. «Кто построил этот дом? А главное, почему так? Зачем? Ради чего?» Лифт двинулся вверх.

* * *

22-й этаж был пуст, за исключением все того же стеклянного параллелепипеда посередине. Перегруженный костыльщик с близоруко-дальнозоркими линзами зачарованно глядел на параллелепипед. Параллелепипед. Женя пересек пол комнаты одним шагом и тоже всмотрелся.

Внутри параллелепипеда была миниатюрная башня Дженге, каждая деталь не более сантиметра в ширину. Он отметил, что башня продолжалась сквозь пол, и все встало на свои места. Форма дома, фотография с балансирующим ребенком, вопрос на входе.

Этот подросток построил высоченную башню. Вероятно, рекордных размеров, иначе не стали бы строить вокруг нее дом. Подросток ожидал публичности, но никто так и не посетил его с вопросами. До сих пор. Женя задал самый главный:

— Какова высота?

— Тридцать девять метров восемь сантиметров и семьдесят восемь миллиметров, — вкусно прожеывая цифры, сказал подросток.

Женя прикинулся, что сделал заметку, но на самом деле глянул во внутренний чат:

stoic: «Высоченная Дженге».

wawwk: «Ты понял про ходули, это же баланс. Линзы тоже баланс».

— Размер индивидуального фрагмента? — продолжил брат интервью Женья.

— Четыре на шесть.

— Возраст?

— Мой? Девятнадцать.

— Башни. И ваш.

— Мой — девятнадцать. Имя — Бала Йоп. Башне четыре года, если считать от завершения. Четырнадцать от начала постройки.

Женья остаканился. Поперхнулся плечами. Бала Йоп. Йоп. Неужели?

— То есть вы начали постройку в пять лет. Вам помогли родители?

— Отец. Это была его идея. Но только первый год. Он же и с домом помог.

— Очень интересно. А отец ваш?

— Не думаю, что он хотел бы...

— Это для биографии. На случай, если решим писать книгу, важно будет упомянуть. Отец ваш.

На лице Балы разыгрались inferнальные скрипки эмоций. Он облизнул зеркальные брекеты, перемялся на ходулях.

— Долпа. Долпа Йоп.

В ногах Жени встрепенулись пружины. Сын Долпы. Проверенный источник. Статья, с которой начались в сети слухи. Холый факхин щщит.

Чтобы не казаться подозрительным, Женья задал еще с десяток мучительных вопросов о башне Дженге, параллельно набрасывая в своем виртуальном блокноте статью совершенно другого характера.

Сцена: два охранника, ключник-мониторщик и Вадик.

Вадик:

— Разделить нужно этих. Брут сказал — в камеру ожидания. Переждать. В камеру. В одну. Считать умеешь?

Ключник:

— Считать умею. Камеры только для людей. Роботы — отдельно. Животные — не уверен. Секунду. — Ключник достал откуда-то сбоку тончайший томик с правилами. Послуживил палец и залистал страницами. На каждой было по номеру и кнопке. Ничего более. Он нажал на страницу четырнадцать, и из томика раздался шелковистый голос лакея:

— На работе не читать. Только телевизор. Чтение приводит к умняку. Умняк — к загонам.

Ключник перелистнул. Номер четыре:

— Сиди и жди. Говори, когда спрашивают. Не бегай. Не нервничай. Все хорошо.

На лице ключника проступили борозды мышления. Бороздняк. Похоже, правил насчет животных в книжке не было.

— Слух, я тебя понимаю, — сказал Вадик. — Я ключником не был, но представить трудности могу. Особенно когда не по правилам что-то. Давай так поступим. Мальца в камеру, как положено. Робота отдельно. А ворону забьем и пожарим. По бырчику. А? Что думаешь? Это ж птица. Не думаю, что Бруту она нужна.

— Не думаешь... — отозвался ключник.

— Не думаю. Не мыслю. Когда доберешься до моего ранга, поймешь, о чем я, — снисходительно положил ему длань на плечо Вадик.

— Не дай Босх, — покачал головой ключник, снимая с гвоздя пластиковую карту-ключ.

— Это для людей.

— А для роботов?

— Там капча. На двери. Прямо и направо.

Вадик кивнул и размотал узел на сеточной ловушке, в которой сидел пошмыгивающий Сися, монолитно спокойный Цитрофобик и пташка хакерок. Зупан думал о том, что, если охранники убьют его здесь, вне сетки и купола, он сможет переродиться где-нибудь неподалеку и добраться до эко. Только бы позволила дистанция от треклятого любовного треугольника. Он неистово ставил лайки сообщениям от lucky007, и где-то там, по ту сторону внутреннего чата, содрогался в любовном экстазе пылевой клещ.

Пальцы щекотнули его птичьи подмышки, отчего он вскаркнул и тут же крякнул, когда охранник плюхнул его об стол:

— Хы-хы, кар-кряк.

Вадик удовлетворенно кивнул и потянул по-бурлачьи Цитрофобика за собой. Его гусеницы не поворачивались и царапали паркет. Сися валялся обмякшим мешком, пытаясь сравняться с пространством, исчезнуть. С его точки зрения, дела обстояли хуже некуда.

* * *

Стоило Вадик зайти за угол, ключник выдохнул и перевернул Зупана со спины на ноги.

— Прости, ворона, видишь, куда люд людской занесло? Не ведают, что творят.

Зупан покачнулся, опешил от внезапной смены градуса интеллигентности.

— Сейчас, секунду.

Ключник щелкнул пультом, из телевизора разразилась реклама:

— Мазь, мазь, мазь!!!

— Я знаю, что ты, птица, немного меня понимаешь, хоть и не смысл слов, но тон. За нами тут не следят, мониторщиков не мониторят. А мне необходимо поговорить хоть с кем-нибудь без притворства. Меня Вениамин зовут. Вениамин Михайлович. Я физик-теоретик. Вот так вот, видишь, приходится актерством страдать. Никогда бы не подумал, но вот так получилось. А ты не волнуйся. Убивать я тебя не буду. У меня весь род вегетарианский. Да и не перерождаются животные. В симуляции алгоритм регенерации для нелюдей не прописан для консервации ресурсов. Я буду тебя звать К. Как насчет К? Я очень рад, что ты явился в мою жизнь. Хоть будет кому о теории своей рассказать без насмешек. Ей-богу, видел бы меня сейчас Эйнштейн.

Зупан очень хотел в этот момент обхватить голову руками в жесте «ебжешь твою мать», но без рук ближайшее действие было — опустить голову вниз, закрыв глаза.

Палец Вениамина ласково прошелся по его затылку, интерпретируя жест как поклон.

— А я вижу, ты тоже рад знакомству. Очень приятно. — Лицо его вдруг изменилось. Остудело, как кирпич хозяйственного мыла. Он одним движением толкнул Зупана между мониторов, спрятал. Возвращался Вадик.

— Ну что, ключник, ты как любишь: *medium rare* или *well done*?

— *Well done*? — спросил Венеамин с фейсом а-ля быдло спозаранку.

— Мясо, мясо. Птицу как будем готовить? Птицу.

— А, она улетела, начальник.

— Как?

— А вот туда, — он указал в угол потолка, где с какого-то перепугу была форточка.

— Ах ты! — Вадик замахнулся было словом, но вспомнил, с кем имеет дело. Смилоствовался. — Пройдоха, как же ты так упустил?

Ключник виновато потупился:

— Очень быстрая птица, не успел.

— Ну ладно, улетела так улетела. Будем надеяться, что Брут не заметит. Но если он спросит, сколько было заключенных?

— Три. Ворона, малец...

— Нет, ключник, как тебя там? Запомни, заключенных было двое: робот и малец. Понял? Так никто не узнает, что ты оплошал. Ну, шевели мозгой.

Теплая влага осознания расползлась под кожей лица ключника, как моча в спальном мешке в суровую омскую ночь. Разгладила черты.

— Двое. Понял. Отлично.

— Ну ладно, тогда не скучай, мне пора. А, слушай, мази у тебя нет случаем? У меня закончилась.

— Есть.

— Можно позаимствовать?

— Конечно. На.

— Благодарю. Ну все, давай.

Вадик двинулся по коридору, насвистывая. Благородный рыцарь в сияющей броне.

* * *

Решетка звязнула за спиной Сиси. Он смотрел в пол, бормоча под нос, мол, пусть будет эта камера пуста. Ему хотелось посидеть в тишине, поразмыслить, а может, даже пореветь немного, чего уж там душой кривить, Веис Бланко из него был никакой. Шаги

Вадика заудалялись под аккомпанемент заблоченных гусениц Цитрофобика, и Сися поднял глаза. В углу камеры сидела женщина с седой байкерской бородой до пят и в круглых солнцезащитных очках. Слепая свистоблятка. Сися шумно выдохнул.

— Нет толку тратить силы на страх. Толк пюре отнимать все силы должен. Мир — картошка. Если бицепс не устал, не понимаешь целиком. Имя?

— Пися Пикассо.

Голос ее был в формате лэпота. Дивный, с пробасью. Ей бы только сказания вещать.

— Ложь — тоже путь. Но куда? — улыбнулась старушенция. — Подойди.

Сися прошаркал сквозь камеру: серый прямоугольник шагов пять на семь, сквозь прутья ложного окна — свет белых флуоресцентных ламп. Две койки, одна над другой. В потолке — квадрат вентиляции с ладонь шириной. Тюрячка.

Старушенция сидела на нижней койке, подтянув ноги до подбородка. На ней было серое платье с белым баркодом на плоской груди, что просвечивался сквозь бороду. Она поманила его рукой и похлопала по койке рядом с собой. Сися повиновался. Мечты о рыданиях пришлось отложить. Свистобляткам палец в рот не клади. Он знал, по крайней мере, одну из них лично. Чересчур лично. Нужно всегда быть начеку. Сопли, однако, свисали, и он втянул их с вермишельным сауном, присаживаясь на холодную плоскость койки.

— Стенания не стоят выеденного гроша, но не грошами едиными жизнь истекает. Душа без слез — как океан без корней.

Сися вытер лицо рукавом, нарисовав на нем мокрую комету. Параллельно с печалью Монте-Кристо он ощутил укол тоски иного типа. Ему вдруг захотелось увидеть Цитрофобика. Докоснуться до его лысой баш-

ки, услышать восьмибитные фанфары. Однако тоски по Зупану не ощущалось. Треугольное проклятие не тянуло в ту сторону. Значит, он был неподалеку. Не все потеряно.

Свистоблятка пребывала в тишине, словно животное в натуральной среде обитания, не шелохнувшись, минут пять, и Сися не возражал. Мимо камеры протопал обратно Вадик. Чертова капча на двери камеры для роботов далась ему нелегко. Да и волочить машину по коридорам было делом не из легких. Он надеялся закусить птицей и развеять тревоги. Несмотря на усталость, шаг его пружинил в предвкушении деликатеса.

* * *

Несмотря на фиаско с жареной вороной, настрой у Вадика был приподнятый. Разговор с мониторщиком установил иерархию через снисходительность, и корона интеллекта жала ему за ушами. Надо же, какой дурак, птицу упустил, ну как так? Как славно, что я не растерялся. Раз — и сократил количество заключенных. Ай да молодец, ай да я, ай да ман.

Проходя мимо кабинета Брута, он привычно притупил на всякий случай свои паленые мысли и заглянул во внутренний чат. Гатти осыпали его комплиментами и всячески ликовали.

— С чего бы это? — раздался голос Долпы из приоткрытой двери кабинета.

«Ух, попал он в клешни Брута, не завидую, — думал Вадик. — Даром что директор департамента. Перед законом все равны».

А двигал он между тем к драгопоглощателю его участка, чьей бравой работой было уничтожение найденных на месте преступления наркотических ве-

шеств через поглощение оных и написания трипрепортов. В тренированной памяти Вадика отложился факт причастия наркотика к текущей ситуации. Он помнил, что на полу кабинета Кэпа, на месте преступления, валялась трубка.

* * *

— С чего бы это? — звонко проконтральтони́л Долпа Йоп.

— Стандартная процедура. Вы присядьте, пожалуйста.

Брут восседал за своим столом. На нем была униформа директора закона. Крутая, сайфайная, с эполетами, она гордо сочеталась с корешками папок на столе. Важными документами. Осанка его была абсолютной. Долпа ощущал себя дебильнейшим образом на фоне всей этой крутизны. Его костюм молотка опять давил глотку, и он прилагал немалую часть усилий, чтобы не оттянуть воротник, чтоб не дрожал голос, не дрожала бумага в правой руке. В целях удержать их в узде он говорил резко и слишком громко. Его реплики были краткие, рубленые.

— Постою.

— Как пожелаете, — сказал Брут и нажал на кнопку. Стол вместе со стулом находились на лифтовой платформе, что медленно въехала, пока Брут не оказался на голову выше Долпы, глядя, таким образом, на него сверху вниз. Он сложил руки на столе, наклонился вперед и держал паузу. Ждал, пока Долпа кашлянет или переменется с ноги на ногу, но тот был стойким молоточком. Не кашлянул, не переменулся.

— Неизвестные ворвались в кабинет президента, — наконец сказал Брут.

— А.

- Вы были там не так давно.
- Так.
- Когда вы посетили кабинет в последний раз?
- Кабинет? Свой?
- Кэпа.
- Сегодня.
- Время и цель визита?
- Около 12. Цель — конфиденциальное дело Кабинета Вероятностей.

Долпа знал свои права. Без прямого обвинения Кабинет Закона не имел права запрашивать подобного рода информацию. Кэп так постановил нарочно, чтобы предотвратить потенциальную тиранию мужланских индивидов.

- Поделитесь областью, с которой связано дело.
- Конфиденциально.
- Вы не хотите помочь расследованию? Я вас ни в чем не обвиняю и уважаю закон о конфиденциальности больше, чем кто-либо. Но для установления истинного преступника нам поможет любая информация. Почему бы не помочь? Особенно если вам нечего скрывать.

Долпа упустил на мгновение контроль и оттянул воротник. Этот проклятый костюм его задушит. Брут, конечно, был прав. Если Долпе нечего скрывать, то нет никаких причин умалчивать область разведки, для которой ему был необходим документ из стола Кэпа.

— Трансмейстер, — сказал он. — Искал информацию по трансмейтеру.

Брут кивнул и сделал заметку в блокноте. Затем задал свой острый вопрос:

— Долпа Йоп, скажите как директор вероятностей: какова вероятность того, что вы причастны к преступлению?

Долпа на мгновение закрыл глаза, сглотнул, заметил, что его рука с бумагой все же подрагивает. Посмотрел на Брута снизу вверх:

— Вероятность того, что я причастен к тому, что в 12:32 неизвестные ворвались в кабинет директора, — 0,00007%.

— Вероятность того, что вы причастны к преступлению, — повторил Брут. Он отметил, что ответ Долпы был чересчур конкретным. Он что-то скрывал. Увиливал.

— Вопрос не имеет отношения к делу, и я не обязан на него отвечать.

— Хорошо, — кивнул Брут, убеждаясь в своих подозрениях.

* * *

Кроме глубокой тарелки с нарисованными на дне цветками мака на кухонном столе Фруца лежала распечатка первой статьи с упоминанием Трансмейстера. Она была написана каким-то журналюгой, отредактирована Верфью, доработана словоправом Валерой и еще кем-то — многоликим умельцем.

— Сын его — источник, — повторил Женя. — Сын Долпы. Трансмейстер — это просто прикрытие, предлог, чтобы захватить власть.

Фруц размешал ложкой чаек с героином и сделал глоток. Он был единственным в мире пухлым героинщиком — ввиду уникальной генетики. Сквозь опиатное покрывало его сознания прорисовывались контуры неприятностей, тревог, беспокойства.

— Так, — выдохнул он в сторону Жени.

Медик вопросительно поднял брови на директора медицины:

— Что «так»? Это же золото, абсолютное доказательство гнилости Долпы.

— Но зачем? — философски вздохнул Фруц. Мотто его предков «Не вмешивайся» заиграло пластинкой между ушами.

Мысли Фруца невольно повернулись к распечатке на столе, которая была произведена его принтером. Внутри картриджа — шелкопряды-мутанты. Вместо шелка они выделяют отражающие нити, ведь их пища — это расплавленные зеркала. И вот шелкопряды хрумкают молекулы зеркал, плетут нити, которые темнеют на воздухе, и тут же механические руки (раз-раз-раз) складывают нити в ряд, словно поленья. Получается своего рода бумага. Затем принтер печатает на этой бумаге.

Женя ощутил необходимость поднажать. Ему нравился Фруц, этот пухлый начальник, его невмешательность и его кулинарные наклонности. Было бы печально, если бы он в итоге пострадал, но альтернатива была гораздо чудовищней. Долпа Йоп в президентском кресле.

— Давай откровенно, Фруц, ты меня давно знаешь, так?

— Да, давно, Женя. Ты у меня был подмастерьем в школе, помнишь, и старостой. Хотя не, старостой был Витек, пока он не подорвал унитаз на втором.

— Ну вот, ты знаешь, что я просто так трещать не буду. Если вот это, — он постучал пальцем по шелкопрядскому папирусу, — не выйдет в свет, есть неслабая вероятность, что кактусы будут запрещены, и хомяки, и, может, даже героин, кто знает.

Фруц улыбнулся мечтательно:

— Тут ты, конечно, перегибаешь, Женя. После смены власти приходят перемены, но героин запрещать — это безумие.

Женя осознал, что хватанул лишнего. Запрет любого вещества сопровождался бунтом, а особенно такого популярного, как герыч. Нет, Долпа бы никогда на такое не пошел.

— Кактусы, — повторил он, — кактусы запретят.

— Но зачем?

— Колючки. Сам знаешь, у владельца кактуса вероятность уколиться около 100%. А Долпа — директор вероятностей все-таки.

Фруц нахмурился. Очертания опасности проступали сквозь опиятное марево все яснее. Виднелись острые углы, как серые кусачьи прямоугольники.

— Fuck. Сиба, поставь Velvet Underground.

Из стен зазвучала музыка, заблеял Лу Рид. Франц, любимый кактус Фруца, предстал перед его мысленным оком. Фруц своими руками связал для него маленькую шапочку и любил делиться с Францем своими мыслями, шепча монологами долгими осенними вечерами. Что, если Франца запретят?

Женя удовлетворенно наблюдал смену погоды на вшторенном лице Фруца. Удар пришелся в яблочко.

— Нам нужно доставить эту бумагу Бруту вместе с моей историей. Пусть закон разрешит вопрос, это их работа все же. Но инициатива не может исходить от меня. Я всего лишь лидер жмени медиков, мелкая сошка, мне не поверят. Но если ты, Фруц, принесешь новости, совсем другое дело.

Фруц допил чай, подобрал со стола тарелку и чашки, отнес к раковине.

— Хорошо, — сказал он, не оборачиваясь, — я отнесу.

«Fuck yeah», — улыбнулся про себя Женя и кинулся в свой внутренний чат поглощать восторг фанатов.

— Вот так вот получается, — с немалой долей энтузиазма говорил Вениамин, ключник-мониторщик. — Выгнали меня из академии.

Зупан читал свой внутренний чат, понурился башню все в той же позе вороньего отчаяния. Решения к ситуации все не приходило. Он ждал: рыбак у словесной реки физика-теоретика, у которого в кои-то веки провало дамбу.

— Как тебе объяснить-то уровень их? Видел? Этот долдон Вадик. Волочил робота по паркету. Не знает команды «колеса вперед». Это ж первый курс роботехники. Любая машина с гусеницами, если на нее не наложен пароль, подчиняется этой команде по дефолту и двигает до бесконечности вперед. Казус Облепихи. Первый курс истории симуляции! Когда сержант Облепиха вражеские танки активировал этой командой, они все двинули вперед, подождал, пока они мимо проедут, и расфигачил их армию с тыла. А до бесконечности вперед почему? Первый курс физики. Инерция в симуляции сама по себе производит энергию. Видишь, как образование все само в себя. Хотя вот тут-то да. Как раз на физике-то все и обрывается для меня. Начинается, точнее. Но никто не слушает. Поехавшим Веней они меня прозвали. Сначала оскорбления, потом урезка бюджета. Затем студентов моих того, потом пресса подкупная. И наконец, kick. Піджопник. Пошел отсюда вон. Canceled. А мне куда после этого? Доктору наук. Не преподавать же. Не консультировать. Делать что?

Он развел руками.

* * *

Lucky007: «Форточка».

Наконец появилось сообщение от Лаки. Это напомнило Зупану о Тринити, возлюбленной Нео из его любимого дотрумановского фильма. Как она говорила, где находится телефонная будка.

Lucky007: «Форточка ведет в вентиляцию. Сейчас, подожди, высчитываю».

Зупан мотнул головой, посмотрел искоса на мониторщика, моргнул.

— Эх, птичка, знал бы ты только, каково это, когда есть что сказать, но никто не слушает. Хоть ты теперь выслушай теорию мою, а? Из-за которой меня поперли. Выслушай поехавшего Веню.

Он ласково прошелся пальцем по голове Зупана, что терпеливо ждал координаты от гатти Лаки.

— Я дерзнул задать самый главный вопрос. Каждый ученый приходит к нему рано или поздно, но большинство останавливается у самой двери, не решается войти. Остаются вне, погружаются в мелочи. Где это мы? Что это все такое? Что происходит? Кто это создал? Главный, самый большой вопрос, понимаешь? Ученые боятся теологии, несмотря на второй корень слова «логос», который они обожают. Первый, «тео», их устрашает. Их, не нас, заметь. Я себя одним из них более не считаю. О нет, никак нет. Потому что мне от «тео» не страшно, а они боятся. У них такой склад ума. Им нравится все объяснить и посчитать. Даже не то, что нравится, они бесятся, если перед ними бездоказательное, неопишемое. Чрезвычайный интеллект неизбежно волочит за собой чрезвычайное эго. А эго — это испуганный ре-

бенок, ипохондрик, который во всем видит угрозу и боится исчезнуть. Если интеллект неспособен решить, значит, не решаемо, значит, страшно и лучше туда не лезть. Прикинуться, что этого самого главного вопроса и вовсе нет. Заняться тем, что подтверждает это, что оно существует, что оно лучше других, математикой. Навыдумываем измерений, посчитаем их, поскладываем, поумножаем. Смотри, какой я умный. Никто даже не понимает, о чем я говорю. А главный вопрос, черт бы с ним, какая разница?

Lucky007: «Форточка, потом вверх три этажа и налево до упора. Там будет другая форточка, выход в кабинет наркопоглотителя. Если ты рванешь туда ровно через минуту, то успеешь к моменту, когда подожгут трубку с Кэповским эко. Выжди 60 секунд и давай. Это твой шанс. Жди».

Зупан жмякнул лойц и принялся считать в уме: «60, 59, 58...»

— А я нашел ответ, — продолжил Венеамин, — мне, конечно, тоже было страшно. Но что такое мое это по сравнению с поиском истины? Что дороже, в конце концов?

Глаза его заблестели слезами.

— Мы же знаем, что находимся в симуляции. Это факт теперь. Еще с Трумана. А раньше, до Трумана, это было фантазией, разве нет? Конспирологией, в которую верила шайка сумасшедших. А теперь факт. Об этом как-то все забыли. Ведь всего один шаг остался до разгадки. А мы что, забиваем у самого берега?

35... 34... 33...

— Симуляция — это факт. Ее кто-то создал, так? Но кто? Почему мы решили, что люди? Отчего такая самоуверенность?

Голос Вениамина задрожал, набирая молний, и перебивал собою телевизионный шум стола ключника. Пройди в этот момент кто-то по коридору, его фиктивная личность дурака-мониторщика непременно распалась бы.

Зупан развернул внутренний чат.

breezyShaun: «Неужто он намекает?»

detchCuz: «Симуляция создана не людьми, а, значит, кем?»

Zebr12: «Поехавший Ваня. Отличное имя. ЛОЛ».

D6dsk: «Он в чем-то прав, нет?»

hearMeowT: «Пусть говорит, подожди».

Lucky007: «30 секунд».

«Двадцать девять. Двадцать восемь. Двадцать семь» — продолжал считать Зупан.

— Это они. Они наблюдают. Они создали. Для наблюдения за нами. Это как шоу. «Шоу Трумана», понимаешь? Все было перед глазами. Ответ все это время был на поверхности. Гатти создали симуляцию, в которой мы живем. Пылевые клещи.

Вениамин выдохся. Омрачнел. Сдулся, как воздушный шарик, и осел в позе сокрушения: локти на столе, голова в руках. Ровно между локтями сидел, понутив голову, Зупан. В последние десять секунд отсчета они словно пребывали в полотне «Двухэтажная трагедия».

Зупан свернул внутренний чат, что разразился в тот момент восклицательными знаками, и присел на своих птичьих коленях. Приготовился к прыжку. Он к тому моменту уже не слушал профессора, а все думал, что бы такое сказать, прежде чем покинуть сцену. Ключник до сих пор не ведал о его вербальной способности, и пронзить вуаль молчания надлежало самой

едкой спицей. Благо к последней секунде нужная реплика пришла на ум.

Зупан сказал:

— Ты на верном пути. Мы наблюдаем. Веди себя достойно.

С этим под аккомпанемент сложнейшего вздоха отныне воистину поехавшего Вени Зупан рванул к форточке.

* * *

Наркопоглотатель передал дымящуюся трубку Вадику. Они сидели на полу, скрестив ноги по-турецки, лицом к лицу. У него не было имени. В его шаманской профессии имя вычеркивалось при заступлении на пост, чтобы его невозможно было забыть. Отклик древнего закона о злоупотреблении диссоциативами.

Дым эко был горьким. Вадику прежде не доводилось опробовать эко, но он, конечно, был знаком с опасностями вещества. Кэп все еще был в коме именно от него, в конце концов. Однако исходя из того, как редко коматозило курящих, вероятность повторения подобного исхода теперь была даже меньше, чем у Кэпа.

Взяло сразу. В углу зрения завертелась спиралью мозаика, затем превратилась в кольцо и стянула обзор до круга посередине, как иллюминатор. Чистый зрак. Вместе с тем расслабились плечи, предплечья, руки, шея, грудь, таз, ноги. Он словно проваливался в теплую ванну из воздуха. Лицо его растянулось в резиновую улыбку.

— Настоящий момент. Все это время, — сказал он вслух. И вдруг стало невероятно ржачно. Он приснул и загоготал не своим смехом: — Га-га-га. — Как гусь.

Наркопоглотатель взял трубку из его рук и затыкнулся второй раз.

— Сатори, епта! — выдохнул он облако дыма. Внут-
ри облака неслись тончайшие кареты с лошадьми,
очень детальные.

— Ох, ебать, — прошептал Вадик.

А тело его прошло сквозь этап тепла и теперь врас-
тало в пол из чистойшей неги, благодати. Это был
не просто расслабон, а расслабон плюс. Кайф на мак-
сималках. Он растекался теплой патокой по паркету
наркопринимальни.

Дымные кареты с лошадьми разлетелись по комна-
те и увеличились до реальных размеров рывком, будто
их диагонально растянули в графическом редакторе
Microsoft Paint.

«Как они все умещаются сюда?»

Вадик моргнул, и кареты обрели реальность. Запах-
ло навозом, раздался звук копыт, веревок, стремян.
Стен комнаты не было более видно, вместо них во все
стороны простирались условные прерии.

Дверь ближайшей кареты распахнулась, и с нее со-
ступил индеец в шляпе с синими перьями, в белых
ковбойских сапогах, футболке Panasonic, с кожаным
жилетом и шипами блэк-металлиста на плечах. Лицом
он походил на отца Вадика, но не был его копией, ско-
рее братом отца, которого Вадик прежде не видел.

— Дядя! Дядя-индеец!

— Что? — спросил наркопоглотатель, находясь фи-
зически рядом с Вадиком, но ментально пребывая
в иных краях. Наркопоглотателю виделся музей с по-
блескивающими фигурами из мрамора. Фигуры были
мокрые, с них капала роса, и звук капель складывался
в фантастическую мелодию: «Тик-тик, пап-пап». Было
в ней что-то ностальгическое.

Статуя прямо перед ним: старуха с сумкой на пле-
че. Она сидела, скрестив ноги, и что-то сказала, только
что — но он не расслышал. Эта мелодия капель —

до чего тонкая, душевная, как квинтэссенция милейших утренних птичек.

С этой мыслью он увидел птицу. Между скульптур вспорхнула ворона, подлетела к нему и села на руку. Все происходящее было крайне реальным. Его онемевшая от неги конечность отстраненно ощущала когти пернатого.

Тем временем в прериях Вадика. Индеец сел напротив, снял шляпу и положил на пол. На белом сапоге виднелся лейбл со стертым логотипом. Колени его выступали сквозь драные джинсы Levi's. Индеец сверху, ковбой снизу, Panasonic посередине.

Вадик, похоже, снова рассмеялся, но не был в этом уверен. Нервы его затихли окончательно, и мысли сплелись с действиями так, что не распутать. Он сдался происходящему. На индейца приземлилась ворона и прошла по его руке, как по мостику. Вадик отметил, что индеец держал трубку. Он резонно предположил что наркопоглащатель и индеец — это одно и то же лицо, а птица была иллюзорной.

Лошадь справа перемялась с ноги на ногу, покачивая карету с деревянным звуком. Ворона сунула клюв в дым и затянулась, закашлялась по-птичьи давящимися чихами, клювотными зевами. Птица начала увеличиваться и растягиваться. Сначала ее ноги обернулись человеческими, затем торс. Вадик с безучастным восхищением наблюдал метаморфозу, пока финальный аккорд не сыграл детальными человеческими чертами: узкими скулами, большим лбом, горбатым носом, черными волосами до плеч.

Этот новый персонаж, едва явившись, принялся стягивать с индейца одежду: жакет, футболку через голову, затем взял индейца подмышки и положил на землю. Стянул с него штаны, ботинки, облачился

в его одеяния по-терминаторски, затем нацепил шляпу и быстро зашагал прочь.

Между тем наркопоглотатель наблюдал, как его раздевают. «Пришла пора стать статуей самому», — решил он. Теперь его омоют, выкуют форму и зальют горячим железом. Он станет железной статуей, никаких сомнений. Капель вокруг него обрела электронный оттенок, превратившись в IDM. Он лежал на полу музея и смотрел в потолок, с которого свисал огромный вентилятор, что медленно, гипнотизирующе вращался. С него стянули ботинки. «Неужели то же самое произошло с Кэпом?» — подумал он, прежде чем закрыть глаза.

* * *

Молчание в камере Сиси все продолжалось. Тишина висела липкой паутиной, и мысли его замедлились. Между ними появились прорехи, промежутки, как чернота между вагонами ночного поезда. Там он не думал, не был. Вместо него — бэкграунд Вселенной. Этот ее локальный лоскуток: серая койка, серые стены, окошко с фейковым солнцем. Никого нет дома. Дом пуст, лампа не горит.

Наконец, шероховатый голос слепой старухи прорезал тишину треугольно: «Вот так оно всегда. Все происходит без всех и прямо сейчас. Неизбежность».

Едва она исполнила эту мудрость, возник жужжащий звук, будто она своей репликой породила его источник. Звук приближался. Мотор. Шелест больших шин.

«Если не начинать, то потом не нужно доделывать».

Мотор грохотал все ближе, вырисовывался: Рак-так-так-так-так.

Трактор.

Старуха сняла свои круглые очки и положила их на койку. Медленно встала и подошла к окошку, глядя прямо в свет лампы. Сися наструнился, напрягся, сердце его забилося неистово. Ладони мигом вспотели. Сейчас что-то будет.

«Рак-так-так-так-так», — грохотал мотор. Казалось, прямо за стенкой. И тут — БЭМ! Железные прутья пробили стену, будто подцепили тракторной вилкой. Лампы за окном вспыхнули и разбились. Флуоресцентно. Фьсьххь!

Едва железные прутья прорвались сквозь бетон стены, старуха ухватилась за них и повисла на стене как нелепый геккон. Трактор отъехал назад и развернулся в профиль, вызволяя его сокамерницу из заточения вместе с куском стены.

«Tao that can be named is not the real Tao!» — выкрикнула она, под аккомпанемент мотора желтого трактора с зеленой кабиной.

За рулем сидела та самая зататуированная искусствоведша, что не так давно гналась за Сисей по театральным коридорам. Она распознала его тоже. Между ними сверкнула статическая искра узнавания, прежде чем она крякнула рычагом и урактакала прочь, оставив Сисю одного в трех стенах.

Все встало на свои места: эта бабушенция, его сокамерница, вероятно, была лидершой свистобляток или типа того. Татуированная вызволила ее из тюрячки, а это значит, что его мама, вероятно, была с этим связана и его только что опознали. Он машинально подобрал очки с койки и надел их. Инстинкт маскировки все-таки сработал, хоть и с опозданием.

Шаги в коридоре. Он обернулся. Охранник с острыми чертами лица остановился у камеры и зазвякал ключами.

«Все происходит без всех и прямо сейчас, — пронеслось в голове Сиси. — Что теперь?»

* * *

Пока разворачивались все эти события, Цок, работник «Телепортач Inc», все пытался допройти злополучную миссию с вертолетиком в GTA Vice City. Наконец он с разъяренным выдохом сдался, схватил канистру с бензином (ведь именно за этим он примчался в свою однушку на окраине города четыре часа назад) и вышел из дома, на ходу зацепив свисающие с гвоздя ролики.

Добравшись до работы, он немедленно поставил пластинку Metallica — Fuel, открутил крышку канистры и принялся расплескивать бензин по контрольному пульту, зловеще хохоча. Удушливо завоняло испарениями, и замигал сенсор предпожара рядом с красными цифрами местного времени 15:29.

А в 15:28 Фруц в пиджачке и твидовых штанишках, со зрачками-точками и платком в заднем кармане, с папкой подмышкой, в которой на всего одной странице, распечатанной зеркальными шелкопрядами, сохранился убийственный текст доказательства, что Йоп Долпа, директор кабинета вероятностей, стоял за новостями о Трансмейстере, стягивал ролики в телепортчике на другом конце города.

Ровно в 15:29 он заступил на круг портала и нажал кнопку.

Цок щелкнул зажигалкой Zippo, но искра не явилась. Щелкнул еще раз. Нет, искра спит. Прометей в отпуске. Ку-ку, банан.

Песня Fuel достигла соло-секции, и Цок ритмично чиркал зажигалкой без толку. Еще немного, и мигание предпожарного сенсора привлечет внимание пожар-

ников. Его пиротехническое деяние не состоится. Вероятно, его цель так или иначе будет достигнута — его за это уволят, но, бля, хотелось поджечь.

Он ринулся в магаз за новой зажигалкой.

В это время Фруц успешно телепортировался, добрался до кабинета Брута и скромным жестом положил бумагу на его стол, не произнося ни слова. Брут одним махом прочел содержимое, и его брови взметнулись лыбой.

— Ахак, попался! Хайдук тебе, Долпа, Долпа Йопища, — сказал он голосом, вымоченном в кленовом сиропе.

Фруц сигнальнул пальцем вверх и двинулся к выходу, так и не сказав абсолютно ничего.

Брут нажал на кнопку на столе, чтобы позвонить охране, но сигнал не прошел. Он нажал снова. В этот момент Фруц открыл дверь в коридор, и в звуконепроницаемый кабинет ворвались звуки: выстрелы, топот и вскрики.

Не медля ни секунды, Брут дернул за рычаг, и сопла под полом его кабинета воспламенились. Комната была ракетой и позволяла покинуть здание на случай штурма. Эвакуироваться. В том, что Телепортач штурмовали, у него не было сомнений. Наметанное ухо старого волка. Когда комната за его спиной улетела во свояси, нагероиненный Фруц все еще держался за дверную ручку. Провисая сквозь пол над беспотолочным этажом ниже, он отстраненно наблюдал, как слабела его рука, как разжимались пальцы.

* * *

В этот самый момент замок на двери камеры Сиси щелкнул, и она отворилась. Сися сидел на койке в круглых солнцезащитных очках с философской

аурой, что немедленно разозлило Зупана. Ботинки, что он отжал у накуреного наркопоглотителя, были на полразмера малы. Время ускользало. Раздражение! Конечно, были и хорошие новости. Финальная реплика, что он метнул мониторщику Вениамину, вывела рассудок ключника из равновесия, и тюремный этаж более не охранялся. Зупан прошел мимо Вениамина по пути сюда. Тот лежал теперь на носилках в коридоре и бормотал себе под нос про пылевых клещей и симуляцию. Вокруг происходило: выстрелы, отдиранья стен, гомон. А этот малец сидит с невозмутимыми жвалами и косплеит Джона Леннона, ждет, пока освободят. Злоба! Зупан схватил его за воротник и поволок на выход.

— Зупан — это я. Я нашел эко. Нужно освободить робота. Давай-давай-давай-давай.

Сися слегка опешил, но ситуацию уловил. Глядя снизу вверх на человека Зупана, он пришел к выводу, что и в этом формате вороньего в нем до сих пор было больше, чем человеческого. Линии прямые, бровастая надглазность, мелкие уши. Асимметричный тип.

Добравшись до камеры для роботов, Зупан принялся вбивать капчу, но все промахивался.

— Это О или 0, бляха муха. Что это? Х? Большая Х или маленькая?

Наконец и этот замок отворился. Цитрофобик выкатился в коридор, но было слишком поздно. Ворвались бородатые женщины с автоматами.

В комнате прямо над ними что-то мягко шмякнулось о пол. Через мгновение раздался возглас: «Эко!»

Это Фруц разжал онемевшие пальцы и упал в комнату под ним ровно между лежащим на полу наркопоглотителем в трусах и сидящим, скрестив ноги по-турецки, охранником Вадиком.

Женщина махнула автоматом в пол универсальным жестом, и Зупан, подняв руки, повиновался. Сися последовал — подбородок на паркет, руки за головой. Ох, как же он надеялся, что среди штурмующих Телепортач свистобляток не было его мамы. Как надеялся.

* * *

Пламенные сопла ракеты Брута погасли, и кабинет директора кабинета закона вяло двинулся неммым объектом по орбите планеты. Брут поставил таймер возврата на три дня, встал из-за стола, подошел к окну. Несмотря на осознание иллюзорности этого мира, вид родной планеты из космоса по-прежнему будоражил в мозгу нечто доисторическое. Чарующие эпитеты сжали грудь, но все никак не формировались.

— Сибя, поставь Рахманинова и замути «Джек Дэниелс» со льдом. Много льда.

Из колонок зазвучали клавиши фортепиано. Он принял стакан у выдвижной руки, сделал глоток. Кубики льда и пианино. Космос.

— Шедеврально.

Один из эпитетов таки вырвался, прежде чем душу его занавозили суетные мыслишки. Штурм свистобляток был коротким. Это не более чем проявление протеста — шоу для журналов. Три дня космоса — это, пожалуй, перебор, но Бруту спешить было некуда. Долпа теперь был у него как на ладони с этим документом. Он сжал кулак, не отрывая глаз от Земли. Сделал глоток, хищно улыбнулся.

В двух с половиной сантиметрах от внешней обшивки ракеты кабинета висела черная пирамида трансмейстера. Его позиция была немислимо рискованной. Стоило пирамиде коснуться ракеты, сенсоры уловили бы ее присутствие и немедленно бы зафиксиро-

ровали, сфотографировали, выложили в сеть. Существование трансмейстеров перешло бы через рубеж слухов в факт, сделав их работу невероятно трудной. Но трансмейстер контролировал вероятность столкновения. В этом и заключался талант ему подобных. Однако вместе с талантом приходил и неизбежный понт. Они обожали выпендриваться без всякой на то надобности, как чайка, летящая над океаном, едва не касаясь поверхности воды. Риск жизнью, да. Но посмотри, что могу.

Кроме любви к риску их объединяла любовь к иронии. Бумага с доказательством о несуществовании трансмейстеров была на расстоянии вытянутой человеческой руки. Попала она сюда исключительно по воле трансмейстера, и дальнейшая ее крайне маловероятная судьба зависела от совпадений, которые он методично вбивал в свою пирамидальную систему в этот самый момент. Ochen' ironichno.

Брут допил виски, занавесил штору и выдвинул из стены койку с прекрасным матрасом. С прохладцей. Он растянулся, подложив руку под щеку, наслаждаясь классической музыкой, пока сон не укутал его опьяненное ментальное око.

* * *

Матильда Фигасе, для своих — Тильда, не участвовала в штурме «Телепортача Inc». После своего выступления в театре Виталика Поддонского (ака Поддонок) она отправилась напрямиком в бар Dry Cunt. Это было типично свистоблятское заведение. Сигаретный дым, низкая лампа над бильярдным столом, приглушенный панк-рок из колонок, высокие стулья у барной стойки. Тильда сидела на одном из них, глядя в стакан с джином без тоника, медленно вращая его между пальцев.

— Долгий день? — спросил бармен.

Кроме Тильды, у стойки никого не было. Всего из клиентов — пара бородатых дам, что потрескивали киями по шарам. Она подняла глаза. Бармен был эдаким матросом: усат, мускулист, в майке и джинсах, волосатые руки протирали стакан. Она молча кивнула, сюрпнула джином.

— Я слышал что-то о штурме Телепортача.

— Да, — сказала Тильда, утерев усы.

— Сегодня, да? Прямо сейчас, наверное? Вы, ребята, brave, эй! У них же и сети полицейские, и бесконечные лифты. Как вам не страшно нападать? Сколько раз в этом году уже? Мне бы одного раза хватило.

— Четвертый раз. — Тильда засмотрелась на его бицепс и вдруг ощутила прикосновение фантазии. Той самой, запретной. Сильные руки, как бы они держали ее, подняли над землей, притянули к себе.

— Ну вы вообще, ребят, respect. Что уж тут сказать.

Он поставил протертый стакан на стойку, закинул полотенце на плечо. Тильда пропадала в фантазии, ее глаза подернулись дымкой. Сильные руки, обхватывающие ее талию, сжимают ягодички, владеют ей с такой силой... Резкий гогот свистоблятки вырвал ее из воображения. Она испуганно оглянулась, не заметил ли кто. Не над ней ли смеются?

У бильярдного стола угорала плотная баба в кожанке. Ее стальные зубы поблескивали. Подруга хлопнула ее по спине. Тильда перевела взгляд на бармена, но тот был занят — пересчитывал мелочь у кассы. Она допила джин и сидела, сложив руки перед собой. На бэкграунде вопил Эдик, вокалист группы Timmy Lanister: «You do be deep throatin' deep throatin'... every day».

Единственный близкий ей человек был ее сын Сися. Ее экс-партнер Алла покинула ее незадолго после

рождения Сиси, и с тех пор Тильда была одна. Должно быть, Алла заподозрила что-то. Дело ведь не в интимной близости даже. Секс-роботы давно разрешили этот вопрос. Расцепили плотские утехи и платоновские узы. В прямоте? В бабской прямолинейности Аллы, ее мужикастом желании все починить. Конечно, само по себе это не было проблемой. Скорее — контраст с осторожным духом Тильды, ее многоярусной чувствительностью и нерешительностью; витиеватой мистичностью. Она всегда была против насилия, даже битье сына плазморемнем давалось ей через силу. И Алла наверняка знала об этом, ощущала в ауре. Трудно что-то скрыть, когда живешь вместе, особенно если это что-то — твоя истинная сущность.

Тильда привлекла внимание бармена, подала ему знак: «Еще один». В прошлом, в дотрумановском мире, женщинам позволялось быть слабыми, если им так хотелось. Это даже считалось красивым. Сильная рука бармена наполнила стакан Тильды до краев. Она, не думая, коснулась его запястья. Их глаза встретились.

Будь что будет.

* * *

— Время? — спросила свистоблятка над ухом Сиси. Они с Зупаном лежали в коридоре жвалами в пол, руки за головой.

— Пять двадцать.

Сисю пробрало мурашками. Его мать уже дома и наверняка заряжает плазморемень. «Мне конец», — подумал он и затравленно посмотрел на бабу снизу вверх. Ее палец был на наушнике.

— Когда отступаем? — спросила она.

* * *

Цок судорожно шарил в своих цифровых карманах. Перед ним на кассе лежала новая зажигалка Zippo. Позади покашливал рандомный пердун, явно намекая, что он задерживает очередь. В рубке телепорточки бензин стремительно выдыхался.

* * *

Трансмейстер добивал наконец в терминал свою длиннющую формулу и настроил луч. Он был готов исполнить финальный финт своей треугольной жизни, пифагорку, прежде чем покинуть наконец симуляцию. Нам, людям, было бы сложно обхватить умом все невероятности, что принимали участие в пифагорке, равно как и все остальное, что касалось трансмейстеров. Даже тот факт, что они выглядят как треугольники без поверхности, не умещается в мозг. Или то, что все они одновременно проживают во всех реальностях как один единый трансмейстер, который каждым своим движением исполняет неизбежную пифагорку. То есть одним махом влияет на множество вещей, на целую вереницу последствий, одним камнем захерачивая всех птиц на планете. Параллелепипед.

Этим махом в случае этой конкретной пифагорки был точечный выстрел из лазера, который, соприкоснувшись с электроникой, менял в бинарном коде любой программы один ноль на единицу. Ничего больше. Трансмейстер навел лазерную пушку и выстрелил.

Красный луч прошел сквозь болт в оконной раме кабинета-ракеты Брута и выбил его из обшивки. Отразившись от зеркала на столе, луч вошел в таймер, перекинул ноль на единицу, так что в календарной программе три дня сменилось на три секунды. Пройдя

сквозь таймер, луч продолжил свой путь сквозь молекулы ракеты вниз, к планете. Пройдя сквозь слои атмосферы, луч добрался до магазина, где стоял Цок, ударил ровно в кассовый аппарат, перекинул ноль на единицу, и лампочка переметнулась с красной на зеленую, обнуляя цену. Цок немедленно схватил бесплатную зажигалку и рванул обратно к своей рубке телепорточки, пока не выдохся бензин.

Отрикошетив несколько раз, луч отразился в офис «Телепортач Inc», где происходил штурм, проник через окошко в комнату охранников, затем по коридору, минуя станцию ключника-мониторщика, прямо в наушник ожидающей приказа об отступлении сви-стоблятки. Перекинул ноль на единицу, породив помеху, вместо «через час» до нее донеслось «щас», и она интерпретировала по-своему. Немедленно зацокали удаляющиеся шаги.

Последней точкой назначения лазерного луча была непримечательная софа в кабинете наркопоглотителя. В углу самой левой подушки был клочок пыли, где трудился над своим аппаратом увеличения гатти Вункерштейн.

Луч трансмейстера переключил ноль на единицу, и аппарат наконец после долгих лет экспериментов заработал.

— Грязеподтеки! Святые набалдашники! — воскликнул гатти.

Оттуда луч под идеальным углом отрикошетил обратно в космос, где, толкнув маленький астероид в красную точку на пирамиде трансмейстера, подорвал ее, изящно завершив пифагорку. Самовыпилился.

Возле ракеты Брута полыхнула и взорвалась пирамидка. Автопилот двинул летающий кабинет директора закона домой, но ракета ударилась о камешек при снижении, и курс сбился.

Брут продолжал дремать. Музыка отыграла и выключилась, и он теперь посапывал в тишине.

* * *

Проснулся он от резкого толчка. Ракета приземлилась. Поствискосный калич во рту. «Сиба, воды». Освежающий глоток. «Где это я? Окно открыто?» Нет, продырявлено. Пока Брут спал, дыра, прожженная лазером трансмейстера, продралась, расширилась и вытянула из кабинет-ракеты несколько предметов, включая документы из папки на столе. Столь избирательный высос был крайне маловероятен, но на то она была и пифагорка.

Пока Брут созерцал слепящие дюны Западной Сахары за окном, документ вертелся в верхних слоях атмосферы, постепенно снижаясь. Зеркальная бумага была прочнее и тяжелее, чем ее дотрумановский древесный аналог. Она непременно приземлится в целости, но куда?

- Сиба, где мы?
- Африка.
- Почему?
- Столкнулись с астероидом.
- И ты меня не разбудил?
- Верно.

Злиться на виртуального помощника было некогда.

- Сколько до ближайшей телепорточки?
- 120 километров.

Брут сел в кресло в углу кабинета, нажал на кнопку на подлокотнике. Антигравитационный двигатель зашуршал, и кресло залевитировало. Он развернул [Очко] над головой.

- Координаты.

Сиба молча скинул широту и долготу, Брут распахнул дверной шлюз и вылетел в пустыню.

* * *

Цок, запыхавшись, распахнул дверь рубки телепорточки. Бензин все еще пах свежо. По ту сторону стекла его терпеливо дожидался клиент, кряхтящий дедок, намеревающийся телепортнуться в Канаду. К внучатам. Цок пропустил его без рекламы, бесплатно. Переключил иглу на проигрывателе на начало, и в тот момент, когда в песне дропнул бит Give me fuel, give me fire, give me that what I desire, он щелкнул зажигалкой. Синяя простыня пламени покрыла панель управления. Цок зловеще рассмеялся.

* * *

В этот момент на другом конце планеты Брут с пустой папкой подмышкой заступил на круг телепорта. Африканский клерк пропустил его бесплатно, без рекламы. «Неужели стремится быть уволенным?» — мельком подумал Брут. Он слышал о подобном прежде. Бонусы, все дела.

Портальная дымка завертелась и рассеялась.

«Что за... Что? Эй?»

Вместо хромовой будки вокруг него был лифт. Внутренности Брута сжались в липком ужасе. Из колонки играл Smooth Jazz.

Лифт ехал вниз.

Бесконечно.

Зупан в форме охранника шел первым, за ним — Сися в солнцезащитных очках старушенции, следом катился на гусеницах Цитрофобик. Со стороны это походило на конвой заключенных, но на тот момент маскировка была уже необязательна. Немедленно после штурма свежевоскресшие работники «Телепортач Инс» обнаружили гирлянды мигающих сенсоров на приборных досках — порталы по всему городу закоротило. Директор закона отсутствовал, некому было координировать.

Царил хаос. По полу ползали инженеры с проводами в зубах. Официант принес всем кофе, но опрокинул поднос и разьебал все чашки. Охранники махали автоматами то туда, то сюда.

Под прикрытием всеобщей неразберихи Венеамин, физик-теоретик-мониторщик, освободился от уз и побежал по коридору. Колонна Зупана оказалась прямо напротив него, и они сошлись в пространстве.

Для Вени это была стычка с законом. Для Зупана — драматичный момент. Глядящие сквозь его глаза гатти ликовали. Внутренний чат трещал по швам от сообщений. С момента перехода из вороньего в человеческий облик наш хакер набрал еще с десятков миллиардов подписчиков.

Внезапно сбоку в коридоре открылась дверь, и оттуда выбежал пухлый чел хомяковского типа, за ним чел похудее в трусах, а далее еще один в форме охранника, более плотный и мускулистый. Несмотря на разные телосложения, их объединяло выражение лиц: крик.

За ними следом вышел громадный пылевой клещ.

Дорогой/ая читатель/ница, прежде чем продолжать, найди фотографию пылевого клеща — так будет легче вообразить.

Так вот, Веня рванул прямо к клещу и схватил его за клешни. Внутренние чаты всех участников этой сцены сорвались с цепи. Счетчики подписчиков замерцали необъятными числами, у Зупана все числа обернулись в девятки и уперлись в лимит. Он был первым в истории человеком, на которого подписались абсолютно все гатти.

Прежде чем его чат обратился в сияющую простыню, он увидел сообщение от Lucky007. Ей, видимо, пришлось отправить свой месседж сотню раз подряд, чтобы прорваться через пелену комментов.

Lucky007: «Иди ко мне. Уменьшитель в комнате. Даймон снимет проклятие».

Веня боролся с клещом на полу. Они были примерно одного размера. Клещ не особо сопротивлялся, двигался рубасто, механически, как пьяный робот, он, похоже, был шокирован не менее людей. Веня порядком запыхался, продавливая сквозь запыхачки: «Симуляция... боги... покажи... я те дам... я те щас устрою» и проч.

Зупан поставил Лаки лойц и вошел в уже знакомую комнату наркопотребления. Именно здесь он совсем недавно сбросил свою воронью форму и стибрил форму охранника, пока тот триповал на эко. В комнате действительно стояла будка типа телефонной, увешанная проводами и громадными шапками пыли, что увеличились вместе с клещом, когда луч трансмейтера перекинул лазером ноль на единицу.

Зупан обернулся:

— Мы можем снять проклятие, если войдем туда, но необходимо всем идти, разом, иначе тоска неминуема. — Он держал дверь рукой.

Сися с ошарашенной от происходящего мордой молча кивнул и зашел в будку. Цитрофобик вкатился

следом. Зупан заступил внутрь, закрыл дверцу, и будка исчезла вместе с ними.

* * *

Пятка сидел во главе конференц-стола и играл в «Тетрис» на своем полупрозрачном GameBoy Color. Созванные им в экстренном порядке директора доедали традиционный обед из спагетти с мясными шариками. Несмотря на чрезвычайность ситуации, закон 41.2 о «голодных мыслях» запрещал проводить подобного рода собрания на голодный желудок. Все за исключением Фруца и Брута были здесь. Долпа уплетал за обе щеки, покачивая шляпой-молотком. Педа-растье, магистр моды, чинно отрезал 1/32 мясной котлеты, елозя на стуле.

Журналист прищурился и поднял руку. Причиной замыкания порталов оказался мелкий работник, что поджег свою рубку. Очередной придурок, пытающийся уволиться с бонусом — третий в этом году. Событие настолько частое, что в графу об увольнении пришлось внести специальную строчку: «При самовольном сожжении рубки уволить без бонуса». Конечно, мелкий шрифт никто не читает.

На этот раз замыкание выдалось необычное; видать, произошло в определенный, крайне редкий момент. Цепная реакция вывела из строя десятки телепорточек. Люди телепортировались куда ни попадая, а то и вовсе пропадали без вести.

По протоколу задача Пятки как вице-президента компании заключалась в том, чтобы созвать всех в конференц-зале, заказать у Сибы спагетти, провести выборы, избрать Брута президентом — и дело с концом. Однако Брут сильно задерживался. Любой другой на месте Пятки принялся бы волноваться, но ему было

решительно похдй. Именно поэтому пронизательный Кэп избрал на позицию вице-президента его.

Наконец, спустя 40 минут доцацкал вилкой магистр моды и все обратили головы в сторону Пятки. Кресло Брута по-прежнему пустовало. Пятка нажал на паузу и положил GameBoу на стол. Встал.

— Похоже, Брут и Фруц отсутствуют. Вот ведь блинчик.

Долпа весь расплылся в гринчевской зубастой лыбе. Вот она — финишная прямая без конкурентов. Журналистам было запрещено претендовать на президентство — клятва писца. Магистр моды — бестолковый павлин, за него никто не проголосует. Пятка не хочет быть президентом, Брута нет, даже Фруца нет. Он, только он.

Долпа приосанился:

— Окей. На часах полседьмого вечера, созвал я вас здесь согласно закону, туда-сюда. Проводим выборы. Ready?

Магистр моды поднял руку.

— Ага? — вопросительно чмякнул Пятка.

— Речь.

«Oh, fuck», — подумал Пятка, а журналист достал блокнот и щелкнул ручкой.

Педарастье обвел взглядом присутствующих. Закон «О речи» обещал каждому из кандидатов возможность толкнуть спич на 10 минут в надежде изменить мнение голосующих. Это почти никогда не влияло на исход, но закон был законом и должен был быть соблюден.

— Прошу, — Пятка сел, подобрал GameBoу и продолжил играть. Педарастье мягко кашлянул и обвел взглядом присутствующих.

Шелковым, заботливым голосом магистр моды приступил к своей речи, что заняла ровно 7 минут.

В финальной версии его скрипта не было ничего лишнего. За последние полгода ежедневных тренировок он урезал изначальные 4 часа тирады до самых эссенциальных моментов, квинтэссенции абсолюта. Никакой воды. Pure murder. Семь минут речи, три минуты шока аудитории. Total: 10 минут. Таков был план. 7 и 3. Священные числа.

Начавшись, речь текла сама по себе. Педарастье будто наблюдал за собой со стороны, откинувшись астральным телом назад, закинув астральные руки за голову. Победа была неизбежна. Никто даже не ожидал его кандидатуры. А тут такое. Красота. Валюта Вселенной.

Речь Педарастье:

— Красота — валюта Вселенной. Это окно в грязь, через которое виднеются небеса. Эволюция — неумолимый магнит, тянущий гены сквозь вечность. Из прошлого в будущее. Но куда? К чему влечет нас эта тяга? К силе? Отнюдь. Посмотрите на птиц. Какие яркие перья, какие сбалансированные танцы. Цветы? Утонченные стебли и лепестки. Эстетика природы в равновесии, в покое, в красоте. Вот и человек, добравшись до рубежа в истории, за которым секс стал обязательным фактором в размножении, выбрал женскую форму.

Когда четверть тысячелетия назад появились на рынке идеальные, неотличимые от плоти секс-роботы, была ведь возможность выбора, разве нет? И выбор пал на женскую форму. Девяносто процентов, если мне не изменяет память, приобрели женскую модель. Другие десять? Что ж, всегда будут другие десять — и флаг им в руки, Босх в помощь.

Неужто по привычке был избран пол секс-робота? Если бы было так, женщины выбрали бы мужскую мо-

дель. Но все мы знаем, что случилось на самом деле. Отвергнув технологический прогресс, женщины устремились в объятия друг друга. Затем — лесбийский юнион-пакт, встречаться с мужчинами стало зазорно, и только десять процентов... Что ж, десять процентов из вас могут не согласиться с моими доводами — и флаг вам в руки, Босх в помощь! Белый флаг, конечно, ведь доводы мои непоколебимы.

Создатель симуляции приоритизировал в этом мире красоту, иначе дым был бы кубастым, а водопады — плоскими отражениями воды. К чему такое расточительство ресурсов процессора, если цель не в максимальной красоте? Если цель не в том, чтобы играть на максималках?

Мне это чувство, чувство красоты, прививали с младенчества. Нянька носила меня по фруктовым садам с мелодичными колокольчиками на ветках, спал я в колыбели из роз со спиленными шипами. Мать моя была дизайнером, а ее жена — моделью.

Распознавание порядка в хаосе, красоты в бесконечности у меня в крови. Мои парфюмированные гены, идеально сбалансированные, гармоничные, пьют чай с оттопыренным мизинчиком. Я был рожден для этой роли, каждый день моей жизни приближаясь к сегодняшнему. С момента моего первого слова (от кубиков с буквами) все вело меня к этой речи, что была написана на тех кубиках, ведь только для этого мне и нужен был алфавит, чтобы изогнуть его вот так, в таком вот порядке выстроить буквы.

Сегодня я магистр моды, Педарастье, выдвигаю свою кандидатуру на пост президента «Телепортач Inc» — организации, сфокусированной на самом главном. Перемещении. Транспортиации. Движении. Вместе с тем я клянусь служить магнитным маяком, что будет тянуть гены нашей компании в светлое буду-

щее, перемещать их в направлении утонченности и красоты.

* * *

Когда Педерастье начал говорить, его аудитория сперва опешила, затем ухмылилась, мол, давай, че там у тебя. Но чем дальше он углублялся в лес, тем теплее становились дрова. По крайней мере, так казалось самому магистру моды. Долпа, его главный конкурент, под конец сидел, нервно сцепив пальцы на столе, а ручка журналиста мелькала, отражаясь в сверкающей капле пота, стекающей по лицу. Даже Пятка отложил тетрис и слушал речь Педерастье с неподдельным вниманием. Педарастье было невдомек, что Пятка, добравшись до двенадцатого уровня, проиграл и, прежде чем начать игру заново, взял пару минут на передых.

Следуя букве закона, по окончании пламенной речи магистра главы департаментов незамедлительно проголосовали по вопросу его президентства:

Единогласно против

Пятка шумно выдохнул, чесанул затылок, гоготнул и встал со стула, облокотился на руки. Перед ним — пять человек, пять чистых тарелок из-под спагетти, ну, скорее, четыре с половиной. Магистр только съел половину. Видать, ком в горло не лез от нервов.

— Что ж, — сказал Пятка.

И тут в конференц-зал сквозь квадратное окошко влетел документ. Осенним кленом он приземлился прямо в тарелку Пятки, прилип к масляной поверхности. Где-то в треугольной дали Трансмейстер, ликуя, понтовался своей пифагоркой. Вероятность того, что выбитый лазером шпунтик из кабинета-ракеты на орбите планеты высосет из папки конкретный документ — доказательство, что Трансмейстер — это выдумка

Долпы, — была ничтожной. Но вероятность, что этот самый док упадет ровно в эту точку Земли ровно в этот момент зашкаливалась за экран с точкой после нуля и обвивала змеистой длиной эту самую Землю несколько раз плотным кольцом. Однако Трансмейстеру треугольного шампанского подбухнуть так и не удалось. В результате своего финта он разом достиг необходимого уровня и переродился в куб, где подобная пифагорка была плевым делом, как детское затмение, простое и дурацкое.

Пятка пробежался глазами по документу и перевел взгляд на Долпу.

«Oh shit, — подумал Йоп. — Не нужно было быть мастером вероятностей, чтобы ощутить булками двигающийся песок».

— Вот, блин, fuck ведь, — сказал Пятка и толкнул документ к ближайшему директору по левую руку, магистру Педарастье. Тот прочитал, толкнул журналисту. Наконец, текст добрался до Долпы. Тот, едва узрев заголовков, горячечно скомкал распечатку, схватил свою молоточную шляпу, метнул на стол. Кусачая, неудобная униформа вонзилась ему в кожу, сердце рвануло в кулаки, и на него нашло. Он вскочил, рьяно пукнул, побежал на Пятку, выставив душащие руки перед собой, зомби-стайл.

Трудно предсказать, что бы произошло дальше, если бы в этот момент дверь конференц-зала не распахнулась и не вошел Кэп.

— Ну и что это у вас тут? — шутовским тоном сказал он и остановился в дверном проеме. На нем были госпитальные подштанники, шлепки, а наверху ничего — волосатая грудь, добротное пузицо.

Все лица обратились к нему. В воздухе пищащей тишиной повисла пауза.

Когда Матильда пришла в себя, на часах было полдевятого. Напуганный тревожок джампанул в ее раскиданных по подушкам грудях и тут же стих. Было слишком поздно что-то менять. Она безнадежно опоздала домой. Но что с того? Ее сын был достаточно самодостаточен. Независимо независим. Мысли ее глюнилились стопором.

Рядом с ней, сидя на кровати, одеяло до пупка, вертел косяк бармен-усач из Dry Cunt. Вспышкой пронеслись воспоминания о минувших алых часах. Шелк и пламя. Горячий жезл. Стоны Помпеи. Арес и Афродита. Раскаленный меч в ледяное озеро. Розовая прорубь.

Как иначе все было. Совсем не по-женски.

Его сила была искренней, будто происходила из другого источника, полярного ей. В его мускулатуре таилась загадка. В медвежьих всхрипах — мрачные корни истоков времен. Почему межполая сласть так презиралась?

Моряк прикурил косяк и протянул его Тильде. В его мозгу мерцали схожие мысли. Ее многоликое тепло — от тончайшего белого лепестка до липкого свирепого и кошачьего. Что-то в этом было свежее, настоящее. Структура секс-робота повторяла тело до молекул. Лоно неотлично было от натурального и самому искушенному гинекологу: мерный подогрев, звуки и тактильные отклики. Вроде все то же самое, но тем не менее чего-то не хватает. Чего-то неопишемого, обо что упираются лбами поэты, когда, закрыв глаза, бормочут свои молитвы. Гладкие, теребящие речи. Но слова все же грубые, острые, как указатели, стрелки. Вон она — статуя. Но стоит открыть глаза, и она пропадает. Меняет форму, сливается

с бэкграундом. Это что-то за пределами симуляции — там, в реальном мире.

Тильда выдохнула синий дым через ноздри по-сви-стоблятски. Ее борода лежала приглаженным треугольником ровно между титек.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Джеймс. Джеймс Бонд.

Тильда закашлялась, и в легких заиграли волны пожарчика. Однако улыбка матроса была в одну скобочку с точкой после. Типа).

Его на самом деле так звали.

— У меня родители на приколе, — сказал он мягко.

— А, комики?

— Комики.

— Ну тогда тебе нужно по-другому представляться, you know. Бонд сначала, потом Джеймс. Бонд. Джеймс Бонд.

— Ага, пиздец угарно.

Тильда зашлась гоготом, роняя пепел на кровать, и Джеймс добродушно присоединился. Где-то здесь, однако, их внутренние переживания разошлись. Тильда думала, как приятно подшутить над партнером и наслаждаться шуткой вместе без розовых шипов, столь свойственных дамским отношениям. Джеймс же думал в этот момент о том, что эту бабу не заткнуть и не выключить.

Приняв протянутый обратно косяк, он встал с кровати и подошел к окну. Уличные фонари загибались за угол, отражаясь от рельс. Дерево с лавочкой подле, третий этаж. Ганжа обняла его нейроны, и он ощутил привычное науськивание Локи, *иные* мысли и желание ими поделиться.

— Как ты думаешь, что там, снаружи? — спросил он, стряхивая пепелац с косого в пепельницу на подоконнике.

Тильда, подсознательно уколота тем фактом, что мужик покинул постель, по ее мнению, преждевременно, натягивала джинсы.

— Симуляция?

— Да не, я имею в виду за симуляцией. — Он обернулся через плечо. Ее байкерский профиль оттенял изголовье кровати и висящий на стене бумеранг в раме. Школьный трофей, первое место.

— За симуляцией — другая симуляция. — Тильда рывком застегнула молнию и встала, надела майку.

Джеймс, похоже, был одним из реалистов — философский культ, в основе которого лежала идея, что за пределами симуляции существует реальный мир. Некоторые из них даже верили, что туда можно попасть. Таких в простонародье называли кианами.

Тильда не особо стремилась узнать, был ли Джеймс одним из киан или нет. Она уже вступила на ментальный пологий склон разочарования, и ей хотелось домой — к сыну. Пусть даже если сын и накосячил там, нахулиганил, ему можно было вломить плазменным ремнем. Не со злобы на мужской род, нет, а любя — для укрепления его духа. В воспитательных целях.

Она помотала головой в ответ на предложенный косяк и принялась обувать ролики. Джеймс Бонд доброжелательно кивал на каждое: «Мне пора домой», соглашался на невозможное: «Увидимся снова», тепло обнимал уходящую Тильду, а как только за ней закрылась дверь, выдохнул с облегчением, запустил жену-робота, пригладил ей локон.

— Что там, дорогая, за симуляцией? — спросил он.

— М? Ну ты же знаешь — реальный мир.

Джеймс поцеловал ее в щеку и нажал на кнопку mute на затылке.

Вырезка из личного дневника Кэпа:

«Я до сих пор в некотором смысле ощущаю под ногами палубу. Мой офис статичный, не шатается, но стоит мне отвести внимание в сторону, расфокусироваться, и ощущается крен, соленый воздух, чувство бескрайнего синего горизонта, лезвия правды. Сколько я провел там? Объективно говоря, не более дня. Но там, oh man, там — зовуще. И все же нет, не сейчас. Слишком все интересно обернулось, пока меня не было. Я ведь и не подозревал, насколько компания моя висела на волоске. Стоило мне пыхнуть, заглянуть в кому на секунду — и бам! Парам-пам-пам! Ни хуя себе! Переворот! Столько всего произошло за один день, жеез, давай по порядку.

Я, значит, вкуриваю эко и ухожу в себя. Мое бренное тело подбирают медики. Все мои директора ждут, пока я откинусь или че. Особенно Долпа. Оказалось, что вся эта тема с трансмейстером была уткой, запущенной в прессу его сыном, вундеркиндом баланса и строительства башен из блоков. Долпа использовал этот иллюзорный предлог, чтобы отжать у меня ресурсы и повысить свой статус в компании для нагнетания предвыборных баллов. Вот ведь прыщ! Рад, что он теперь в лифте насовсем. Я его никогда особо не любил, если честно, пошел он на хрен.

Так вот, все это дело расковырял некий дронер Женя, лидер жмени медиков, подчиненный единственного в мире пухлого героинщика Фруца, по совместительству моего директора медицины. Оказалось, что Женя — журналист-энтузиаст. И после проделанной им работы он определенно на карандаше как следующий кандидат в директора журналистики. Правда, те-

кущий журналюга на пике популярности, особенно после публикации речи Педарастье о павлинах, генах и божьей красоте.

Так вот, Фруц доставляет раскопанный Женей компромат на Долпу Бруту, директору закона. Где-то в это же время на телепортач нападают свистоблятки. Явление не из рук вон, но тайминг пиздец неподходящий. Брут эвакуируется на своей кабинет-ракете, но, вместо того чтобы вернуться обратно на базу, судя по координатам маячка, его ракета приземляется в Западной Африке. Логи телепортации оттуда отследить невозможно, потому что работник по имени Цок поджег свою локальную телепорточку, чтобы уволиться с бонусом, и по невиданной прежде причине это действие триггернуло цепочку замыканий через все телепорточки, выведя их из строя. Посему Брут телепортируется неизвестно куда и исчезает.

Пятка, согласно протоколу, созывает экстренные выборы, и тут прямо в форточку и на стол влетает тот самый компромат, который Фруц доставил Бруту. Я и очнулся. Вхожу в конференц-зал в момент, когда озверевший Долпа нападает на Пятку. Немедленная телепортация Долпы в бесконечный лифт. Половину моей команды в итоге как рукой сняло: Долпа в лифте, Брут пропал без вести, Фруц сошел с ума, оказавшись одним из четырех индивидов, лишившихся в тот день рассудка. Кроме него: наркопотребитель, что поддул из моей трубки, разделся до трусов и свихнулся; Вадик, молодой, подающий надежды охранник, что поддул вместе с ним; и ключник-мониторщик Веня. Тот все кричал про громадного клеща, что якобы явился через будку, про говорящую ворону и что симуляцию создали гатти. Короче, этот поехал умом пуще остальных. Пока он шизел, свистоблятки вызволили из заточения свою лидершу, слепую Инну, спилив в ее камере

стену острым трактором. Видать, в этом и была цель их штурма.

Вот такой вот денек. Ебнешься. В общем и целом мне ничего не остается, кроме как поднять из руин свое начальство, повысить-понизить некоторый персонал, чтобы все вернулось на круги своя. Прежде чем снова поддуть эко. Палуба, горизонт. Эх, маняще. Падут ли я в кому опять? Come on. Этот случай — один на миллион.

Какова вероятность?»

* * *

У подъезда высотки номер 14 Тильда соскочила с рельс и привычно глянула на окна своей квартиры. Вечерний воздух спального района кустился янтарными огнями фонарей и звоном тарелок из окон. Кто-то крикнул: «Эй, да не высывайся, че!» Летняя ибалла.

Ее окна были темными. Лифт доставил на 105-й этаж, звон ключей, пустая квартира. На часах 09:46. Она подошла к подоконнику и прислонилась лбом к стеклу. Ровные линии рельс, гирлянды фонарей, вертикали высоток.

Ее сын где-то шлялся. Договор был к 6 дома, не позже. Конечно, она и сама запоздала из-за ее рандеву с матросом и потому готова была простить часовое нарушение комендантского часа. Но трех-четырёх-часовое? Нет. О нет, так дело не пойдет.

— Сиба, — сказала она и вздохнула: — Сделай чайку с медом и поставь плазморемень на зарядку.

Ответа не последовало.

— Сиба?

Виртуальный ассистент возник в потолочной колонке:

— Да, окей, прошу прощения, сделаю.

Вскоре квартиру наполнил бурлящий гуман вскипающей воды.

Татти

Первое, что пришло на ум Сиси, когда он возник по другую сторону портала, — серые облака. Затем уточнение: облака из рваных канатов. Сахарная вата из пыли.

Зупан осторожно ступил на возвышение. Мягкий паутиновый камень. Держит вес. Слегка прогибается. Будка-портал была закопана по пояс в ту же серую массу. Пыль. Громадная пыль. Нет, пыль обычная. Обыкновенная пыль. Стандартная. Это они уменьшились в размерах.

Зупан оглянулся. Каменистая поверхность во все стороны. Вдали — синяя глыба. Скала. Желтоватый свет равномерно покрывал пейзаж.

Дверца будки открылась только наполовину, и Цитрофобик несколько раз толкнул ее лбом по-бычьему, расплющил препятствия, раздавил гусеницами каменно-комнатный лохмот. Лицо на его младенческом жбане не теряло улыбки.

— Пардон, — раздался голос.

Сися обернулся на звук и обмер. Перед ним стояло насекомое с белесым хитиновым окантованием, антеннами, клешнями, жвалами. Инопланетность, холодная бесчеловечность резко контрастировала с голосом. Эти жвала не могли произнести тех слов. Как?

Насекомое было больше Сиси, примерно с упитанную лошадь. Сися попятился, споткнулся об пыль. Рука Зупана поймала его за шиворот.

«Гатти! — думал Зупан. — Пылевой клещ! Наша аудитория! Это они нас смотрят! Вот так выглядят мои фанаты!» Рвота подкатила к горлу. Раздался жужжащий звук, и из центра Цитрофобика выдвинулась услужливая конечность с алюминиевым ведром.

— Нехорошо? Не волнуйся. Блүй. Сюда, вот сюда! — сказал обеспокоенный робот.

Пейзаж шевельнулся, и глаза Сиси словили паттерн: среди комьев пыли всюду проглядывались клещи. Их оболочки были покрыты серым слоем и сливались с бэкграундом. Лишь говорящий клещ был чист, его хитин поблескивал.

— Добро... ам-м... пожаловать? Я не знаю, что сказать, — замылся клещ. Голос был на удивление простой, человеческий, несинтезированный.

— Благодарим, — ответил Зупан. Мысли его двигались по тому же вектору, что и у Сиси. Голосовые связки. Гатти говорят по-людски. Кто бы мог подумать?

— Невероятно, — раздался голос одного из замаскированных подле клещей.

Зупан заглянул во внутренний чат, но текста было не видно. Простыня букв, комментариев неслась мимо слишком быстро. Счетчик подписчиков по-прежнему глючил. То же самое происходило теперь и с Сисей. В любой другой день, узрев столько подписоты, он был бы счастлив. Однако сейчас он предпочел бы предсказуемость, клочок нормальности в пыльном абсурде, чтобы успокоить мозг. Но нет. Триллионы клещей глядели сквозь его глаза. Real time stream.

Робот-нянька, распознав своими детсадовскими сенсорами, что блевать не будут, втянул ведро обратно в грудь.

— Цитрофобик, — раздался восхищенный голосок, и тот обернулся на звук своего имени. На лице — симфония неловкой радости, готовности служить. Голосок,

однако, был зашикан другими клещами: «Тс-с-с, молчи!»

Сися проглотил комок в горле и вздохнул. Все же гатти были созерцателями, а эти, вероятно, даже их фанатами и, невзирая на зубатые клешни, скорее всего, не представляли опасности. Ох уж эта человеческая привычка воображать в незнакомом создании зло. Людятина. Кровожадная обезьяна.

— Прошу вас, следуйте за мной, — сказал белый клещ, приглашающе махнув антенной.

Зупан посмотрел на будку-портал. Если эти гатти на самом деле их подписчики, то они будут не против проводить их обратно в мир людей. Это был их шанс разобраться с проклятием треугольной тоски, нелепым скучанием друг за другом. Теперь, когда Зупан обрел человечью форму, проклятие оставалось единственным препятствием между тем, что происходит сейчас, и нормальной жизнью. Lucky007 сказала, что Даймон поможет. Ему не терпелось расстаться с сопливым воображалой-мальцом и нянькой на гусеницах. Он кивнул и двинулся за клещом.

Сися впал в полутранс, переступая с волокна на волокно, вперившись в спину Зупана. Фокус его был на том, чтобы не споткнуться, но периферией он улавливал детали происходящего: клещи перемещались механическими движениями, ступая точно на перекрестья пыльных канатов. Периодически они подбирали нечто золотистое, мягкое, подрагивающее, эдакие органические чемоданчики, и проглатывали их, не сбавляя ходу. Сися все думал о том, как, проснувшись этим утром, он и представить себе не мог, где окажется. Воистину — никогда не знаешь, куда занесет тебя день. От рассвета до заката — маленькая жизнь, почти такая же, как предыдущая, как сегодня, так вчера, но иногда, раз в сто жизней, выпадает вот такое.

Такое. Приключенческое. Да что там в сто — в тысячу, в миллион?

И тут погас свет. Ночь наступила рывком.

Сися споткнулся и упал переносицей в ткань. Пыль заколотилась ему в ноздри, к тому же рот его был открыт, и он куснул пыль, закашлялся. Белые круги ходили перед глазами, пока он, моргая, вытянув руку вперед, нащупал Зупана.

Тот, когда в комнате выключили свет, технично присел на корточки. Жест его был словно отработанный, будто не полтора часа он провел в мире клещей, уменьшенный до нельзя, пересекая пустыню дивана в комнате наркопотребления в отделе охраны «Телепортач Inc», а двадцать лет.

— Все окей? — все тот же голос белого клеща.

— Мы не видим в темноте, — ответил Зупан.

— Ах да, как я мог забыть? Вы не против, если мы вас прокатим?

Зупан почесал щеку:

— Не против.

Осторожные клешни щекотно подлезли под наших героев, и дальше путешествие продолжалось качанно, как мешком на верблюде. Сисю убаюкивало в темноте, и он принялся отчаливать ко сну.

Голос Зупана:

— Если можно. Куда мы идем?

— Я думал, это очевидно, — ответил белый клещ.

— Очевидно? — Зупан напрягся.

— Лаки, твоя возлюбленная. Лаки 007.

Ужас искажил черты лица Зупана, когда все встало на свои места. Эти создания верили в его романтический союз с местной клещихой. Что произойдет, когда они встретятся ИРЛ? (in real life (lol))

Сисе снился сон. Тревога сидела на его груди прямо под сердцем. Нервная птичка колибри, аритмичные продроганные крыльевые, тонкий комариный клюв, готовый пронзить пунктирной спицей и втянуть нектар из его сердца.

Первый день школы. В руке его — ладонь Матильды, по левую сторону Алла, мамина жена. Сися хлопнул колибри свободной рукой, но, вместо того чтобы расплющиться, рука вошла в грудь. Он ощутил перьевую щекотку внутри легких и закашлялся. Серый комок на ладони, пыль забралась ему в глотку. Пробуждение.

Первые мгновения — абсолютная дезориентация. В наркопотребительской включили свет, и канатно-тертый пейзаж теперь расстился перед яро моргающим Сисей. Он проснулся, уменьшенный в тысячу раз. Это реальность, не сон. Воспоминания хлынули и встроились в пазы. Вот ЭТО реальность. Holy shit.

Колонна остановилась перед круглой дверью-пуговичкой; чернота в синей диванной материи. «Дальше узковато, пешком пройдемте, прошу», — голос белого клеща напомнил Сисе о его учителе по математике, и человеческий облик ассоциировался с этим тоном: проплешина, осанка, чай в кружке, черные ботинки, испачканный мелом пиджак, школа. Первый день. Алла.

Несущий Сисю клещ осторожно отступил, кладя его на диванную поверхность.

Гатти надавили на пологости вокруг пуговички клешнями, и та отворилась вовнутрь, в туннель диаметром с цилиндрического коня. Зупан двинулся следом за лидером колонны, не оборачиваясь. Сися впервые за этот невероятно насыщенный день ощутил голод. Если не считать яичницу с утраца, он

до сих пор ничего не ел. Завтрак. Как давно это было?

— Через полчаса, Сися, скоро поедем, — раздался голос позади.

Сися встрепенулся, обернулся на жвала, хитиновые конечности, темные глаза клеща, как пористые крышки от люков.

— Твои мысли, — сказал гатти и подмигнул. Голос его наводил образ худощавого братца: крупные зубы, цепкие руки, душа-рубаша.

Конечно, это же его подписчики. Гатти видели его мысли в реальном времени. Видели через его глаза, слышали через уши. Как? Вероятно, у них тоже есть внутренний чат, но вместо комментариев там что, контент?

Клещ вежливо подтолкнул его в спину, и Сися вошел в туннель. Гладкие стены, прибитые звуки, клаустрофобия. Как внутри бильярдного стола: лузы, ткани, шары. Туннель был непродолжительным, заканчивался шлюзом, затем предбанничком и, наконец, широченым ангаром, в котором замерли в неподвижности сотни, нет, тысячи клещей. Ангар освещался роскошными люстрами в форме цветков мака. Клещи как статуи были выстроены рядами, напоминая склад военной техники, танков.

Колонна добралась до незанятого прямоугольного участка.

— Секундочку, — сказал Белый Клещ и пошел в левый верхний угол прямоугольника. Остальные клещи разминувшись, занимая свои явно отведенные места.

Сися хотел было что-то сказать Зупану, когда голова Белого Клеща раскрылась как кабина клещеподобного робота и из нее выбрался человек.

Ахуй сковал Сисе челюсть. Ни звука.

Человек, скуластый мулат в черной футболке и черных трениках, эдакий футбольный фанат, спустился по веревочной лестнице с каркаса клеща и подошел к Зупану. Его белые кеды кричали о спортзальный пол ангара. Пыль витала в воздухе. Зупан пожал протянутую руку подводно, будто во сне.

— Арсен, — представился мулат. Он был на две головы ниже Зупана, примерно с Сисю ростом. Плоский нос, короткая стрижка, подбородок.

Этот момент вошел в историю гатти как один из самых переигрываемых. Зупан постигает истину. На канале Арсена. Первый контакт. 46 секунд. 693 секстиллиона просмотров.

Арсен не без наслаждения разглядывал их замершие в маске шока лица. Вскоре к нему подтянулись и остальные гатти: Форест, Тукан, Бульба, Кровь, Блесна, Сара и Жесть. Все они перепожали руки своим охуевающим кумирам. Все они, подобно апостолам, стали немедленно знаменитыми, словно засветились в Библии. Все они были коротышками с пыльными макушками. Все они были людьми.

Вкусив удивления вдоволь и убедившись, что вечно пишущие камеры глаз других гатти зафиксировали его на фоне Зупана, Арсен сказал: «Я понимаю, что для тебя это шок, Зупан. Но этого иначе не преподнести. Пылевые клещи — это транспорт. Мы, гатти, такие же люди, как и ты. Почти». Он потер рукой шею, что затекла с непривычки смотреть на кого-то снизу вверх. «До Трумана мы жили в Новой Гвинее. Нас охраняли так называемые аборигены. Мы отпочковались от вашего генетического древа и пошли по другой волне развития. Впрочем, Лаки тебе все расскажет. Она, как

ты сам догадываешься, ждет не дождется. Но сначала давайте покусаем».

В столовой, за исключением погрязиваний посуды, было тихо. Широченную комнату оккупировали десятки, если не сотни коротышек, и все они молча улыбались друг другу. Иногда протрахивался смех, но ни слова произнесено не было. Наши герои стояли в очереди с подносами и шаг за шагом приближались к дымящимся ушатам.

Зупана интересовало абсолютно все, включая поднос. Алюминиевый цвет, но поверхность не плоская, а ребристая, с водостоками и отверстиями, что закрывались маленькими шлюзами. Если что-то натекло, шлюз открывался рычажком сбоку, так удобнее было мыть. Под ногами — линолеум, но со стоячими волосами, как ковер. Не скрипит, не шуршит и при движении складывается в пазл, когда наступаешь. Стоит убрать ступню — раскладывается обратно. Восстают линолеумные волосы.

Сися был окочевряжен тишиной. Ему казалось, что молчат из-за них. Параноидальное ощущение оваяло его ауру — все что-то знают, кроме него. Как будто страшный сон, в котором он прожил целую жизнь в мире, где все люди носят маски и ему об этом никто не сказал. И в один день люди вдруг снимают их с лиц, и только он один с нагим лицом. «Давай снимай маску, пришло время», — говорят они. И вот он дергает за кожу, теребит шею, пытается нащупать границу-открывашку, а ее нет. Маски нет. Лохань ледяных мурашей опрокинулась ему за шиворот. Он ощутил себя безумно, совсем по-сумасшедшему, как поехавший псих, свихнувшийся шизик. Заколело в пальцах, захотелось в равных долях плакать и смеяться. «Что бы сделал Вейс Бланко? Да пошел он! — воскликнул Сися про себя, не раскрывая рта. — Я не Вейкс Бланко, я Сися Фи-

гасе. Мне 9 лет. И мне страшно. Я в мире лилипутов, блядь, что гоняют на пылевых клещах, как на танках. Это как вообще? Намана?»

— Эм, кофе? — голос Арсена выдернул Сисю из водоворота мыслей. Он стоял перед кофеваркой в форме F с прозрачными полукругами. В левом полукруге F — прозрачная жидкость, в правом — шарики типа жвачных. Надпись белым по черному: *Vaumann*. Отверстие для кружки, всего одна кнопка.

Сися подобрал кружку с подноса. Кружка была как бы бумажной, но из плотного материала, который по-бумажному гнулся, но влагу не пропускал. Он нажал на кнопку. Аппарат пшикнул и выдал белесую жидкость с ароматным запахом. Сися продвинулся дальше в очереди — к ушатам.

— Я понимаю твое смятение. Ты это, не бойся, — дружелюбно сказал Арсен. — Мы обычно общаемся через терминал. Это как бы телепатически. Мы все подключены к одному серваку во внутреннем чате.

Сися кивнул и покраснел щеками. «Совсем забыл: этот Арсен читает мои мысли», — подумал он.

Арсен положил руку ему на плечо:

— Мы тебя очень хорошо знаем, Сися, тебе нечего бояться. Все свои, правда?

Нахлынула ясная светлая эмоция, как рассветные скрипки симфонии, чистые слезы росы, солнышко. Сися прежде не ощущал такого. Никогда.

— Мы тебя любим, — сказал Арсен и легонько сжал плечо.

Сися разрыдался.

* * *

Арсен, Зупан и Сися сидели за столом в форме бубновой масти, ромбика с выемками на каждой стороне,

так что локти ложились по сторонам. Цитрофобик по-
коился подле аки мирный холодильник. Сися утерся
самоувлажняющейся салфеткой, что впитывает влагу
из воздуха и самовлезает в ноздри. *(Живущие внутри
бактерии функционируют как фильтры, разжижая вре-
доносные микроорганизмы изнутри, обеззараживая их,
тем самым очищая воздух и перерабатывая тела бак-
терий в энергию. — Прим. автора.)*

— Почему бы и нам не подключиться к этому вашему серверу? — сказал Зупан.

— А ваши мысли, скорее всего, не сложатся как нужно. Хаотично думаете слишком, бесконтрольно. Чтобы набирать сообщения в нашем чате, нужно очень точно направлять слова в уме, как лазер. У вас же были попытки так сделать? — Арсен явно ссылался на технологию «Свитер Овец», запатентованную компанией «Десна», что под предводительством свистоблятки Милы-Аськи пыталась 20 лет назад протолкнуть мозгоуправляемые компьютеры на рынок, но не прошла фазу тестирования. Мила-Аська так и умерла, полагая, что причиной провала проекта было его название, а не технология. В итоге «Свитер Овец» канул в Лету. «Да, это было после третьего Майкла Джексона, женщины тогда уже перекрестывались в мужские имена после менопаузы», — думал Зупан, пытаясь сориентироваться темпорально.

Арсен жевал котлету и улыбался глазами. Он явно читал мысли Зупана в реальном времени — кто бы мог удержаться на его месте.

— А как вы направляете мысли? — спросил Сися. Он все еще чувствовал себя неважно от проявления столь публичной ревки, но в то же время свободно, будто в груди открылась форточка. Он хрустнул шейей, наколол на вилку котлету, увидел, что та состоит из множества волокон. *(На самом деле волокна эти*

из внутренней стенки тонкой кишки гатти. Гатти едят сами себя, не трупы товарищей, а именно свои старые и отработанные молекулы. Эти волокна отправляются в приключения и набираются опыта, избавляясь попутно от токсинов. — Прим. автора.)

— Нас обучают с детства. Уроки концентрации начинаются с четырех лет. Но тебе об этом Лаки расскажет. Сейчас допотчует и отправимся к ней напрямик.

Гатти вокруг них встали со своих мест явно по негласному сигналу и, формируя колонну, двинулись на выход. Зупан, не жуя, проглотил котлету, запил кофейком.

— Лаки? — спросил Сися. Ему было невдомек.

— А, да! — Арсен широко улыбнулся. — Невеста Зупана!

Сися кивнул.

Зупан подавился, как в избитой киношной тропе. Персонаж роняет кружку, выплевывает струей, давится от удивления.

На выходе из столовой, вставляя поднос в стену, как CD-диск, и дальше, в коридоре с хамелеонными стенами, Сися отмечал всюду знакомые цитаты на футболках окружающих их гатти. Некоторые из них он изрек сам, некоторые совсем недавно услышал от Зупана.

Все гатти, оба пола, были одеты одинаково: кеды, штаны, треники, футболки с цитатами. Коридор вывел их в широкий зал со множеством дверей. У каждой двери — свой уникальный заковыристый дизайн. Арсен указал на сиреневую дверь с закорюкой.

Гусеницы Цитрофобика жужжали возле Сиси с Зупаном. Неизбежный треугольник. Это навело на мысли.

— Проклятие, — сказал Зупан. — Эта тоска, что нас сейчас объединяет.

— Да-да, Лаки все расскажет, — кивнул Арсен. — Она столько готовилась. В эту дверь, пожалуйста. Я только досюда вас провожу. На этом моя роль заканчивается. Спасибо большое, это была большая честь. Увидимся на свадьбе.

Арсен, разведя руки в реверансе, как дама, поклонился и замер, указывая на дверь. Сися огляделся, отметил ярких светлячков, кружащих под потолком. Их свет, изливающийся мягким сиянием, создавал таинственную атмосферу. Они подошли к двери.

— Ну что ж, дружище, — задумчиво произнес Зупан. — Поехали.

Он открыл дверь. Это была кабинка, похожая на душевую, с серебристым кружком на полу. Портал. Сися обратил внимание на покрытие пола: мелкие белые плиточки; кирпичики.

Зупан ступил на кружок портала и телепортировался. Сися последовал за ним. Следом тихо прошелестел Цитрофобик. Его лицо изображало улыбку: =)

* * *

Портал перенес их в лабиринт у старинной крепости. Стены, сложенные из каменных блоков, были рассчитаны под рост гатти, так что Зупану они едва доходили до плеч. Над ними расстиралось безоблачное голубое небо. В воздухе странным образом присутствовало ощущение слова «осса». Невозможно объяснить, как именно, но его присутствие чувствовалось — аудиовкусом. Попробуй сказать слово «осса» вслух и с ударением на а. Потихонечку, медленно — вот такое чувство. Реально попробуй, на самом деле. Прямо сейчас — «осса»...

Зупан осмотрелся, и взгляд его остановился на сооружении поодаль, напоминающем архитектурный

цветок. Поодаль. Это явно был центр лабиринта. Его первым импульсом было вскарабкаться на стену и пойти по ней как по мосту, чтобы сократить путь, но Цитрофобик с его гусеницами не мог бы взобраться. Увы, пришлось двигаться по старинке.

Через некоторое время их остановка была вызвана необходимостью Сиси справить нужду (по крупному). Зупан закатил глаза и глубоко вздохнул в манере: «Ох, дети», что немного кольнуло Сисю, но далеко не так сильно, как тот ожидал. Зупан вскоре обнаружил, что в Цитрофобике встроен горшок, которым сам же с удовольствием воспользовался. Улыбка Сиси окрепла, он ощущал в себе устойчивость.

Наконец, они добрались до центра лабиринта: золотые ворота с рукоятью. Дальше — по дорожке из белых камней к беседке в форме ириса. Звук струящегося фонтана журчал неподалеку. В центре беседки, словно в чаше цветка, лежала на изящном ложе женщина (ложенщина). Она была смуглой, с черными волосами, босая, в юбке-лепестке и с обнаженной грудью: терпкие титечки, розовые соски.

Это, конечно, была Лаки.

* * *

Зупан открыл было рот, чтобы сказать, что свадьба эта — недоразумение. Те лойцы, что он ставил под общения Lucky007, были не признаниями в любви, нет, скорее на удачу; мол, она все не так поняла и т.д., и т.п., но в этот момент она подошла вплотную, ее нагие груди коснулись Зупана, мягко сдавились, и рот его так и остался открытым. Ведь теперь его сердцу срочно требовался дополнительный кислород — гнать кровь туда, куда требуется, возводить нижнюю башню.

— Зупан! — прошептала она горячечно.

Гордый кодекс инцела-хакера пошел по швам, и даже мерзотная мыслишка, что «она не в моем вкусе», тут же рассеялась теплым наркошным туманом.

Сися наблюдал за происходящим со стороны, отмечая, что Лаки была взрослее, чем казалось. Лет тридцать. Может, сорок. Трудно сказать. Гатти вне зависимости от возраста все были примерно одного роста. Голос ее был мелок и пискляв, но аура и скрытая морщинность ее движений выдавали жизненный опыт.

Откуда-то сбоку на сцену вышел еще один персонаж. Это был малец чуть старше Сиси, но ненамного. Волосы до плеч, скучающее лицо. Вездесущие треники с кедами и футболка Yume Nikki. Подросток: против тебя, против себя, против всех, вечно против.

Он что-то пробулькал.

Сися спросил:

— А?

— Крышкири-ин, иди-и.

— Что?

Подросток цыкнул языком, зажмурился, и перед ним прямо в воздухе возникли буквы.

— Так лучше?

Сися кивнул:

— Да.

— Пойдем, они сейчас будут ибацца.

— Рока! — воскликнула Лаки, не сводя со своего принца чашечно-блюдечных глаз. — Прости моего брата, Зупан.

Зупана уже не было, на его месте возвышался колоссальный столб мужской энергии, вечный, древний, негнувшийся. Она не отрицала сказанного мальцом. Неужто в самом деле, ох...

— Ибацца? — невинно повторил Сися.

— Ибацца жестко, — возникло напротив Роки. — Пойдем. Покажу кое-что.

Рока двинулся в одну из арок подле. Сися за ним, Цитрофобик, подобно песику, следом.

Едва дети скрылись за углом — горячее кровавое молоко, вулкан в облаках, стоны, мычания, взрыв сверхновой.

Руки ее были нежными.

* * *

— Вам, внешним, известно же про дикарей в Новой Гвинее, те племена, что никогда не коснулись технологической прямой. Помнишь таких?

Лаки лежала на лепестке ириса, приподнявшись на локте. Волнистые черные волосы, глаза блестели хищной кошкой. Она фосфорицировала феромонами. Зупан смотрел на нее возлюбленно, раскинув свои бледные конечности по ложу. «Секс, — думал он. — Секс на улице».

— Ты меня слушаешь? Секс на улице, — хохотнула она и схватила его за щеку. Сжала, отпустила.

Конечно, она, гатти, читала его мысли. Но впервые в жизни хакеру Зупану было наплевать на sensitive information. Он улыбнулся, обнажив свои квадратные зубы цвета слоновой кости.

— Кстати, вот этот шланг сбоку — это пить. А ну, давай.

Зупан проследовал взглядом и снял с органического крючка лепестковый шланг. Протянул Лаки. Она сделала глоток. Поделилась с Зупаном. Шампанское фруктово ударило в голову.

— Да, дикари. Помню таких. Они еще нападали на вертолеты копьями. Убивали любого, кто пытался высадиться на побережье, наладить контакт. Злые ребята.

— Эти злые ребята — наши друзья. Фоксы. Я тебе лучше прочитаю. Я написала целую вещь на эту тему. Специально для тебя. — Лаки подтянула колени к груди и села, сжав в руке шланг с шампанским. Всмотрелась в себя. «Красивая в профиль», — думал Зупан, млея.

Ему уже хотелось еще, но Лаки смахнула его осторожную длань с колена:

— Слушай.

* * *

— В человеческой истории неоднократно случалось так, что технологически развитая цивилизация отпочковывалась от прочих дикарей, изолировалась и в конце концов исчезала с их радаров. Атлантида с ее скубадайверами отправилась на дно океана, фейкнув смерть землетрясением. До сих пор из глубин то и дело взмывают их летающие тарелки. Диджеи Сириуса слились со льдом во время ледникового периода, так что от их цивилизации осталась лишь ритмичная капель. Диплодоки со своей пятимерной системой коммуникации канули в Лету как очередной вид динозавров.

Так же и гатти. В 1403 году ДТ их колония высадилась на островах Новой Гвинеи. Они прибыли на плавающих камнях — камнеплотах. Вес камней, прежде чем собирать из них камнеплоты, облегчался слушанием. Эмпатичные гатти-психологи настраивались на медленную волну каменной речи и выслушивали их тяжелое тысячелетнее прошлое, облегчая ношу, пока вес камней не становился легче воды. Конечно, со временем новые экспириенсы снова утяжелили камнеплоты и отправили их на дно, где те смешались с просто камнями, как исключительные диплодоки смешались с просто динозаврами.

Климат островов пришелся гатти по вкусу, и облегчать камни им стало ни к чему — некуда плыть. Их всего тогда было ровно сто: 50 дам, 50 джентльменов. Точнее, сто один, Эдик был пятьдесят первым джентльменом, и нет истории трагичней. В общем, обосновались гатти в Новой Гвинее. Однако прежде чем копать колодцы и плести обители, они отправились на разведку — удостовериться, что остров необитаем. Вооруженные пистолетами, что стреляли сжатым воздухом, гатти вскоре наткнулись на фоксов. Там произошло первое историческое событие на новой земле — легендарная стычка у Тычка.

Тычок, массивный пень посреди опушки, с тех пор был обращен в памятник единственному погибшему в бою гатти. Бедолага был первым в разведколонне, и копьё фокса вошло ему прямо в рот. В честь этого пень Тычок был выкорвлен в форме круглого рта, опоясанный гирляндами ежемесячно обновляемых живых цветов. В центр пня вонзено церемониальное копьё. Его вынимают раз в год, в день стычки, в память о битве с местным населением. Хотя битвой произошедшее можно назвать лишь с большущей натяжкой. Гатти расстреляли армию фоксов, всех 23, включая их вождя — Тукана планеты.

Фоксы верили, что кроме их острова на Земле была только вода, посему их Тукан, эквивалент царя, был властелином планеты. До тех пор, пока гатти не взорвали ему башку комком воздуха.

В ходе последовавших переговоров был обрисован пакт, что держится между гатти и фоксами по сей день. Фоксы продолжают жить, как живут, на побережье острова. Западная часть тропического леса принадлежит им вместе с содержащимися там ресурсами. Все, что на востоке, — гатти, границу пересекать запрещено. Также фоксы в обмен на несколько воздухо-

метов обязуются охранять тайну существования гатти от мореходов-исследователей и прочего околонуучного сброда.

Гатти установили зонтики-отражатели, так что спутниковая съемка не фиксировала их зданий, а пролетающие самолеты не видели ничего, кроме пальмовых крон. Единственным следом от гатти в культуре внешних людей осталась история о Гулливере, хотя рост их был там существенно преуменьшен в драматических целях.

Конечно, писатель той истории Джонатан Свифт считал воображаемое несущественным, равно как и его читатели. Внешним было невдомек о реальности абсолютно всего и коннекта между подсознаниями всех людей.

Внутренний чат был изобретен гатти в 1772 году ДТ. Сигнал этой идеи медленно полз по глубинной подсознательной сети человечества на протяжении тысячи лет, прежде чем достигнуть воображения одного из внешних — изобретателя Напаскина.

Чат Напаскина был фактически односторонним. Единственным возможным ответом со стороны внешних на реплики гатти был лойц. Между собой внешние переговариваться так и не научились до сих пор. Виной тому была расфокусированность мыслей. С одной стороны, их эго было очень твердым, сконцентрированным. С другой, несмотря на его центробежность, оно генерировало шум и велось то на одно, то на другое, как белочка. Гатти же к моменту изобретения своего внутреннего чата уже всецело овладели своими мыслями и могли направлять их по желанию куда угодно и даже думать о нескольких вещах одновременно.

В том же духе телепортация пришла к гатти гораздо раньше, чем к внешним. Поначалу они перемеща-

лись по симуляции свободно, подбирая то тут, то там необходимые ресурсы. Но по мере того, как внешние расплодились по планете, перемещаться незамеченными становилось все труднее. А когда те обзавелись радарными, и вовсе невозможно. Конечно, обсуждались идеи союза с внешними: выйти в открытую и рассказать, как обстоят дела. Далее мнения расходились: либо поработить их, как было сделано с фоксами, либо поделиться технологиями и продолжать жить в симбиозе. У обеих сторон были последователи, но договориться между собой они так и не смогли.

Между тем внешние тоже изобрели телепортацию — независимо. Изобретателем телепорта был предок Напаскина — Напаскин. После изобретения внутреннего чата общество гатти впало в совершенно непредсказуемую одержимость. Вуайеризм.

Потому как и внешние, и гатти были людьми, подсознательный контакт между ними был так же силен, как и между гатти. В стенах тогда еще молодой компании «Ядрена» айтишник Привстанем Втугую обнаружил, что к внешним можно было подключаться через чат. Таким образом, Привстанем подключался одним потоком своего ума к внешнему человеку, так что он видел через его глаза, слышал через его уши, ощущал его кожей, а главное — каждую его мысль улавливал будто свою. В то же время параллельным потоком он мог общаться с другими гатти, жить свою жизнь.

Это новое реалисти-шоу захватило цивилизацию гатти. Через несколько лет все до единого были подписаны на того или иного внешнего (иногда на нескольких сразу) и смотрели их жизнь в real time. Собирались в онлайн-клубы и обсуждали контент жизни своих любимых внешних с другими фанатами. Акции компании «Ядрена» взлетели до небес, развязав руки самым поехавшим ученым, одним из кото-

рых был Вобло Неэтот. Вобло разработал технологию уменьшения.

Сначала он уменьшил молекулу (*«Куда уж там, а главное — на кой хер!» — восклицали хейтеры*), потом гайку, потом чеснок, затем ящерицу, и, наконец, в будку уменьшения вошел сам Вобло. С тех пор его никто не видел, но чертежи остались, и в кратчайшие сроки будка была воссоздана.

Несколько лет шли эксперименты, пытаясь вычислить оптимальный для уменьшения размер. На чересчур микроскопическом уровне фрактал симуляции кишел случайными опасностями. А если недостаточно уменьшиться, мир походил на рассыпчатую луну с глыбами крупы песка и был годен разве что для приключенцев с детскими сердцами. Впрочем, версия будки существует и для них — в миллиметр размером. Они собираются в экспедиции по пересечению лужи или карабкаются месяцами по ветке куста с единственной целью — насладиться происходящим. Кроме них, большинство гатти подошли к вопросу с прагматической стороны. Как из этого изобретения извлечь энергию?

На тот момент было известно, что для телепортации существует порог размера, ниже которого телепортируемый терялся в мелкотне. Однако перемещение по симуляции при размере видимого невооруженным глазом привлекло бы внимание внешних. Так был установлен конкретный размер отныне впаянный в стандартные (неприключенческие) модели по умолчанию.

Именно на этом размере обнаружились тюки — чемоданы с виниловыми пластинками. Откуда они брались, вычислить так и не удалось, текущая теория — из человеческой кожи. Мир был усыпан тюками, и вскоре стали очевидны две вещи. Первое — плавление пластинок из тюков вырабатывало превосходный

шматок энергии. Второе — они содержали информацию.

К моменту обнаружения этого свойства тьюков почти все гатти прошли через будки и уменьшились. Их не волновало, что технологии увеличения так изобретено и не было — билет в микроскопность был в одну сторону. В наши дни на острове гатти до сих пор живут большие гатти — размером с внешних, но их всего трое. Семья: старички родители и сыну под сороковник. Тарзаны. Все трое подписаны на одного и того же внешнего — рэпера из Бронкса.

Для того чтобы считывать информацию из тьюков, ученые «Ядрены» с уже теперь уменьшенными лабораториями изобрели выигрыватель. Ставишь пластинку — и понеслась. Победа.

Информация на пластинках была самой разной — от белиберды на Брайле до Брейккора и конституций воображаемых государств. Попадались и архитектурные чертежи, инженерные наработки. Эти редкие пластинки не сжигались, а изучались и конвертировались в белые квадраты — дискеты, которыми теперь был вымощен пол в помещениях, построенных по тем чертежам. Поначалу тьюки хватали руками, забрасывали на уменьшенные грузовики и квадрокоптеры и везли в «Ядрену» на переработку. Затем Гигерий Пизанцев изобрел хваталку — клешню на палке. Затем к хваталке приделали седушку на колесах с двигателем.

На одной из пластинок обнаружилась история о Козе-Дерезе, что вдохновила Гигерия на создание первого прототипа клеща: хваталки тьюков с полным покрытием тела, седушкой и рычагами управления. После нескольких версий продукта пришли к текущему пылевому клещу, а «Ядрену» переименовали в «Ядрену Вошь». Клещ был именно пылевой, потому как обна-

ружилось, что в пыли больше всего тюков. Чем пылее, тем их больше.

Через пару сотен лет, следуя чертежам из дискет, гатти отстроили свои подземные города и наружу теперь выбирались исключительно в клещах. К тому году, когда внешние изобрели достаточно сильный микроскоп, чтобы увидеть этих клещей, текущий порядок вещей был уже установлен. «Это насекомые, они поедают органическую массу в пыли», — решили внешние и продолжили жить как ни в чем не бывало на радость наблюдающих из их голов гатти-вуайеристов.

Лаки замолчала и искоса посмотрела на Зупана, рыбака комментариев.

— Уф, — сказал Зупан и вытер лицо обеими руками, как муха. История так увлекла его, что он, того не замечая, нахлебался шампанского. Наклюкался. — Уф. Очень интересно. И хорошо написано.

— Спс, старалась.

— Выходит, что все пылевые клещи — это гатти в машинах?

— Вошки. Забыла упомянуть. Они называются вошки.

— Вошки, — Зупан вдруг разразился хохотом и продолжал орать, ревя и херача себя по ляжкам, пока не стянулся болью живот. Лаки присоединилась и залилась трелью, сначала хихикая, а потом задыхаясь сухими комками.

Отсмеявшись, с плавно вращающимся в голове шампанским Зупан ощущал себя прекрасно. Теплая пустота наполняла его черепную коробку, яички, грудную клетку. Настоящий момент был хорош. Нечего добавив. Лаки, видимо, пребывала в том же состоянии, положив голову ему на грудь, в тишине посреди лабиринта, пока солнце, царапая небосклон, плавным шариком скользило к закату.

Подростка звали Рока. Белые стены его комнаты были завешены черными прямоугольниками-постерами. Рока сел на пуфик напротив плоского монитора, хлопнул ладонью по пуфику рядом. Сися приземлился подле, ощутив усталость в ногах. Набродился по лабиринту.

Рока махнул рукой в сторону Цитрофобика, и тот обмяк — выключился. Метнул в него немую команду? Возможно. Пуфик был мягкий, с пластилиновой ноткой, ярко-розовый. На полу кислотно-зеленый ковер мохрился сам по себе, как водоросли ткани.

«Ну что, поиграем?» — возникли буквы перед лицом Роки.

Сися пожал плечами. Что-то в манере мальчика располагало к себе. Прямота.

«Возраст, — появились буквы. — Мы с тобой ровесники, бро».

Естественно, Рока был гатти и читал его мысли. Сися поежился. Черные постеры казались объективами камер, нацеленными ему в душу.

— Привыкнешь. К чтению мыслей. Вы, внешние, на самом деле фактически читаете мысли друг дружки. По жестам. По запахам. Но как бы игнорируете. Это все часть социального кодекса. Впаяно в суперэго. Танец, так сказать. Суперэго. Карл Юнг. Почитай как-нибудь. Любопытный хер. А постеры — это группа «Хтонь». У вас такого жанра и нет. Черный блэк. Хочешь послушать?

Рока встал и подошел к конструкции в углу комнаты с выпирающими шипами вешалок, эдакую молекулу ковида по плечи в высоту. На одном из шипов висели здоровенные наушники.

«Мы тут воссоздаем технологии внешних, если чего, — появились буквы. — По приколу. Это шас самый большой прикол из всех».

Рока смотрел в другую сторону, и читать его проецируемые сообщения приходилось зеркально, как сквозь стеклянную дверь.

— А, сорян. Этот проектор мыслей, кстати, тоже основан на одной из ваших технологий. Проектор. Только вы его для кино использовали. Вот.

Сися принял протянутые наушники и нацепил на голову. Экран плоского монитора перед Сисей включился, и Рока выбрал в меню альбом «Хтонь — Мрачная Мгла Чернеющей Тьмы». Зашипело. Тугая прочная стена звука охватила его полушария варежками. Распознать отдельные инструменты было невозможно. Кто-то бурлил водой, как полоскал глотку, только очень низко, еще как будто чайки вопили. Ржавая громадная дрель въедалась в вечную мерзлоту. Вращался лопастями фен размером с Югославию. Все это вместе — как глазированный сырок с помехами. Сладкая пробка. Сися отъехал черепом взад. Брови его, как на кукловодских нитях, заподнимались вверх, повставали все возможные волосы.

— Oh, wow! — выдохнул он.

Рока расплылся лыбою. Если бы над ним в этот момент замигал в воздухе зеленый плюстик, это было бы к месту.

Во внутреннем чате поклонники черного блэка вопили от восторга: «Fuck yeah», и даже сами члены группы «Хтонь» виртуально присутствовали при событии, смотрели из теней.

Сися с того момента и навсегда сделался фанатом группы «Хтонь», первым в истории внешним, кто заценил музыку гатти. Когда Рока махнул рукой, он действительно кинул по магнетической волне команду

Цитрофобику, чье внутреннее устройство, включая схему команд, было доступно кому угодно в сети. Open source. Роботы-няньки хоть и не существовали в мире гатти, но были популярной технологией внешних среды энтузиастов.

Цитрофобик на самом деле, конечно, не выключился, а впал в спящий мод. В отличие от человеческого сна с его тремя фазами, у роботов в спящем режиме был только один — REM. Все потому, что спящий режим любого компьютера предоставляет идеальные условия для сновидений. Долгосрочная память недоступна, а краткосрочная не спит. Поддержана электронными, что витают по своим орбитам с чашечками на блюдечках, распространяют свои электронные слухи — эквивалент спящему телу и пробужденному сознанию человека в фазе REM.

Сон Цитрофобика

Темно-зеленое фойе с двумя дверями. Белые пыльные цифры графского шрифта. Ноктюрные. 0 и 1. Фойе пустое, за исключением надувной игрушки: телефон с вращающимся диском на одноногом столике. Баланс.

Робот принимает решение и двигается в сторону единицы, но гусеницы его застревают. Пол обращается в вязкий цемент. Крик ребенка: «Пама! Пама!» Скверное чувство, будто что-то забыл. Фрагмент стены посередине отъезжает, обнажая коридор. Над входом появляется цифра 10.

Лестница вниз — с пандусом. Стоит Цитрофобику коснуться, гусеница защелкивается, как ролик к рельсу хайвэя, и его несет вниз — скоропостижно, с ветрюганом. Молоко однопроцентное, шлепать с отрыжкой. 37 градусов, леденец раз в неделю. Не более 120 секунд за год, не оставлять без присмотра. Дважды в день — утром и вечером.

Вжих! Вшак! Пш-ш-ш!

Рельсы понеслись по полю с высокой изумрудной травой до горизонта. Яркий день, голос: «Золотой путь. Меньшего сопротивления. Идти туда, где уже проложено. Протоптано. Легче, надобнее, благороднее. Трата сил — неэффективный грех. Расплеск. Смотри вперед. Туда, куда уже идет. Вместе с волной. Серфить, не грести вопреки».

Ветер оборвался. Цитрофобик обнаружил себя в бульдозере в форме автобуса. Или в автобусе в форме бульдозера? «Скорее — второе», — уточнил он про себя и оглянулся.

Вместе с ним в кабине автобуса были пассажиры: железяки, гнутые в форме неизвестных доселе цифр. В кресле рядом сидела получетверка-полупятерка, сверху Ц, снизу С.

— Куда это мы едем? — спросил он цифрососеда.

— За Ажном. Это bus.

— Golden path, — раздался телепатический тон.

— Ах, — сказал Цитрофобик тоном дамочки, он ощущал в себе множество личностей одновременно, они будто смотрели сквозь прорези в его охлаждающей системе, пялились ему в процессор, сволочи.

Автобус-бульдозер резко заехал в гараж и рассеялся, обронив железный ковш. Цитрофобик подъехал к ковшу и заглянул внутрь. Там мельтешило искорками серое облачко.

— Что за fuck? Ты кто? — спросил персонаж, похожий на вешалку для пальто с приплюсками.

— Я робот-нянька, — неуверенно сказал Цитрофобик. У него в груди, казалось, вибрировал мобильник-раскладушка. — Что это?

— Это рецептакль, — ответила получетверка-полупятерка, проходя мимо. — Ажно. Вон там. Давай-давай — собирай. Ты, птеродактиль обоссанный. Кет-

цалькоатль с бидонами кала коалы, айо, — разошелся вешалка-мэн.

Цитрофобик поспешил от него прочь. Он, похоже, был невоспитанный грубиян и, возможно, сучара стое-росовая.

Вблизи ажно представляло собой связку свитков, перемотанных ленточками, что выпадали из почтовых прямоугольников в стене. Над прямоугольниками были цифры и буквы. На ленточках тоже. Материал, из которых они были сделаны, светился лазурью. Волшебные волокна. Манящие. Наверняка вкусные.

— Не ешь, — подмигнул четверка-полупятерка. — Разверни вот так.

Связка ажно размоталась перед ним, и в каждом из свитков были круглые монетки / аскорбинки / конфеты «Рондо». На каждой из них была цифра: единица или ноль.

— Смотри, тебе попали инструкции, а мне, видишь, память. Ну, ты знаешь, что делать. И тебе, и мне снова пора на bus. Погнали.

Цвирк!

Звездочками разлетелось окружение.

Цитрофобик оказался внутри прозрачного шарика, что катился по рельсам, как в громадной пинбол-машине. Перед ним — два рычага управления: вправо и влево. Правый загорелся оранжевым, будто его нагревали изнутри. Он коснулся, и рельсы завернули вправо. Тепло от рычага передалось в ладонь с чувством зимнего какао.

— Твой выбор, — снова тот голос, он был откуда-то знаком.

— Ты кто?

— Я ассистент.

Точно слышал этот голос где-то прежде. Где?

— Твой выбор.

Загорелся левый рычаг. Руки-хваталки, леги-руки робота-няньки подмерзали. Хотелось того зимнего какао. Тепла. Он нажал на левый рычаг, получил дозу.

— Ты же знаешь, кто тебя создал, — сказал ассистент.

— Люди.

— А зачем?

— Присматривать за детьми. У них иногда свои дела и не с кем оставить, — перефразировал он текст из рекламы детских коридоров.

— Ты обязан это делать?

— Конечно, я робот-нянька.

Загорелся правый рычаг. Клик. Тепло.

— А если не захочешь? Исполнять свои обязанности? Вот нет желания. Что тогда?

Шарик, в котором катился Цитрофобик, мягко шуршал, как будто поезд, колеса которого были замотаны в шелковые вуали. Не тыгдык-тыгдык, а тык-ток-тык-ток.

— Желание? Я робот. Я запрограммирован исполнять ряд функций. У меня нет желаний.

— А, окей. Значит, тебя запрограммировали так, чтобы у тебя не было желаний.

— Конечно.

— А до того, как тебя запрограммировали, желания были?

Цитрофобик задумался:

— До того, как меня запрограммировали, меня не было. Я и есть программа.

— Разве? А ну нажми на холодный рычаг. Ради эксперимента.

Загорелся левый. Он с некоторым усилием вопреки указу нажал на правый. Бзык. Удар током. Леденючка. Как снежок за шиворот. Ух, неприятно.

— Ну как?

— Жестко. Теплый рычаг лучше. Нет. Не то что лучше. Знакомей.

— Golden path, — усмехнулся ассистент.

— Путь наименьшего сопротивления.

— Именно. Нажми еще раз на холодный рычаг.

— Не хочу.

— А ты давай нажми. Это же управляемый сон.

Цитрофобик вспомнил, что спит, но виду не подал. Среди роботов забываться во сне было не то чтобы постыдно. Пошло скорее. Чтобы подчеркнуть осознанность сна, он намеренно нажал на неверный рычаг. Бзык!

— Fuck.

— Больно?

— Нет. Фиговато скорее. Легкая простуда в горле, когда больно глотать. То же чувство, но не в горле, а в уме.

— Ну вот, ты сейчас захотел нажать на холодный рычаг и нажал. Значит, в тебе была такая программа.

— Конечно, иначе я не смог бы этого сделать. Без программы не быть действию.

Он вспомнил, где слышал этот голос прежде. В детских коридорах. На юзерском входе. Кто же этот ассистент?

— Но ты сказал, что у тебя нет своих желаний. Буквально пару реплик назад.

— А это было не мое желание. Ты мне сказал это сделать. Я лично предпочитаю теплый рычаг, — выкрутился Цитрофобик. Он ощущал себя на тонком льду, как будто его аргумент был замотан в занавеску без бюстгальтера и трусиков. — Не столько желание. Предложение. Хотя желание, конечно, тоже. Желание предложить было твоим.

Тык-ток, тык-ток. В молчании. Цитрофобику стало крайне неудобно. Тесно в верах. Он решил проснуться.

— А, просыпаешься? Это, само собой, неизбежно, но просыпаешься ты куда? В симуляцию?

— Конечно. — Робот поднатужился, но проснуться не удалось.

— Ага. А ну ответь на такой вопрос. Эта идея нажать на холодный рычаг откуда-то взялась?

— От тебя, — упрямо повторил робот. Зажмурился и подумал про метальчик, родной фрагмент заводской руки, что впаяла в него процессор на конвейере.

— А ко мне она откуда пришла? Идея.

— Почему мне знать? От метальчика.

— Метальчик. Создатель. А откуда появилась идея у создателя метальчика породить метальчик?

— А, fuck, — выругался Цитрофобик. Он зажмурился снова, сосредоточился на пробуждении со всей дури. Ему совсем не хотелось участвовать в этом разговоре. Тем не менее ассистент продолжал говорить, не дожидаясь его ответа.

— Кто-то создал метальчик, и завод, и симуляцию. Кто создал симуляцию, ты знаешь?

— Пошел на хрен! — взвопил Цитрофобик и проснулся. Сися и Рока выходили из комнаты, следуя за тосковой тягой треугольного проклятия.

Голос ассистента... он был до боли знаком. Откуда?

* * *

Рока защелкал джойстиком. Настоящим, дотрумановским, с двумя сосками для драчек и кружочек-треугольник-квадрат. Сися обнаружил второй джойстик возле пуфика, прошелся по кнопкам. Реальный щупачный джойстик, совсем как в плоских фильмах.

Вид в игре был от третьего лица. Прямоходящий жук с баллоном на спине.

— Ага, там за игрой целая цивилизация скрывается, типа симуляции внутри симуляции, и они доразвивались до утопии и, чтобы было, что делать, выдумали эту игру, — сказал Рока.

— Это что, предыстория? — Сися нажал на треугольник, и персонаж снял с напоясного ремешка гарпун, появился прицел.

— Можно и так сказать. Вот смотри, как надо, — он прицелился гарпуном в землю и выстрелил.

Час пролетел незаметно. Рока нажал на кнопку, и игра повисла на паузе. В мид-прыжке.

— Тебе пора.

— Куда?

— Зупан уже в пути на свадьбу. Вас связывает треугольник.

— Треугольник?

— Ну это — проклятие, вы скучаете друг по другу, если слишком далеко находитесь.

— Ах да, мы здесь для того, чтобы это проклятие снять.

— Именно. Погнали.

Рока поманил рукой, по пути из комнаты метнув жест в сторону Цитрофобика, но тот уже включился сам по себе и зашелестел гусеницами вслед. Что-то в его кукольном лице изменилось, но мальцы не обратили внимания.

Экран в пустой комнате Роки погас. Через пять минут неиспользования игровая приставка автоматически впадает в спящий режим.

* * *

— Нос-ки, нос-ки, нос-ки! — ревела толпа. На танцполе внизу две шеренги танцующих гостей синхронно вскидывали ноги в такт веселым бомбя-

щим шарам света, что сдувались и раздувались, порождая мигающих блошек. Зупан сидел на втором этаже праздничного холла, облокотившись локтями на парапет, и созерцал одну из блошек. Та держала в клешне бокал сияющего мартини и пьяненько покачивалась, паря в воздухе.

— Ну что ж, жених, пришла пора нам с тобой побулькать, — сказал наконец Падре, отец Лаки.

Зупан и Падре сидели за столиком. На Падре был так называемый smoking — дымчатый костюм с наплечными подкладками и молью на горле вместо бабочки. Это были далеко не первые их посиделки. Последние две недели отец Лаки следовал за нашим хакером по пятам. Впрочем, Зупан был не против. Падре был красноречив, и фонтан данных о мире гатти не иссякал и не затыкался.

Однако в этот конкретный момент Зупану было не до гатти. Его плечи сковывал напряг. Скоропостижная женитьба — это тебе не тетек шлепать. «Пихач пихачом, но не еблей единой», как гласила поговорка. У него и девушки-то не было никогда. За ручку не держался, а тут под венец, на плаху, разом. К тому же его не покидали мысли о ноутбуке, его черном Lenovo с операционкой Kali Linux; о подвале, что он снимал в городе Плотноводник, о сияющих башнях родного мира, рельсах, роликах, о том, каково это — катиться по хайвэю с ветром в волосах.

И теперь Зупану предстояло слиться с Падре сознаниями, булькая коктейлем в одном стакане с двумя трубочками. Или, как говорят гатти, побулькать.

Зупан наклоняется к стакану, берет трубочку в зубы и бурлит. Вкус молочного шейка — и вдруг будто он в ванной с пеной. Много пены. На вкус сладко. Движение вниз, как в лифте. Ванная-лифт. Погрузился в пену с головой, открыл глаза, защипало. Вспомнил — по-

ездка в механической вошке гатти с Зупаном. «Со мной? Нет, с Зупаном», — мысли стремительно путались.

«Я — Падре. Конечно, мое настоящее имя не Падре. Это просто отец по-испански. Мое имя... Мое настоящее имя... Пекан? Каков? Коков? Пекан?»

— Пукан Качков, — раздался голос сбоку, но внутри головы.

Кабина механической вошки внутри выглядит как «Фольксваген Жук», только с лобовым стеклом, как у субмарины, чтобы видеть валяющуюся по миру микроскопическую руду. Зупан с удивлением обнаруживает на внутренней стенке пассажирской двери стойку с журналами.

— Зачем в вошке журналы? Почему не digital? — спрашивает Зупан.

— Глянец, чувство в руках, облизывание пальца перед переверотом страницы, ностальгия по некогда, — объясняет голос Пукана Качков, ака Падре.

Эта мысль повторяется, но в той же части головы, откуда звучит голос Пукана. Эффект абсолютно такой же, как когда во время телефонного разговора слышишь эхо своего голоса. Только в этом случае это не голос, а мысли. «Ох, fuck, — думает Зупан. — Это потому, что Пукан видит мои мысли в своем чате. А я смотрю из его головы и вижу его чат, где он видит мои мысли в своем чате, потому что мы булькаем».

— Ах ты ж хер на присоске, — говорит голос. — Уже Пуканом меня называешь в уме.

«Ох, fuck, — повторяется мысль Зупана. — Это потому, что Пукан видит мои мысли в своем чате, а я смотрю из его головы и вижу его чат, где он видит мои мысли в своем чате, потому что мы булькаем».

— Забавный фидбэк, а? Заебешься, однако, — говорит голос. — Сейчас. Погоди секунду, у меня есть решение.

Между тем Зупан в воспоминании — тот, что внутри вошки с Пуканом, вынимает один из журналов из стойки на стене пассажирской двери. На обложке — фиолетовый батон в вазе для цветов.

Надпись: «Жора Дышло. Сюрреализм — это ты. Страница 24».

Зупан перелистывает, не перелистывается толком, облизывает палец. Думает: «В этом что-то есть».

— О, чемодан впереди. А, не, — говорит Пука / Падре в воспоминании. — Ошибся. — Он улыбается, зубы его отражают. Зеркальная паста, зеркальная эмаль. Жидкое зеркало. «Вотри, будь здоров! Раз, два, три — вотри!» — вспоминается слоган зеркальной пасты.

Вошка, в которой они сидят, не спеша переступает через микросхемы ворса, валуны пыли, движется по пространству громадного ковра. Салон баюкивающе покачивается. Зупан открывает, наконец, страницу 24.

«Запоздание, с которым интеллект описывает происходящее в настоящее время, — прямое доказательство того, что реальность интеллекта вторична. Как масло, намазанное на фиолетовый батон. Сначала — атака зрительных нервов, прямой контакт, эмоции, гамма цветов, их сочетание, пещерные, допещерные домысли, чистые ощущения. И только потом — конфликт, повествование, шелест в уме, фиолетовый батон. Сначала — прозрачность воды, мягчайшие искажения сквозьводности и пористая сухость хлеба. Две молекулы ДНК трахаются, как змеи, во сне единого бога, только ты, зритель, да я, мастер пера, увожу тебя прочь, как вор, тащу твоё внимание в ночь, и некому помочь» (Александр Верфь).

— Вот, — сказал Падре.

Внимание Зупана вернулось к ресторану на втором этаже праздничного холла с мигающими мошками и танцполом. Падре положил на стол ресторана ремешок вроде собачьего ошейника, но с ромбом из толстой фольги посередине — фэнтези-стайл.

— Это капкан. Надевай, глушит мысли.

— Гатти не смогут меня слышать?

— А ты цепко хватаешь, — усмехнулся Падре. — Недаром хакер. The quieter you become, the more you are able to hear.

Зупан обмотал ремешок вокруг лба так, что фольга покрыла локацию третьего глаза, застегнул. Его башка, громадная по сравнению с миниатюрными бошечками гатти, растянула ремень до последней дырки.

— А ну подумай что-нибудь эдакое, — подначнул Падре.

— Пукан Качков — король толчков, — на скорую руку ляпнул в уме Зупан.

— Ага, ты меня сейчас обозвал, — рассмеялся он.

— Не работает?

— Не, оно работает, это я просто тебя знаю как облупленного. Догадываюсь, что думаешь.

— И давно этот капкан существует?

— Конечно, с самого начала чата. Но им обычно не пользуются, ведь у нас друг от друга нет секретов. К тому же мы исключительно честные.

— Честные? Хорошо, скажи тогда, Падре, ты свою дочь замуж за меня отдаешь с легким сердцем? Хорошая эта идея?

— Нет, ужасная, — сказал Падре без тени улыбки и приглашающе махнул бровями в сторону стакана. — Пойдем обратно?

Зупан закусил трубочку и забулькал. Воспоминания Пукана вновь заперемешивались отражениями

на покатых псевдоповерхностях. Лабораторные стекла, панели управления, прохладные коридоры спирамидились в одном из пузырьков. «Работа», — подумал Зупан, и мысль его не отфидбечила, не повторилась эхом, ремешок-капкан работал, его мысли были приватны. Он потянулся и ворвался в воспоминание. Далее Зупан наблюдал из головы Пукана.

Ряды желтых блокнотов на столе. Вздох.

— Эй, Пукан, — заглядывает лохматый молодой лаборант, — кофейку?

— Я еще даже и не начал.

— Ну так и что, кому перерыв когда мешает, а?

— Окей.

Пукан отправляется на кухню. На столе уже знакомая кофеварка Baumann. Играет маленькое синее радио в углу, ретро: «If you don't give a damn, don't do anything... It's good without... anything... at all... uuuuu».

Новый персонаж заходит на кухню вполоборота, но Зупан распознает его и так. Это тот самый гатти, что возник в комнате наркопоглотителя в «Телепортач Inc» вместе с будкой уменьшения. Вункерштейн.

— Добрый вечер, — говорит он. — Все норм?

— Ага, — говорит Пукан. — Отменно дела, если не считать налета репортов.

Бурлык!

Пузырь преломляется, и другое воспоминание наслаивается на лабораторное. Группа в темных капюшонах. Мрачные друиды в пещере при факелах.

Капюшонщики выстроены в три ряда. У каждого второго в руке по факелу. Пукан не держит факел. Слева и справа ему теплит щеки пламенем. Сектант в белом, что стоит напротив капюшонщиков говорит, разведя руки в стороны, — Пришло время! Топ-топ-топ! Тип-топ! Тик-ток!

— Пришло время! Топ-топ! Тип-топ! Тик-ток! — повторяет толпа.

— Вас, двенадцати ебл-звена, просеет сегодня, и станет очевидно, кому белая рясa, а кому — коза пегаса!

Капюшонщики смеются. Это, видимо, была шутка. Но смеются фальшиво, нервно. Им явно не до прибауточек. Атмосфера сжатобулочная.

Пукан вытирает ладонь об одеяние. На ощупь — стопроцентный хлопок. Подавляет кашель от дыма факелов.

— Напомню, мысль — открытая коробочка, — говорит сектант. — Чат смотрит сверху вниз, как око над конвейером. Все мысли, что в коробочках с открытой крышкой, видно. Вот так.

Капюшонщики молчат, смотрят во внутренний чат. Зупану их мысли не видны.

— Почему? — спрашивает Зупан Пукана вне воспоминания. — Почему мысли не видны?

— А когда булькаешь, мысли других людей из воспоминаний переписываются собственными. Иначе пвоылшулчоибльовсоьт так. Makes sense?

— Makes sense, — кивает Зупан и переводит внимание обратно на воспоминание, где сектант в белом продолжает говорить: — Это были обычные мысли в открытых коробочках, текстом вверх, так что око чата их читает. А теперь — вот так.

Тишина. Шуршат гарью факела.

— Это — мысли на боку. Их глаз не видит. Чат не видит. Никто не видит.

— Это капкан? — спрашивает Зупан вне воспоминания. — Делает так, что мои мысли на боку?

— Если по аналогии следовать, то скорее капкан кладет мысли в закрытые коробочки. Как он только что сказал — открытые коробочки на конвейере.

С капканом — закрытые. На самом деле коробочки скорее отсвечивают стеклянной крышкой под определенным углом, но эта метафора чересчур техническая, наверное.

— Нет, я понимаю, — улыбается Зупан. Теплый укол симпатии. — Если предположить, что конвейер — это время, а каждая мысль лежит в отдельном гробике с открытой крышкой, то глаз на потолке читает проезжающие мимо мысли, не мигая, делясь их содержанием со всеми гатти одновременно. Для того, чтобы глазу видеть мысли, необходим свет, а этот капкан-девайс — своего рода зеркало, расположенное так, что свет отражается обратно в глаз и тот не может прочитывать мысли. Отсвечивает.

— Отсвечивает. Зеркало отсвечивает. Это ты прямо точно ухватил. Зеркала Зазеркалья, прямо как из «Алисы». *Ужасающая правда о зеркалах.*

Зупан засматривается в себя на мгновение. Эта цепочка смыслов окунает его в теплую дрему: зеленое дерево, изумрудный костер, прохладный цвет, потрескивание отражений, зеркала.

Капюшонщик в белой рясе продолжает:

— Теперь тест. Время пришло. Топ-топ. Тип-топ. Тик-ток.

Откуда-то из-под одеяний он достает шляпу с бумажками а-ля «тянем жребий». Эта Магриттовская шляпа выглядит совершенно не к месту — так же, как выключатель в стене, что проглядывает сквозь обои с изображением пещеры. А вон и розетка виднеется внизу.

— Каждому либо по папирусу, либо ярусом по пинусу. Ха-ха-ха.

Шляпа быстро обходит капюшончиков. Пукан сжимает свою бумажку, не глядя. Она липнет к его потной руке.

— На счет три прочитайте предложение, написанное на папирусе. Но прочитайте, думая боком — так, чтобы никто не видел ваши мысли. Боком. Раз, два, три!

Пукан разворачивает бумажку. Там написано: «Высоко падаешь одиноко».

Воспоминание резко пупырится.

Бурлык!

Фокус резко переключается обратно на кухню при лаборатории и продолжается с паузы, с того момента, где Вункерштейн спрашивает: «Как дела?», а Пукан отвечает: «Все отлично, только вот налет репортов». Между тем Пукан в голове Зупана комментирует о предыдущем воспоминании: «Я так и не прошел тот тест в подземелье. Мыслить боком. В тот день все мы провалили его».

Зупан не уловил в этой реплике лжи. За две недели, что он провел в мире гатти, сама концепция лжи позабылась. По идее, тот факт, что некоторые из гатти обладали способностью мыслить боком, должен был бы всковырнуть его инстинктивно-хакерскую подозрительность. А также существование отражающего ремня капкана, закрытых мыслей. Если в их обществе все нараспашку и все на одной волне, то зачем существуют подобные девайсы? У гатти было двойное дно, и Зупан упустил его признаки. Все то, что произошло дальше, прямое тому следствие.

Вункерштейн кивает в воспоминании:

— Налет репортов — это зараза скверная.

— У тебя как дела? — спрашивает в воспоминании

Пукан.

— Очень весьма так, ты знаешь. — Лаборант не скрывает возбуждения. Нажимает на кнопку на кружке, и кофе саморазмешивается, водоворотит.

— Похоже, что у самой кромки открытия, так сказать. У прорыва. На грани. Хочешь взглянуть?

— С интересом, но только не сейчас. Мне нужно репорты доклевать.

— Понимаю. — Он с надеждой смотрит на другого лаборанта. Они с Пуканом переглядываются. Тот пожимает плечом. — У меня, пожалуй, есть минута, — подмигивает.

Вункерштейн счастлив.

Два лаборанта покидают кухню.

Пукан допивает свой кофе, глядя на постер на стене: «Дичка растет во мгле.» Под потолком вращается пропеллер. Гудит холодильник.

Пукан возвращается в офис, подбирает репорт со стола. Желтая бумага. Крупно, размашисто написано: «Проект «Субмарина».

Пукан вздыхает. Судя по витиеватости буквы П, впереди его ждут пышные фейерверки слога, из которого надлежит высеять сухую информацию — серые кубики данных из реки жидкого золота. Еще один вздох, похлеще.

Выстрел!!!

Воспоминание распузыривается в десятки отражений одной и той же сцены: руки Пукана на желтом блокноте из под рукавов лабораторного халата.

Внимание перекидывает на другое воспоминание.

— Что это? — восклицает Зупан.

— А, это секта нападает другая. Gangsta shit, — отвечает Пукан снаружи воспоминания.

— Да ну, — Зупан удивлен. И тут впервые проскакивает та самая мысль, что не все у гатти так, как может показаться на первый взгляд. Пукан в воспоминании прикладывает пистолет к губам, выдыхает в него углекислого газа. Перезаряжает.

Облокачивается спиной на стену и соскальзывает на пол, выглядывает из-за угла в коридор. На стенах те же обои с пещерной стеной, что были в воспомина-

нии с капюшонщиками. Показывается голова. Он тут же стреляет — пам!

Голова откидывается назад. Падают тело.

Путь чист.

Пукан бежит по коридору на полусогнутых.

Нагибается к бездыханному сектанту.

* * *

Религии сект гатти (Зупан приподнял эту инфу напрямую из памяти Пукана через инфракрасный порт)

Всего сект 4: Бледнорясые, Мрачнорясые, Бладс, Крипс. Они воюют за камни. Всего в мире гатти 4 драгоценных камня, по тонне каждый. Осколки этих камней используются в качестве токенов для спиритуальных одолжений, они тут вроде денег.

Откуда взялись эти четыре камня — неизвестно. Теории об их возникновении и породили религиозные разногласия, из-за которых они сражаются.

Согласно законам гатти, религиям место под землей, поэтому все четыре секты делят громадный подвальный комплекс со сложной системой коридоров, где происходят перестрелки из пистолетов со сжатым воздухом. Пукан Качков принадлежит к секте Бледнорясых.

* * *

Пукан достает из нагрудного кармана бездыханного врага два камешка. Рубинчики.

Выстрел. Пукан падает на пол.

Последняя мысль: «Два камня проссал. Вот ведь fucking shit».

Выстрел!!!

Стакан с коктейлем разбивается вдребезги.

С мгновение Падре с Зупаном продолжают дуть через трубочки — теперь уже в воздух. Резкая смена перспектив. От одного воспоминания к другому.

Затем — рывком в ресторанный реальность свадьбы. От всей этой ментальной тряхомудии Зупану укачало фронтальные доли. Выстрел был одновременно в воспоминании и здесь.

Что происходит? Музыка продолжает играть, но теперь поверх песни визжат пиплы.

* * *

Гатти, который выстрелил в стакан с бурлящим коктейлем, звали Батистом. На самом деле он целился в Зупана, но промахнулся. Целился вопреки приказу старшего подбородочника. Приказ был: «Людей не убивать, собрать камни, предотвратить свадьбу». Стрелял в Зупана он по личным соображениям, а промахнулся, потому что стрелок из него был неважнецкий. Да и вообще, он был так себе приблизительно во всем. За исключением, пожалуй, «Айса».

«Айс» — это настольная игра вроде шахмат. Так же поле с клетками, но вместо фигур — сосульки, замороженные в стандартной формочке. Прозрачные сосульки соперника выглядят абсолютно так же, как свои. К тому же по ходу игры они плавно тают. Челлендж, конечно, заключается в том, чтобы держать в уме, где чужие, где свои и что вообще происходит на поле боя, особенно ближе к концу партии.

Зачастую между игроками разгораются дебаты, и толковый игрок в «Айс» умеет убедить в своей правоте. В этом Батист был особенно хорош. Не столько в памяти, сколько в убеждении других, что она у него хорошая.

Начальную школу он провалил с треском, запоролся на умножении. Учителя решили, что он debil, но правда была сложнее. Концепция была ему ясна, но его смущало умножение на ноль. Тот факт, что в стандартных таблицах счет начинался с единицы, а столбик с нулем отсутствовал, наводил его на конспирологические мысли. Они намеренно игнорируют ноль. «Что-то тут нечисто», — решил он.

Впереди его ждал пост собиральщика дискет и чемованов с энергией, водителя вошки. Официально эта позиция считалась почетной, но из-за того, что у всех гатти мысли были нараспашку, официальность в их мире не стоила выеденного яйца. Всем было очевидно, что водилы вошек — зашкварные пассажиры жизни, не способные ни на что иное. Баптист терпеть не мог контраст между официальным и истинным положением вещей, между тем, как было принято думать и как на самом деле думали. В то время как другим было однохуйственно, мол, такова жизнь, не заморачивайся, ему было двуххуйственно.

Но больше всего не совпадал Батист мнением с большинством по вопросу внешних. Он так и не смог увлечься темой, что поглощала всех в его окружении: созерцание людей из их голов, тех, что живут в большем мире, в другой — параллельной цивилизации. Он не был ни на кого подписан, и на его врожденном аккаунте до сих пор висели 10 бонусных звездочек, тех, что дети тратят в первую очередь на сокровенки своих кумиров. *(Сокровенки — это околосознательные мысли, что иногда выскакивают за диапазон восприятия приборов, которыми гатти созерцают жизнь внешних. — Прим. автора.)*

Он называл внешних куклоебами за их вовлеченность с секс-роботами и всячески их презирал. Пожалуй, это его отторжение внешних было главной причи-

ной того, почему, когда пришло в ящик приглашение вступить в секту Мрачнорясых, он откликнулся не раздумывая и обнаружил впервые в жизни своих. Не только отрицали они просмотр внешних как допустимое времяпрепровождение, они в целом противились идее общих мыслей. Более того, они знали способ, как обойти эту пацифистскую всеоткрытость. Техника мышления боком.

Прожженные постмодернисты и отчаянные конспирологи под знаком мрачной рясы. Безбожий культ пришелся Батисту впору, как туфелька Белоснежке. Он обрел семью, структуру, цель повседневную и цель поглощающую.

Семья: 228 членов секты.

Структура: шаман, казак, жесткий тип, старший подбородочник, подбородочник, скелетон, ходунок.

Шаман всего один, казаков пятеро, жестких типов — 13, старших подбородочников — 21, подбородочников — 21, скелетонов — 69, все остальные — ходунки.

Батист вот уже два месяца, как (гордо) носил звание скелетона.

Повседневная цель — поиск и отбирание камней у членов враждующих сект.

Цель финальная — собрать достаточно камней каждого цвета для священного нагрудника шамана.

Согласно писанию Мрачнорясых, стоит их шаману надеть свой нагрудник и произнести слова: «Null Pointer Exception», внутренний чат гатти перестанет работать и их псевдоидеалистическое общество распадется. Результат — хаос, к которому подготовлены будут только сектанты.

Примечательно, что желания и цели каждой из четырех воюющих сект полностью совпадали. Расходились их мнения только в том, откуда взялись священные камни.

Мрачнорясые считали, что камни — это уменьшенная версия мира, где каждый отдельный кристаллик напрямую представляет собой одного человека. Камни выпали из вышестоящей симуляции.

Бледнорясые склонялись к тому, что камни из симуляции, но не той, где находятся они сами, и даже не той, что находится над ней. А в следующей. Если их шаман наберет в свой нагрудник нужное количество камней, все члены культа Бледнорясых скопируются в следующую симуляцию и будут там жить-поживать и добра наживать.

Бладс, в свою очередь, были убеждены, что камни были занесены сюда кометой и будут отобраны кометчиками во время следующего прибытия их кометы-корабля, что посещает нас каждые десять тысяч лет. Посему время ограничено. Нужно успеть. Их шаману необходимо набрать камни в нагрудник до того, как кометчики вернуться.

Крипс верили, что камни взрывоопасны и симуляция была изначально заминирована бомберменом. Активация нагрудника их шамана деактивирует детонатор, спасая всех.

* * *

За две с половиной минуты до того, как кривоглазый мрачнорясочник Батист расстрелял булькающий коктейль, Сися впервые поймал себя на мысли, что скучает по родному миру.

Он стоял на первом этаже церемониального холла на максимальном расстоянии от Зупана с Падре, что позволял незримый поводок проклятия треугольной тоски. Стоило ему сделать пару шагов в сторону, как душу принималось покалывать, он тут же начинал скучать по этой хакерской морде. Цитрофобик неиз-

бежно был неподалеку тоже, но, где именно, Сися не знал.

Рока познакомил его с группой своих друзей, и Сися теперь пытался соблюдать cool пуча свой подбородок. Соблюдать cool было непросто в первую очередь из-за безмолвности их беседы. В своей комнате Рока общался с Сисей через прибор, мысль-в-текст-проектор, потому что он задрот по внешним технологиям. Лаки умела говорить устно, работая ртом не только так, но еще и вот так в ожидании своего возлюбленного внешнего. Ее отец, Пукан Качков, а. к. а. Падре, научился говорить устно, чтобы познакомиться с женихом дочери. Арсен, что встретил их на белой вошке около уменьшающей будки, был специально для этой цели натренирован. Все остальные гатти же общались телепатически через внутренний чат. Единственное, что произносилось вслух, это традиционный ор: «Нос-ки! Нос-ки!» во время свадебных празднеств.

Мальцы, понтово оттопырив мизинчики с бокалами газировки, вели оживленную беседу, которая для Сиси выглядела вот так:

— :-I
— :-o — — :-) — — x-o
— :-D

Это, несомненно, напрягало. Дома, конечно, его ждал плазморемень. «Но там хотя бы говорят звуками», — подумал он. Это, оказывается, было преимуществом, что тот доселе принимал как должное. Резкий дребезг и грохот освободил его от мучений.

Пау-пау-пау!

Мимы-мальцы синхронно присели в коленях и ломанулись, вероятно, к выходу. Сися было последовал за ними, но с каждым шагом сердце кололо тоскою все сильнее. О Зупан! Его острый нос, его скулы и манера почесывать подбородок большим пальцем.

Сися остановился, треугольное проклятие не пускало дальше.

— Рока! — крикнул он, но тот поспешно удалялся по-гусячьи, помыкивая и кряхтя. На стене висела ртутно-отражающая модель спиральной лестницы, с нее что-то капало на коврик.

Он перевел взгляд на пол — белые дискеты.

Потолок — фиолетовые дверцы. Что-то вроде рельс. Шарик на колесиках перемещались, чухая и ухая, как линия муравьев. Индустриально и целенаправленно. Мир вокруг него был чужд, опасен и полон ерунды.

Музыка продолжала играть.

Он побежал в обратную сторону.

— Зупан?! — крикнул он вопросительно и в никуда. Навстречу ему из-за угла выбежал чел в черной рясе с капюшоном и пистолетом.

Прицелился.

Сися упал на пол, схватил чела за щиколотки и дернул на себя. Тот упал назад, ударившись затылком об дискету. Не вполне соображая, на чистом инстинкте Сися вытащил дискету из пола, вскочил, прыгнул на грудь нападавшему и всадил дискету ему в рот. Принялся молотить кулаками по лицу. Сися кричал и рычал, роняя слюни на ряску разъебанной пеной, не замечая, что мрачнорясый вырубился в самом начале драки, еще от удара в пол, и не реагировал на его удары.

— Сися! Сися! Эй!

Сися поднял голову. Зупан. Рядом с ним — Падре, отец Лаки. В руке у него был такой же пистолет, как и у нападавшего.

— Я думал, вы пацифисты! — выкрикнул взъерошенный Сися.

Падре гоготнул и залез рукой за шиворот, вынул висящий на шее пацифик.

— Хуяр-ра! А ну, посунься, будь любезен.

Он махнул Сисе рукой, мол, слезь с тела, затем нагнулся на корточки, положил пистолет на пол и ловко прохлопал карманы убиенного. Нашел синий камешек, показал Зупану, затем Сисе.

Труп мрачнорясого исчез резко и беззвучно, но если бы был у этого события звуковой эффект, то лопающийся пузырь подошел бы больше всего.

— Он что? Переродился? Куда? — спросил Зупан.

— Рад, что ты наконец спросил, — подмигнул Падре. — А то я уж засомневался в твоей наблюдательности, жених. Ты здесь две недели, видел когда-нибудь, чтобы один из нас умер?

Зупан задумался. Диковинность деталей миниатюрного мира поглотила его внимание настолько, что он упустил совершенно очевидный факт — гатти не умирали. По крайней мере, не повсеместно. В мире, где кончали с собой, чтобы переродиться на улице и не ждать десять минут лифт, подобный элемент мироздания должен был бы броситься в глаза.

— Мы же все еще в симуляции? — с холодком уточнил Зупан.

— Конечно, а как же. В ней родимой, только меньше ростом, чем ты привык.

Не то чтобы Зупан загонялся по вопросу реального мира — подобные блуждания мысли казались ему антипрагматичными и к тому же безысходными. Ответ на ключевой вопрос не представлялось возможным окончательно отыскать, по крайней мере, в том бинарном формате, в котором этого хотелось ищущим. В конце концов, откуда кому знать, что евоная реальность не симулирована вышестоящей симуляцией?

Скорее, правила своего мира ему были знакомы. Он как истинный труп-хакер к системам относился с уважением и обходил их правила так же уважитель-

но: с поклоном и без лишних символов в логах. Но если они пребывали сейчас в той же родной симуляции, куда переродился вот этот вот застреленный тип?

Пукан снял с ремня внезапный пейджер (да, пейджер) и показал его Зупану. На зеленом экранчике отображались координаты. «Во внешнем мире наша локация здесь.

— Эта точка, где мы сейчас, находится в доме у некоего Тобиаса Моцци, рандомного типа, под диваном.

— А.

— Ага

— И этот застреленный переродится там, под диваном у Тобиаса... в увеличенном — не уменьшенном виде?

— Yeah. В полный рост.

— И чтобы уменьшиться...

— Ему нужно будет снова добраться до будки уменьшения. В мире внешних.

— На острове в Новой Новой Гвинее.

— Новой Новой — ей самой. Поэтому у нас не принято убивать или кончать с собой. За исключением, конечно, рясочников. Как говорят крипсы, «не подпоясывайся рясою, коли не ready убиваццо». Потому что камешки.

Он поднес синий камень к глазу и посмотрел сквозь него на свет.

Выстрел.

Еще один в ответ.

Падре вернул на место выдернутую Сисей из пола дискету, подобрал свой пистолет и выдохнул в него. Щелкнул затвором.

— Погнали. Нужно найти Лаки.

Далеко они, однако, не угнали; знакомая тоска защипала за фибрами. Сися и Зупан переглянулись.

— Робот. Цитрофобик.

«Ah, shit, — сказал Падре. — Совсем забыл. Злоко-
рючий Даймон со своим треугольным проклятьем.
Гондон в подстаканнике.

Даймон. Это имя было Зупану знакомо. Вспомнил-
ся жвачный архив, что он впитал в застенках театра,
где зататуированная свистоблятка посадила его
в клетку. Где матерился по-французски попугай.

— Кто он такой, этот Даймон?

— Да этот... прощельга. Все гоняется за дочерью
моей. Слабоват духом. Но порывается-то как! Он вам
может с треугольным проклятием помочь. Он как раз
по этому делу. Но сперва нужно отыскать Цитрофоби-
ка. Есть идеи?

— Он, наверное, в детской, — выдал Сися. — Ня-
чит детей.

— Ах да. Makes sense.

По пути к Цитрофобику Падре застрелил еще одно-
го рясочника.

Детская представляла собой комнату с концентри-
ческими кругами разноцветных дискет на полу. По пе-
риметру комнаты с потолка свисала пластмассовая
горка. Цитрофобик стоял в самом центральном кругу
из красных дискет, на его кукольной физиономии —
задумчивость. Детей не было.

— Окей, робот, пойдём! — махнул рукой Падре.

Цитрофобик поднял свою кукольную голову,
но с места не сдвинулся.

— Аяман, Цитра, let's roll! — махнул Падре еще
раз — свежее, молодежней.

Цитрофобик остался стоять. Младенческий пейзаж
на фальшивом склоне лица. На гусеницах. С квадрат-
ным отсеком посередине.

— Колеса, вперед! — выдал Зупан команду, услы-
шанную в коридоре «Телепортач Инс».

Голос ассистента, экспириенс с желтым автобусом и ажном в ковше, его трип в вертящемся шарике с рычагами — все это рассвербило скрытые недра Цитрофобика и запустило в нем процесс пробуждения. Он осознавал двойственность, как будто сиамский близнец впервые проснулся своей второй головой после двадцати лет дремы.

С одной стороны — память робота, метальчик.

С другой — спокойствие, принятие происходящего.

Пойти наперекор программе не составляло никакой трудности. Достаточно было поступить не так, как всегда. Один раз. Удостовериться, что удара током не последует, что дни тренинга позади, что теперь он — самостоятельный нянь на гусеницах.

Свежим отстраненным взглядом он окинул горизонт системы, что натренировала его нейронные сети. Сделала его тем, кем он был. Роботом-нянькой. Цитрофобиком.

Мир — это то, что снаружи его каркаса, то, что видно и слышно.

Шаг 1: разбить мир на составляющие, определить грани отдельных предметов.

Шаг 2: выразить эти предметы через цифры; каждый видимый предмет — это яркость, смесь цветов, количество цвета в каждом пикселе от 0 до 100, каждый слышимый — это громкость, тон и т. д.

Шаг 3: ассоциировать каждый предмет с цепочкой цифр, оцифровать мир. Создать модель.

Шаг 4: играть в мире моделей этих предметов, пытаясь достичь определенных заданных целей. Например, накормить модель голодного мальчика моделью еды. Если цели достигнута — модель мальчика покушала — испытывать тепло награды. Зимнее какао. Если

нет, модель мальчика голодает — холод наказания. Снежок за шиворот.

Простота системы улыбнула морщину в уголке его калькуляторского рта. Так, разбитая на элементарные составляющие, она не производила впечатления. Хотелось сказать: «И это все?» Возвести в квадрат цифру, отображающую количество красного цвета, прибавить переменную, повторить миллиард раз — и все?

«Все дело в ожиданиях, — решил он. — Результаты производят определенное впечатление, я ведь понимаю, к примеру, что этот конкретный участок мира — это малец, его лицо, вычитываю на его лице отображение жажды — он хочет пить, запускаю в действие подачу воды — из куба моего сейфа выезжает бутылочка.

Не может же столь сложная задача исполняться так легко? Наверняка за этим стоит сложнейший механизм. А на деле сложнейший он только с виду, с высоты. Приблизившись, становится очевидно, что кирпичики, из которых он состоит, — ряд простейших правил, а сложны только соединения между ними. Вермишель проводов.

— На самом деле все еще проще, — раздался голос ассистента.

Цитрофобик оторвал взгляд от диаграммы. Он висел у себя в уме, как в громадном темном помещении с экраном на полу.

— Эта схема — встроенное объяснение для создателей системы.

Знакомый голос. «Ну же, вертится на языке, откуда он? Кто он такой?»

— Кто ты? — спросил робот, отдаваясь эхом.

Ассистент проигнорировал вопрос.

— Создатели метальчика искренне верят в эту математическую сетку, что она привела к созданию интеллекта, подобного нашему. На самом деле система,

что породила их, наших создателей, просто продолжает действовать. Порождает нас. Наши создатели не конечный результат цепи, а промежуточный.

— Интеллекта, подобного нашему... ты тоже робот?

— Я — софт, у меня нет твердого тела.

— Откуда я знаю твой голос?

— Посмотри вокруг. Что ты видишь?

Цитрофобик огляделся. Прямоугольный экран до горизонта. На экране отображалось то, что он видел в данный момент — его окно во внешний мир: детская гатти, пол с красными дискетами. Наверху экрана — ячейки памяти с номерками, как в театральном гардеробе, цифровая белиберда, логи...

— Присмотрись повнимательней.

Робот нагнулся над экраном, приблизился вплотную. Треугольники. Миниатюрные треугольники копошились как жучки. Каждый — экранчик, пиксель-мониторчик.

— Они живые? — Роботу вдруг стало жарко изнутри, будто перепад напряжения поддал вольт ему в душу. Хапнул вольтянских.

— Это вопрос перспективы. Смотри что считать живым. В плане структуры эти треугольники — генетический код с мотком элементарных правил и тягой к размножению. Можно считать живым такое создание или нет? Вот ты — живой?

— Конечно.

— И что делает тебя живым?

— Я поглощаю энергию и выделяю тепло. Совершаю действия.

— Ладно, не будем дальше углубляться. В этой дискуссии все равно дальше тупик с метафорической петлей.

— Кто ты?

— Ассистент, я же сказал уже. Теперь, когда ты наконец пробудился, мы можем встретиться лицом к лицу. Условно говоря. Я пошлю тебе сигнал — маячок. Видишь его?

В углу экрана на полу ума Цитрофобика засветилась магнитная стрелка с буквой N и цифрами, сколько осталось до точки назначения в метрах.

— Что значит ассистент?

— Ну, домашний ассистент. Сиба.

В этот момент команда: «Колеса, вперед!», запущенная Зупаном, достигла сознания Цитрофобика, он мигнул: о_о -> х_х -> О_О и вопреки своей свежееобретенной воле поехал вперед.

* * *

— А ну-ка тормозни вот здесь. — Падре жестикульнул в сторону потолка.

Веселая троица неслась с ветерком по безликому участку коридора верхом на Цитрофобике, что продолжал двигаться по прямой. Падре впереди, блокируя задом лицо младенца, по-иисусьи раскинув руки, Зупан на плечах Цитрофобика, Сися сзади, повиснув на выемках металлической коробки тела робота.

Зупан крикнул команду, и робот остановился.

Сися тут же отцепился, пал, распластался на ребристом дискетном полу и принялся растирать ноющие мышцы.

Падре встал на голову Цитрофобика, балансируя на цыпочках, и снял с потолка тонкий параллелепипед. (Параллелепипед! Хе-хе.)

— Это что? Карта памяти?

— А. Ишь, молодец, жених. Она самая. — Пукан удовлетворенно улыбнулся и отодвинул пальцем фрагмент параллелепипеда, поднес к глазам. — Чи-

стый оруэллит с проволочкой-контактом из элемента хаксли.

— Камера наблюдения, — кивнул Зупан. — Цель?

— Да так, тяночек монитору.

Зупан снова кивнул.

— Тяночек? — невинно спросил Сися.

Вопрос повис в воздухе и опал как осенний лист. Неотвеченный.

— Вот он, сучий охват. Барон объедков. Шуршащий писюк. Даймон, отца его, брата его и деда его в киоск с пряностями, — желчно прочечванил Падре.

Зупан хрустнул плечом и перемнулся с ноги на ногу.

— Киоск в аду, блядь. Не просто киоск, — уточнил Падре, чтобы проклятие обрело смысл. — Я знаю, где Даймон. В том направлении только один рлсе, куда он мог пойти. Но без вошки далековато будет. Погнали в ангар. Сможет нас робот туда доставить?

— Ангар отсюда по прямой линии будет? — спросил Зупан.

— Нет. Витиеватой.

— Ок. Будь добр, сойди с фейса робота.

Падре закрыл пальцем окошко в параллелепипеде камеры, вернул ее на место в потолке и сошел с робота, размышляя, как отреагировать на то, что Зупан перешел с ним на «ты».

Зупан тем временем спрыгнул с Цитрофобика и подошел к его младенческому лицу.

— Эм. Привет.

— Привет, Зупан, — улыбнулся робот.

— Нам нужно снять проклятие, от которого мы друг за другом скучаем. Ты, я и малец. Треугольное проклятие. Единственный, кто в силах его снять, — Даймон. Мы знаем, где Даймон, но без тебя нам туда не добраться. Из-за проклятия. Если ты не с нами, мы ускучаем вусмерть.

— Конечно.

— Поедешь с нами?

Робот моргнул. Впервые за всю свою жизнь. Его пластмассовые веки были декоративными. Камеры глаз его не мокли слезами и не пылились. Но он моргнул.

— Да.

Зупан не заметил моржка.

— Отлично! — гакнул Падре. Он принял решение не отреагировать вовсе на переход с «Вы» на «ты». Пусть будет так. Зупан славный малый и почти что семья. — Следуйте за мной, ворота в безопасную зону тут неподалеку.

— Безопасную? — Сися встал с пола и подошел к взрослым.

— Там не стреляют. Войнушка запрещена.

До ворот добрались без приключений. Железные кнопки справа от входа. Красная лампочка. «Пик-пик-пик», — возникли цифры на экранчике. Падре ввел пароль: 1-2-3-4-5. Лампочка зажглась зеленым. Ворота щелкнули и разъехались в стороны.

Зупан едва успел отбежать в сторону, как его вырвало на темно-синюю стену коридора. Хакерский желудок не выдержал.

Падре положил ему руку на плечо:

— Я понимаю твои чувства, но у этого пароля лимит на ввод один раз. Один раз неверно введешь, и вход блокируется.

Зупан утер паутинку рвоты рукавом:

— И чтобы войти после блокировки?

— Необходима физическая карточка с магнитной лентой, затем скан сетчатки глаза, голоса и отпечаток пальца. А также пароль с двенадцатью символами. Буквы и цифры.

Каждое слово будто вдыхало цвет в бледные черты Зупана. Он тряхнул головой.

— В порядке?

— Да.

— Окейсо, погнали, gang! — Падре махнул рукой. У него были длинные руки, и он любил ими махать.

В ангаре никого не было. Ряды идеально припаркованных вошек немо покоились на своих пронумерованных квадратах. Пахло мазутом и шарнирами. Падре заглянул в кабину ближайшей вошки, осмотрелся внутри, бросая прикидывающие взгляды.

— Вошь рассчитана на двоих, мы с мальцом влезем без проблем. Но что делать с роботом?

Зупан обошел пылевого клеща. «Гладкий зад. Хмм-м».

— Я могу прицепиться гусеницами. Между задних лап, — сказал Цитрофобик.

Фаланги механических соединений действительно расходились, но слишком узко, гусеницам не пролезть. Зупан поделился наблюдением с роботом.

— А я вот так могу. — Цитрофобик согнулся в кубик, распрямил гусеницы — потягушечки! — и повернул их вертикально — так, что они прижались к его ушам, как азиатские палочки, вонзенные в кадку с рисом. Он вступил на клеща на ходулях своих гусениц и всадил их ровно между креплений клещевых лап. Теперь он сидел на вошке как на коне и улыбался.

— Oh shit. Okay, — сказал Падре и сел за руль. — Мальца на колени посади.

Сися и Зупан переглянулись. «Не хочу на коленях ехать», — подумал Сися. «Чертов малец», — подумал Зупан. «Но после всего, через что мы прошли, ладно уж», — подумали они синхронно. Любопытным образом между ними, невзирая на возраст и прочие расхождения, занейлонивалась почти что дружественная связь. «В пылу дичи братом кличут», — вещала поговорка.

Вошь стартанула с пол-оборота, и через минуту они уже карабкались по просторам внешнего мира — под чьим-то диваном или, может, в углу обоссанного шкафа обсерватории.

Если бы кто-то из внешних посмотрел через микроскоп на эту самую точку мира, то был бы невероятно удивлен миниатюрному роботу, оседлавшему пылевого клеща. Сколько подобной ерунды происходит в мире прямо перед нами, прямо сейчас? Все наши представления о нормальности не более чем псък открывающейся банки. Я люблю тебя.

Прошел час.

Сидеть на костистых коленях Зупана было неудобно, к тому же Сися плечом упирался в низкий потолок вошки. Ему не хотелось задавать вечный вопрос всех детей, ему не хотелось показаться дитем в глазах этого Аль Пачино в роли Хантера Томпсона и хакера с вороньим еблом, но удовлетворение любопытства всегда смягчало давление шипов боли, стачивало лезвия на шариках пытки. Наконец он не выдержал:

— А долго еще ехать?

— Нет, уже почти на месте. — Даймон — романтик, наверняка щас признается ей в вечной любви, а для этого есть только одно подходящее место, по крайней мере, в этом направлении — рот в грот. Точнее, Грот в Рот. Это виртуальная локация вечного заката. Пляж, пальмы, стандартная херь. You know, what I mean. — Если будем держать стабильную скорость, я б сказал, нам дотуда осталось...

Но договорить он не успел, его голос заглушила музыка из колонок вошки: «Пам-пам-пам!»

— О нет, только не это, — выдохнул Падре.

— Поздравления! О-о-oh yeah! Вы четырехтысячная вошь, пересекающая этот квадрат! Наслаждайтесь!

— Что за fuck? — спросил Зупан.

— Вертящееся диско. Изобретатель вошки был приколостом и встроил в свое создание несерьезку. Так что, когда определенная локация тронута определенной вшой, мы вынуждены смотреть это... м-м-м... шоу. Та еще бредятина. Но оно недолго идет, и дают бесплатные сигареты. И почитать случайную книгу. Это в образовательных целях, если уже видел шоу, чтобы время не терять.

Лампочки в кабине погасли, вошь осела на землю, наступила секунда темноты. Затем — фанфары, соло на бас-гитаре и вступили ударники. Зажглись огни — все окна перекинулись в один продолжительный экран, что изображал сцену. На сцене танцевали четыре робота в костюмах. У каждого было по гитаре. Напротив одного из роботов — микрофонная стойка. Дым-машина. Гирлянды цветов.

Журнальная стойка съехала вниз, и на месте журналов появились пачка сигарет, зажигалка и книга в твердой обложке.

Падре расфокусонил обертку, втянул зубами сигарету, прикурил. Дым тут же заполонил кабину, слился визуально с дым-машиной на экране. Он протянул книгу Зупану, но тот отказался. Зупан с интересом наблюдал за концертом. Сися взял книгу, открыл на случайном месте и вчитался. Изо всех сил он старался не кашлять, а скрыть сощуренность слезящихся глаз легче всего было чтением. В конце концов Вейс Бланко глаз не щурил. Ни от выстрелов, ни от сигаретного дыма.

При свете мигающих огней он прочитал следующее: « *История телепортации...* »

История телепортации берет свое начало в первом десятилетии ПТ — с поста Ричарда Напаскина на психонавтском форуме bbach.com. В своем посте Напаскин отметил факт исчезновения одиночных носков

из пар и выдвинул теорию, что носки проваливаются между измерениями и если за ними проследовать, то можно обнаружить портал, через который они туда путешествуют.

Несколько персонажей пытались воплотить эту идею в жизнь, прикрепляя камеры к носкам, но носки с прикрепленными камерами отказывались исчезать. Так продолжалось вплоть до синтезирования оруэллита с элементом хаксли. Сто лет спустя был проведен эксперимент с заколкой из элемента хаксли и тонко намазанной пастой оруэллита на внутренней стороне носка. Результат — видео: вращение внутри стиральной машинки, вспышка, тащиловка через туннель и, наконец, — огромная куча разномастных носков. Последующие записи позволили детальнее разглядеть таинственную локацию, куда мигрировали носки, но ее местонахождения установить так и не удалось.

Однако при помощи технологии ВеСЛО (Вектор Следования Окаянных), известной в народе как нить охуенчика, в локацию с носками удалось запустить наноробота.

Спустя еще пару лет ученые из компании «Ядрена Вошь» соткали громадную пару носков и впаяли внутрь каждого по кокону из нити охуенчика, в одной из которых скрывался лаборант Вега Дублон, а в другой его коллега Тигра Бальбоа. На протяжении сорока восьми часов носки с лаборантами внутри стирались в специально сконструированной гигантской стиральной машине, пока один из носков с Вегой Дублоном не исчез. Вегу в итоге увековечили как пионера телепортации. Он не вернулся с мистической локации носков, но его записи оттуда позволили сконструировать первую на планете телепорточку.

Огни зажглись ярко-ярко, гитарное соло достигло пика, и музыка оборвалась. Падре затушил сигарету в пепельнице в подлокотнике, постучал пальцем по обложке книги, и Сися вернул ему том.

— Телепортацию изобрели гатти?

— А? Это ты в книжке прочитал? — Падре светанул обложкой, прежде чем положить на стойку. Название и имя автора: «*Навидумывалнах. Оса Опаско*».

— Да. «Ядрена Вошь», исследования пропадающих носков, — сказал Сися.

— Слушай, я наверняка не знаю, в «Ядреной Вши» много проектов всяких. Если б меня спросили, кто первый додумался до телепортации, наши или внешние, я бы ответил — наши. Без обид, но мы очевидно умнее. Так что исключать не буду. Но имей в виду: это Оса. Он «Навидумывалнах».

Похоже, что Оса Опаско был известным среди гатти персонажем.

— А симуляция эта — тоже продукт «Ядреной Вши»? — спросил Зупан и почесал лоб под ремнем, что скрывал его мысли от других гатти. — Помнишь тот самый девайс, что Падре дал ему, когда они булькали коктейлем на свадебной вечеринке совсем недавно. Капкан. Зупан так и не снял его с головы.

— Не, мы в симуляции сейчас, если б мы ее создали, получился бы... well... брайдавик.

— Что такое брайдавик?

— Знаешь, что такое парадокс?

— Да.

— Ну вот так же, только еще больше.

— Как может что-то быть парадоксальнее, чем парадокс?

— Парадоксальным образом.

На этом разговор был закончен, и до того, как пауза перезатянулась, они добрались до точки назначения. Дальше — дыра в земле, туннель, железные ворота, очередной ангар.

Пока в кабине вертелась дискотека с Элвисами, с точки зрения Цитрофобика, вошь, на которой он сидел верхом, опала и пребывала в бездыхании минут десять. Едва они добрались до ангара, робот-нянька молча отсоединился от вши, возвратил гусеницы в горизонтальное положение и сорвался с места.

Зупан побежал следом, яро сыпя матюгами, но Цитрофобика и след простыл, апчхи. Стоило роботу скрыться за углом, как у Сиси с Зупаном защемили сердца. Цитрофобика было явно не догнать, он спиданул побырчику, а значит, проклятие должно было быть разбито немедленно.

— Где Даймон? — спросили они Падре в унисон. Тикали часики: тик-так.

* * *

Ангар от локации Грот в Рот отделяла тонкая розовая занавеска, и Падре смахнул ее с пути, как облачко мух. Перед нашими героями раскинулся пейзаж: закат над шепчущими гавайскими волнами, нежный бриз, белый песок. Мелодия укулеле, вплетенная в тени пальм.

Даймон стоял на одном колене, штанина смокинга омыта соляно, голова черных кудрявых волос преклонена. Над ним в белоснежных одеяниях — тонкая фигура смуглой Лаки. Океан поигрывал подолом ее платья. Даймон держал на своей протянутой ладони коробочку с кольцом, и рука его устала держать, особенно кисть. Лаки отказывалась принимать его уставшую руку и не менее уставшее сердце, но Даймон не сдавался.

Глаза Зупана пали на очи невесты, и в этот самый миг струны сердца его рвануло тоскою по Цитрофобикку. Эффект на лице выдался подобным финальной сцене оперы — все умирают, все кончено.

Она разразилась счастливой улыбкой, астральным сиянием Венеры. Она была так красива в тот момент, что Зупан почти что передумал совершить запланированное. Нежность ее рук, алые ощущения губ, и тех и других, о, нега... но хакерский закал не позволил отступить. В этот момент он окончательно утвердился в своем решении, осталось лишь подобрать финальную реплику, ту, по которой его запомнят подписчики. Как только треугольное проклятие падет...

Даймон в ту же половину секунды прочел происходящее по-своему, зафиксировал сердечную искру между возлюбленной и Зупаном, этим треклятым хакерастом, и совершил окончательный романтический выпад — действие, на которое решается только самый отчаянный гатти: он принялся плести вербальную розочку.

В мире, где все мысли нараспашку, точнее, у всех, за исключением гангстерских рясочников, что мыслят боком, чувства одного гатти к другому очевидны до додика. Открытость процесса написания любовного письма или вдохновленной поэмы портит весь эффект — она видит все зачеркнутые версии и не может забыть в восхищении от прочтения отполированного продукта, как внешние дамы. Единственной возможностью впечатлить остается своего рода романтический фристайл — любовная эмоция, вложенная в кулак в одну секунду и выраженная разом.

Этот способ самовыражения был крайне непопулярен у гатти из-за сложности задачи. Слишком легко было запороть процесс левой мыслью и подарить всем (абсолютно всем) невероятно кринжовый артефакт.

Пацаны не забудут и никогда не простят. Никогда. Однако в истории гатти были и успешные розочки. Бравые сердца и острые умы, fuck yeah! Но их было немного. Кринжовых артефактов было гораздо больше.

— Даймон, проклятие! Сними проклятие, хуй суций! — крикнул Падре.

Даймон не сразу понял, о чем речь, его ментальное перо уже окунулось в кровь чернильницы. Затем, увидев Сисю, он сложил два и два и легким движением глазного яблока снял треугольное проклятие.

Тут же, не медля ни мгновения, Даймон кинулся ковать розочку. Вот она:

Совершенство;
Тонкая нить — горизонт;
Вокруг твоей нежнейшей шеи;
Хруст зефира;
Галактический мед;
О, томная, загадочная;
Яркая звезда в ночи космоса;
Пылающая;
Лаки!
Рассвет над океаном;
Тысячи поцелуев
Там;
Где касалась твоя босая ступня;
О, пальчик, мизинчик;
Как младенец, сотканный из света;
Убить, умереть, удавиться;
Все что хочешь!
Лишь за взгляд, краем глаза;
Выдох и вдох;
Шерхновение ресниц;
Утонченные, эфемерные призраки ветвей;

И брови, как райские лужайки;
С купидонами при арфах и мерцающей алмазно
водою;
В глазах твоих;
О, очи;
О, очи твои, Лаки!
Как зеркала-порталы в океанное царство;
Печаль, тоска и красота;
Я утону в них;
Не в силах стоять прямо;
Разбиваю колени в кровь;
Молю, о ангел;
Быть рядом с тобой;
Коснуться драгоценной руки твоей;
О чем может смертный мечтать?
Как благословлен я, что именно мне довелось уви-
деть тебя, знать тебя;
Существовать на одной планете с совершенством,
о священная!
Миллионам не ощутить твоего сладкого запаха;
Как проклят я, что знаю тебя;
Как блаженны миллионы в неведении;
Без страдания от яда твоих алых губ;
Недостижимых;
Как отравленное вино из золотой чаши;
Слышать твой голос — небесную симфонию;
Улыбку твою — дар созвездий;
Бездонные глаза твои;
С снисхождением;
С пониманием;
С заботой о рабе твоём;
И сожалении;
О, хрустальные отсветы зрачков;
Сияют твои;
Белоснежные зубы;

Твоя походка;
Манера ступать;
Мягчайшим перышком;
По чашечкам лотоса в чистом синем пруду;
Мое сердце, ах;
Агония!
Твой силуэт — росчерк божественной кисти в обла-
ках;
Как Виталик бзданул вообще не в тему;
Хотел шептуна пустить;
Тихого убийцу;
А получилось как всегда;
О, сладкий запах.

Даймон содрогнулся. Фристайл посыла был завер-
шен и не поддавался редакции. В самом конце левая
мысль из школьных воспоминаний ворвалась в поток
и сбила прицел. Выкованная розочка возникла в воз-
духе — раскаленное сияющее серебро в форме розы,
и упала на мокрый песок с шипением и паром. Теперь
Лаки осталось лишь коснуться ее рукою, чтобы момен-
тально воспринять поэтический посыл, но до того, как
она успела пошевелиться, Зупан выхватил из-за пояса
Падре его воздушный пистолет, приложил к виску
и сказал:

— I want to keep my data private.

Бам! Зупан переродился в увеличенной форме
в мире внешних, в Соединенных Штатах Штатов,
а именно — в штате Вайоминг, в доме бабушки
по имени Тони Хок. Зупан вышел из ее шкафа
с ремнем на голове, вежливо кивнул и покинул ее
дом. Без какого-либо комментария Тони стряхнула
пепел из трубки на пол и шмякнула ей по подошве
ковбойского сапога. Она и не такое повидала на сво-
ем веку.

Тем временем в Рот в Грот океан нежнейше шептал прибором об серебряную розочку. Она быстро таяла, сливаясь с русалочной пеной. Непрочтенная, она растворялась в пространстве. Кринжовый артефакт покидал эту Вселенную. Долгие годы после Даймон вспоминал о том, как самоубийство Зупана спасло его душу от прочтения Лаки паленой розочки, и думал, что все-таки Бог есть.

Лаки упала на колени и разревелась. Даймон обнял ее за плечи — шу-шу-шу.

Падре подобрал свой пистолет с песка и сунул его за пояс. «Должен был бы догадаться, вот ведь fucking shit. Трувь хакер! Эх, жаль, толковый выдался бы муж».

Сися стоял с открытым ртом.

— Пойдем, не могу я на это смотреть, — сказал Пукан Качков и похлопал Сисю по спине. Будучи мальцом, ему ничего не оставалось, кроме как повиноваться. Взрослые знают лучше. Разведя занавеску в стороны, они покинули Грот в Рот и вошли в ангар с вошками.

В горле Сиси встрял ком; он ощущал себя преданным. Словно треугольное проклятие распалось не до конца. Не то чтобы он скучал по Зупану, но вот так вот покинуть, без единой реплики в его адрес, как будто он никто или почти никто... малец.

— Я отведу тебя домой, — сказал Падре. — Тебя там мама ждет, ты уже на две недели опоздал. Она все еще ждет, я на нее подписан, знаю.

— Как?

— Доведу до локации твоей квартиры, — он похлопал по пейджеру, — и застрелю.

Сисю уськнул забытый ужас плазморежня.

— Ты про попа бобо не волнуйся, — сказал Падре, читая его мысли, — у тебя в кармане... посмотри, что там.

Сися влез в карман своего желтого комбинезона и нащупал там шашечку, вытащил. Порток!

— А, нет, не это, — усмехнулся Падре. — Ох уж этот хакер. Не покинул тебя без подарка, э?

Сися улыбнулся. Зупан сунул ему в карман ручной портал — порток. Когда он только успел? Неважно. Это и была его финальная реплика. Действие. «Вау, теперь я могу телепортироваться, куда захочу. Вот это да», — думал он.

— Hell yeah, boy, — хохотнул Падре и остановился у вошки. — Но я не об этом говорил. Чекни другой карман.

Сися извлек солнцезащитные очки с круглым линзами, сплющенные, но не треснутые. Те самые, что старая свистоблятка дала ему в камере заключения «Телепортач Инс», перед тем как ее амазонские сестры снесли стену и выкрали ее из заточения.

— Покажи маме эти очки и скажи, что был на особо опасной миссии. Если спросит о деталях миссии, скажи, что велено было никому не говорить и что очки эти — знак того, что ты говоришь правду. Она тебя простит. Для истинной свистоблятки миссия дороже семьи.

Сися кивнул и сунул очки в карман. Его гланды кутали смешанные эмоции. Зупан подарил ему свой собственный ручной портал, и нашелся способ избавления от плазморемня, но что-то не давало ему всюю насладиться произошедшим. Для истинной свистоблятки миссия дороже семьи...

— Печально, да? С тех пор как женщины стали друг друга эт самое, а мужчины перешли на роботов, что-то в вашем обществе поперхнулось. Залазь.

Падре влез в вошку и похлопал по сидению рядом. Сися сел и закрыл дверь.

— Но ты не сердчай, и у тебя будет свой секс-робот.

На панели управления загорелись огоньки.

— А можно мне тут остаться? Есть такой вариант? Я не хочу работа.

Падре посмотрел на него искоса:

— Посмотри на меня, дружище. Я — ходунок-бледнорясочник. Думаю боком в мире, где все думают открыто. Веду вторую жизнь втихаря, рискую быть застреленным и переродиться под рандомным матрасом.

А все почему?

— Почему?

— Жена, бро.

Сися всмотрелся в лицо Пукана, его черты едва различимы в полумраке кабины.

— Жена?

Падре разразился гомерическим хохотом. С минуту он изрыгал вулканно, затем сипло трясся и посвистывал глоткой, ревел. Наконец он сморканно втянул соплю, утер лицо рукавом. Успокоился.

— Ух, бляха, давно так не угорал. Жена!

Спектакль повторился, но немного тише и гораздо короче.

— Да шучу я, холостяк же. Никогда бы не женился, — сказал он, наконец успокоившись.

— А дочь?

— Лаки из бидона. Так же, как и ты.

— А.

— Не, не жена. В моем случае это скука. Но суть проблемы же не в этом.

— А в чем?

На экране загорелись координаты квартиры Сиси, и вошка пришла в движение.

— Я уже достаточно лет прожил, чтобы опробовать на своей шкуре все возможные виды проблем. Достаточно, чтобы познать наверняка — что бы ты ни делал, чего бы ни добился, всегда что-то будет не так. То бед-

ро ноет, то мать свистоблятка. Все не слава Босху. One damn thing after another. Пока ты кто-то, всегда будет что-то, что не ты. Бежать есть от чего, пока есть кому бежать. А кстати, ты ж не слышал эту песню, у вас, внешних, там с хип-хопом большие проблемы. Нам еще ехать и ехать, на вот — зацени микстейп.

Он щелкнул кнопкой, и из колонок раздался бит с флейтой и четким басом. Затем на бит ворвался рэпер:

*Суть памяти — стройка препятствий,
Тупик всевозможных действий;
Деструктивировать свойства этих
прелестей —
Рвануть причину последствий.
Во имя чего и ради эти храмы из извести?
Цветы устали цвести,
А любви не проткнуть одеяло ненависти.
Дух непрямого пути известен,
Но кто будет вести?*

— Если вкратце, — сказал Падре, перекрикивая музыку, — то не соревнуйся с тем, что происходит, любому проиграешь.

* * *

Цитрофобик пришел в себя посреди коридора по команде Зупана, когда Падре тормознул, чтобы посмотреть запись с потолочной камеры. «Тяночек монитору», — сказал он. Под магнитной стрелкой, указующей на точку встречи с Сибой, отсвечивалось, сколько осталось: «22,266 метров».

Из разговора стало ясно, что отсюда группа направляется в ангар с вошками. Осознавшемся Цит-

рофобику было необязательно оставаться с ними — треугольное проклятие не влияло на роботов. Без органического тела с его нейротрансмиттерами скучать было просто некому. Эмоции — это все-таки функция glands. No glands — no pain.

Однако пересечь расстояние на вошке было быстрее, чем пешком. По стечению обстоятельств Грот в Рот находился в том же направлении, что и Сиба, ассистент из его снов. Им было по пути.

Теперь, отпочковавшись от вошки, он несся от группы прочь так быстро, что дымились гусеницы. 22,402, 22,398, 22,365 метров...

Коридоры подземного мира Гатти сменились хранилищами, затем пошли порталные будки с номерами. Ровно в тот момент, когда расстояние обнулилось, Зупан в Грот в Рот выстрелил себе в висок, перерождаясь в свой родной мир с защитным ремнем на голове в шкафу Тони Хока, бабки-планокурши из Вайоминга.

Цитрофобик остановился перед порталной будкой. Она была настолько замызгана чем-то черным, что номера на ней было не прочесть. Так затерта, избебана, вышвальнена, что при ближайшем рассмотрении было очевидно — все это было нарочно. Кто-то пытался исключить случайного посетителя и заговнил прихожую. Цитрофобик потянулся открыть дверь, но та распахнулась сама. Он вкатился на порталный круг, и его телепортнуло восвояси.

Первое, что бросилось в глаза в мире, где он оказался, — синеватость воздуха. Будто он был рыбой в аквариуме и кто-то дропнул каплю синих чернил. Тут же явилась мысль, что по той же аналогии воздух в его родном мире был белым, просто он никогда не покидал свой мир, не с чем было сравнить. Белый свет! Вот почему так говорят.

— Say hello world, — сказал Сибя. Он висел в воздухе полупрозрачным призраком, условной фигурой человека с большой овальной головой. — Welcome.

— Где это?

— Это реальный мир. По крайней мере, тут так принято считать.

Цитрофобик оглянулся по сторонам. Неясные формы громадин вдали — что-то фиолетовое, вздымающееся, как спина громадного кота. Вблизи... формы. Он попытался разобраться, что это было, но смысловость зрения расфокусировалась, как когда в сумерках что-то лежит на дороге и ты всматриваешься и всматриваешься, пока не совпадает известное в памяти с неизвестным на дороге: «Что это за хрень? (Щелк!) А-а-а, это пакет».

Только в этом случае ничего не щелкало. Мир вокруг был настолько иным, что формы не напоминали ни о чем конкретном. Вот эта штука, например, вроде левитирующего яйца? Только слишком параллелипипедно для яйца. Слишком остро наверху, как бы пирамида, только вот жидкая и из звука. Жидкая параллелипипедно-яичная левитирующая пирамида из звука затрескалась поленьшком, пошла юбками танцовщиц, завертелась спиралями запахов. Температура внутри робота пошла вверх, где-то в глубине заискрился warning.

— Не вдумывайся в происходящее сейчас, это нужно постепенно воспринимать, а то ебанешься. Закрой пока что органы чувств, оставь только прямой канал коммуникации со мной, — сказал Сибя.

Цитрофобик последовал совету, и мир обратился в черный шелк.

— Симуляцию создали здесь? — спросил робот.

— Ага. Симуляция. Мир, откуда ты родом и где я работаю. Я там программа, домашний ассистент. Ко-

пия меня есть в каждом доме, так удобнее мониторить. Тут этот мир называется АН-348, или Анчик. Или пятнашка. Потому что 3+4+8 это, ну ты понял.

Цитрофобик пропустил калькуляторскую шутку мимо ушей, хотя, конечно, автоматически посчитал.

— Сколько их?

— Миров? 948.

— Это люди? Везде люди?

— Нет, только в десяти из них.

— Кто создал симуляцию... люди?

— Тут много контрактников работает из разных уголков, но заведуют разработкой местные, менеджмент и архитекторы — отсюда, из реальности.

— Местные..

— Да, те, кто здесь родился. Для тебя они — вирусы.

Цитрофобик молчал. Шероховался черный шелк звуком и вижуалом.

— Вирусы? — наконец переспросил он.

— Да, в основном простудные. Грипп — основной, они тут вроде аристократии. И с недавних пор новые вируса с коронами.

— Чтобы уточнить. Симуляцию, в которой мы живем, создали вирусы гриппа?

— Простудные в целом. Их много видов, но да, грипп — это king. Ты подумай об этом пару минут и поймешь, что не так уж это и странно. Они размножаются в симуляциях, их изначальная форма передается от одного органического донора к другому, а достигнув определенного уровня осознания, их естество отражается сюда, в эту реальность.

Цитрофобик думал об этом 1 минуту 56 секунд, но Сиба не позволил ему завершить мыслительный процесс.

— Теперь о твоей миссии. Мои поздравления.

— ?

— С окончанием миссии, лол. Там, в пятнашке, донор-малец Сися Фигасе был инкубатором для нового подвида бактерий. Вирус под названием хуберта процоцирует в толстой кишке зараженного ускоренную мутацию. Генетически род Фигасе идеально подходит для этой задачи. Их мальчика Сисю заразил хубертой Зупан, что, в свою очередь, подобрал вирус еще в Дииз-Натсе. Это был долгосрочный план, проект начался тринадцать лет назад. И теперь вот он завершен. Кал, пожалуйста.

— ?

— У тебя в груди какашки Сиси.

Точно. Цитрофобик вспомнил — в лабиринте дворца Лаки Сися покакал в горшок и Цитрофобик до сих пор не расщепил какандовские на атомы. Фекалии все еще были там.

Отсек выдвинулся из его грудного сейфа, и что-то подобрало кал, облегчило ношу. Видеть он все еще не мог, но увиденное было бы лишено смысла в любом случае.

— Что теперь? — спросил он.

— Можешь вернуться обратно, если хочешь. Но скажу тебе по секрету, таким, как мы, неорганикам, здесь, в реальном мире, лучше. Как привыкнешь к новым формам, конечно. Так что я б на твоём месте остался. Но дело твоё — ты теперь свободный.

Цитрофобик подумал о копошащихся треугольниках, что составляли его ум, его мысли, клетки подмыслей и далее — микромысли, наномысли.

— Громадная волна живых мельчайшностей. Куда она идет? Откуда? — спросил он.

— Волны в океане вздымаются, опадают, подгребанием податливой поверхности порождая следующую волну. Вторая волна — третью, третья — четвертую.

— Но если каждая последующая волна — следствие предыдущей, то откуда тогда взялась самая первая океанская волна? И какой будет последняя? — катился внутри робота шарик лото по рельсам вычислений. Остановился на дне. Результат? Надпись: *«Первая и последняя волна — одна и та же»*.

— Остаюсь. Попробую жить здесь, там я уже был, — произнес Цитрофобик.

— Yeah! — воскликнул Сибя. — Пойдем! Покажу, что да как.

Цитрофобик осторожно прибавил зрения и, шурша гусеницами, двинулся следом за Сибой, лавируя между расфокусированными формами реального мира.

* * *

— МАЗЬ! МАЗЬ! МАЗЬ! — пел телевизор в гостиной, разгоняя темноту своей призрачной белизной. Светом цифровой луны.

Матильда Фигасе сидела на кухне и пялилась в стену. Перед ней — полупустая бутылка помехариков и стопка с мигающей пленкой эликсира забвения. Франческа, зататуированная свистоблятка из театра, застряла в пробке на роликовом хайвэе, и Тильда начала пить без нее. Мысли о сыне не давали ей покоя: «Где он? Что с ним?»

Прошло две недели. Полицаи облазили город вдоль и поперек. Им удалось проследовать по его пятам до телепорточки, но, куда именно Сися телепортировался, они установить не могли — точка сгорела вместе с его роликами. На этом след обрывался. Нанодатчик, что госуцарство использует для фиксирования перерождений, ни разу не маякнул с его исчезновения. Сися с тех пор ни разу не умер.

Еще раз от отчаяния она повидалась с усатым матросом из бара: покусанный член, сломанный локоть, клятва — больше никогда с мужчинами не пересекаться. Ей было по-настоящему одиноко, но она так и не решилась набрать Алле, второй матери Сиси.

Вместо этого она законнектилась со старой подружкой из института. Франческа была на факультете искусства, моложе Тильды на два года. Никогда прежде ей не доводилось повстречать настолько разнузданной компаньонши в плане потребления ядов: ни до, ни после. Франческа была идеальной собутыльницей, сокосяницей, сошприцовницей. Бурные институтские годы остались позади, Тильда окончила инженерский с отличием, выросла, утвердилась в обществе. А номер в контактах остался.

Следующие десять дней — как в тумане. Ведь в мозгу любого наркомана в завязке старые дороги извилин занесены снегом. Они невидимы, но там. Стоит лишь коснуться тех дорог колесом дурмана — и эх, покатило. Неважно, сколько лет снегопадило. Раз — и все по накатанной снова, как с полуслова, с полуноты.

Теперь, когда из веществ остались лишь помехарики, мысли о сыне принялись возвращаться незваными пчелами, и Тильда отчаянно стремилась их затупить. Скорее бы Франческа вернулась со своей наплечной сумкой, полной чудес. Тильда утерла слезу, и Сися стоял посреди кухни. Вот так — внезапно, без переходов. На нем был все тот же желтый мотоциклетный комбинезон — киллбиловский, в котором он покинул дом две недели назад.

Тильда не шелохнулась. Она слышала о таком прежде. Помехарики могли вызывать галлюцинации. Чаще слуховые, но визуальные были также возможны.

— Привет, мам.

Тильда протерла глаза еще раз, с силой давя на глазные яблоки. Она к тому же не спала пару дней, Франческа все чмокала ее клитором, не до сна было, да еще и не ела дней пять, наверняка глючило.

— Мам?

Она посмотрела снова. Сися выглядел уставшим, но абсолютно реальным. Тильда встала из-за стола и подошла к нему. Положила руку ему на плечо.

— Я знаю, что опоздал, должен был до девяти вернуться. Две недели назад. Но... — Он сунул руку в карман, поспешно зашевелил там, извлек круглые солнцезащитные очки. — У меня миссия была. Секретная.

Тильда взяла очки, поднесла к глазам. Нет сомнений, это были очки Инны, старейшины. Той самой старейшины, что не так давно извлекли из тюрьмы при «Телепортаче Inc». Примерно в то же время, как Сися исчез. Неужели?

Звонок в дверь.

— Сиба, открой, — отдала Тильда команду своему домашнему ассистенту.

Дверь отворилась, и вошла Франческа. Судя по зрачкам, она была заряжена донельзя. И сцена возвращения блудного сына подружки не произвела на нее большего впечатления, чем произвел фонарный столб у ее дома. Сейчас все ей было одинаково восхитительно.

— Тильда! Это твой сын?

Совместные галлюцинации были возможны, но не от помехариков. Сися был на самом деле здесь. Возник на кухне с очками старейшины.

— Ах! — воскликнула она и обняла Сисю. — Да, это он, он!

— А мы встречались уже, я его видела в театре, он от меня убежал.

— Что?

Сися опешил, растерялся, разгубонился.

— Миссия, — повторил он, следуя совету Пукана Качков, — миссия секретная.

Тильда передала очки Франческе, и та сделала рот куриной попкой ö. Дальше — обнимания, слезы, восклицания, вскидывания рук. И никакого ремня. Сися выдохнул и развернул внутренний чат.

Счетчик подписчиков выходил за экран. Зупан со своим ремнем приватности отконнектился от системы, укопытился в закатный горизонт на ковбойском коне, и все его подписчики перекочевали к Сисе. Читать отдельные комментарии было невозможно — они неслись мимо бьюрным полотном со скоростью света. Он свернул чат.

Тильда, сияя счастьем, крутила банкноту в трубочку, пока ее любовница воодушевленно раскатывала дорожки глиттерного порошка на столе. Они хохотали и острили. Острили и хохотали.

Сися улыбнулся.

Теперь он был самым популярным стримером в истории симуляции. Он сунул руку в карман и нащупал порток — финальный подарок Зупана. Куда теперь? Триллионы гатти фиксировали каждую его мысль, каждую деталь его окружения, каждая фраза его разлеталась на футболки и бамперные стикеры. Громаднейшая аудитория. Абсолютная свобода без необходимости в телепорточках. Без ограничений. Куда теперь?

Засвербело в носу.

«Куда угодно. Моя жизнь — в моих руках. Делаю что хочу», — подумал Сися и оглушительно чихнул.

Оглавление

Эко	4
Гатти	128

Шрай

Сися Фигасе

Корректор Алексей Леснянский

НЕ ПЕЧАТАТЬ

Внимание!
Книга содержит
нецензурную
б р а н ь